

В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

АЛЕКСЕЙ АЗАРОВ

ОСТРОВИТАНИН

В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

АЛЕКСЕЙ АЗАРОВ

Островитянин

ПОВЕСТИ

О Р Д Е Н А Т Р У Д О В О Г О К Р А С Н О Г О З Н А М Е Н И
В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
М И Н И С Т Е Р С Т В А О Б О Р О Н Ы С С С Р
М О С К В А — 1 9 8 1

P2
A35

Азаров А. С.
А35 Островитянин: Повести. — М.: Воениздат,
1981. — 176 с. — (Военные приключения).

В пер.: 75 к.

В книгу вошли две повести: «Идите с миром» и «Островитянин». Они объединены одним общим героем — советским разведчиком Славой Багряновым, который под видом коммерсанта из Софии действовал в начале войны в Италии, Франции, гитлеровской Германии и монархо-фашистской Болгарии.

А 70302-176 — Без объявл. 4702010200.
068(02)-81

ББК84Р7
Р2
© Воениздат, 1981

ДИТЕ С МИРОМ

1

Я ненавижу мелкий дождь. Не то что он действует мне на нервы, но при виде капель, тянущихся по оконному стеклу, у меня возникает озноб. Мир с его серым небом кажется собором, где идет панихида по усопшему. Хочется вынуть платок и промокнуть глаза.

Дождь преследует нас с самой границы. Сначала это была гроза с ударами грома, похожими на бомбежку, потом она перешла в ливень, а сейчас выродилась в мелкую дребедень, которая и не думает сделать передышку. Во всяком случае, до вечера у неба хватит запасов воды — пепельные клочья, плывущие в зените, с каждой минутой все плотнее смыкают строй, сливаются в безнадежную темную тучу.

Отправление затягивается, и я стою на перроне, разглядывая воробьев, прячущихся под навесом. Они мокры и невеселы, и перья у них топорщатся, как иглы. Птицам тоже плохо, и даже крошки булки, брошенные мной на асфальт, не привлекают их внимание. Мне тоже не хочется есть, хотя я еще не завтракал, а ранний вчерашний ужин мой состоял из двух бутербродов с колбасой и чашки жидкого кофе.

Я всегда плохо ем и сплю в дороге.

Усатая итальянка — первое купе, место номер два — прогуливает по перрону сизую от влаги болонку. Болонка брезгливо обходит лужи и нервно зевает, показывая обложенный налетом язык. Судя по налету, у нее должны быть глисты. Я касаюсь пальцами полей шляпы и выдавливаю улыбку.

— Доброе утро, синьора!

— Доброе утро... Почему мы так долго стоим?

— Никто ничего не говорит. Даже радио онемело.

Сначала я думал, что нас держат, чтобы пропустить воинский эшелон. Он грузился у соседней платформы — полтора десятка вагонов третьего класса, один

штабной и три открытых с танкетками. Унтер-офицеры со вздыбленными от ваты плечами носились вдоль состава, цукая солдат. Прямо на перроне стояла низкая и длинная зеленая машина с флажком на радиаторе; у водителя, обер-ефрейтора, было лицо профессионального лакея. Стоило только видеть, с какой холуйской миной сорвался он с места, чтобы распахнуть дверцу лимузина перед коротышкой в полковничьих погонах!

Машина, рывкнув, сорвалась с места, унося коротышку в город, а минуту спустя без гудка, почти бесшумно отчалил от платформы эшелон. Унтер-офицеры стояли на площадках, угрюмые, как памятники самим себе.

После этого прошло полчаса, но экспресс Симплон—Восток продолжал ждать чего-то у закрытого семафора. Стоит ли верить проспектам железнодорожной дирекции, рекламирующей «Симплон» как самый лучший из поездов, всегда идущий по расписанию?

Итальянка нежно гладит мокрую болонку.

— Не капризничай, Чина, тебе уже давно пора пи-пи...

Усы у итальянки как у д'Артаньяна, но это не мешает ей кокетничать вовсю. Кажется, она не прочь со мной подружиться — до Милана еще так далеко, а в дороге скучно.

В нашем вагоне пустует половина купе. Война. Сейчас по Европе путешествуют только те, кого гонит в дорогу необходимость. Я тоже, честно говоря, охотнее сидел бы дома или в своей конторе на улице Графа Игнатиева. В такую погоду Мария сварила бы мне крепкого кофе, и я пил бы его из крохотной чашечки — горький, густой, взбадривающий каждый нерв. Кофе с сахаром я не пью.

— Ну же, Чина, делай пи-пи!

Я вздрагиваю и смотрю на итальянку. Она озабочена. Болонка кружится возле моей ноги, прилаживаясь намочить мне на ботинок. Строю милую улыбку и отодвигаюсь. И снова вздрагиваю, ибо черный раструб перронного репродуктора внезапно обретает дар речи. Слова хрустят, как жесьть.

— Пассажиров экспресса «Симплон» просят занять места в вагонах! Повторяю: дамы и господа, займите свои места в вагонах! Соблюдайте порядок!

Диктора-немца сменяет итальянец; он говорит то же самое, только мягче, без командных интонаций; третьим объявление читает серб. Д'Артаньян в юбке подхватывает на руки свое мохнатое сокровище и торопится в вагон. Я помогаю ей одолеть ступеньки и устаиваюсь многообещающей благодарности.

— Грация!

Одно слово, но как оно сказано! Придется, видимо, при случае намекнуть д'Артаньяну на какую-нибудь свою болезнь потяжелее, а до этого постараться как можно реже выходить в коридор и держать дверь на цепочке. И почему это мне всегда так везет? Куда бы я ни ехал и как бы пуст ни был вагон, в нем всегда отыскивается одинокая дама, безошибочно угадывающая во мне холостяка и считающая долгом пустить в ход чары и средства обольщения.

Итальянка наконец скрывается в купе, а я, не теряя времени, почти бегу в другой конец вагона. Мне почему-то кажется, что объявление по радио отнюдь не означает конца затянувшейся остановки и связано с каким-то сюрпризом для пассажиров. Если это так, то лучше будет смирно сидеть на месте, сменив обычную обувь на теплые домашние туфли без задников и погрузившись в чтение детективного романа.

Так я и делаю; заодно достаю с верхней полки верблюжий халат и набрасываю его поверх пиджака. Согревшись, закуриваю и жду.

Тихие шаги в коридоре. Негромко брошенная фраза, в которой мелким и сухим горошком прокатывается буква «р», и вслед за проводником в коричневой курточке через порог купе перешагивает Вешалка с обвисающим с плечиков костюмом. Костюм черный, в скромную тонкую полоску. Сюрприз, хотя и не тот, о котором я думал.

Вешалка складывается пополам и опускается на диванчик напротив. Загромождавая проход, на коврик укладывается желтый кожаный кофр — весь в ремнях, как полицейский на смотре, — а рядом с кофром протягиваются две жерди в брюках, такие длинные, что проводник, выходя, едва не спотыкается о них.

— Мерзкая погода, — говорит Вешалка вместо приветствия. — Э?

Я соглашаюсь:

— Совсем не похоже на лето...

У Вешалки четкий берлинский акцент и серые волосы. Не сразу поймешь, что это — естественная окраска или седина. Нахожу необходимым представиться:

— Слави Багрянов. Коммерсант.

— Фон Кольвиц.

И все. Ни имени, ни профессии. Так и должно быть: для немца, да еще обладателя приставки «фон» перед фамилией, болгарский торговец—парвеню, неровня. Тем лучше, путешествие пройдет без утомительной дорожной болтовни, после которой чувствуешь себя обворованным.

Фон Кольвиц, грея, потирает ладони. Пальцы у него сухие, узкие; на мизинце правой руки перстень с квадратным темным камнем. Банковский служащий высокого ранга или промышленник? Не следует ли предложить ему сигарету?

Пока я раздумываю, в коридоре вновь возникает шум — на этот раз громкий, с вплетенным в него характерным бряцаньем оружия. Звонкий молодой голос разносится из конца в конец вагона, обрываясь на высоких нотах:

— Внимание! Проверка документов! Приготовить паспорта!

Стараясь не спешить, достаю из внутреннего кармана паспортную книжку с золотым царским львом и внушаю себе успокоительную мысль, что позади уже три такие проверки: две на границе, при переезде, и одна в Софии. Фон Кольвиц продолжает массировать пальцы, словно втирает в них гигиенический крем. По стеклу ползут, набухая, тусклые длинные капли. И когда он кончится, этот дождь?

Кладу паспорт на столик и снова закуриваю. Теплый дым приятно кружит голову. После проверки надо будет немного поспать.

— Документы!

В дверях — трое. Молча ждут, пока я дотянусь до столика и возьму паспорт. Так же молча разглядывают его все трое. Чувствую, что ладони у меня начинают потеть, и, глубже, чем хотелось бы, затягиваюсь сигаретой.

Короткий разговор, похожий на допрос.

— Куда едете?

— В Рим. По делам фирмы... Вот моя карточка.

Визитная карточка переходит из рук в руки. В ней

сказано — на болгарском и немецком: «Слави Николов Багрянов. София. «Трапезонд» — сельскохозяйственные продукты, экспорт и импорт. Тел. 04-27».

На руках у всех троих черные одинаковые перчатки. Серо-зеленая полевая форма; у старшего погоны обер-лейтенанта. Странно, что нет штатских. Странно и то, что фон Кольвиц, кажется, не собирается предъявлять документов.

Руки в черных перчатках, отчетливо шелестя страницами, перелистывают паспорт. Три пары глаз подолгу вглядываются в каждую запись, и от этого придиричивого внимания мне становится не по себе. Я знаю, что паспорт в полном порядке и все положенные штампы, отметки и визы стоят на своих местах, но тем не менее на какой-то миг сомнение закрадывается в мою душу: а вдруг что-нибудь не так?

— Кем выдана виза?

— Германским посольством в Софии. Лично его превосходительством посланником Адольфом Хайнцем Бекерле.

А вот и штатский — он, словно статист в пантомиме, возникает за спинами троих и забирает у них мой паспорт. Из-под тирольской шляпы с оранжевым перышком на меня устремляется острый, но пока еще равнодушный взгляд. Установив сходство фотографии и оригинала, он принимается прямо-таки ощупывать документ — строчку за строчкой. Это уже не абвер, это гестапо... Может показаться странным, откуда я это знаю, и вообще откуда у коммерсанта такая интуиция на дорожные сюрпризы, но если вспомнить, что я только и делаю, что езжу и в пути держу уши и глаза открытыми, то все станет на свои места. Ну и, кроме того, я с детства отличался догадливостью. Сейчас опыт и прирожденная сообразительность позволяют мне, например, безошибочно определить причину инертности фон Кольвица. Готов держать пари, что он предпочтет объясняться с патрулем в коридоре.

Гестаповец все еще вчитывается в документ.

— Вы говорите, что виза выдана лично Бекерле? Но здесь не его подпись.

— Разумеется. Подписывал первый секретарь. Его превосходительство посланник только дал указания.

— Вы едете в Рим? Почему же виза до Берлина?

— Видите ли... — Я на миг запинаясь, прикидывая,

как бы ответить покороче. — Рим — всего лишь промежуточная остановка. Цель моей поездки — переговоры с имперскими органами.

— С какими именно?

— С министерством экономики.

В подтверждение своих слов я могу продемонстрировать письмо — официальный бланк министерства, где черным по белому написано, что меня рады будут видеть в Берлине, на Беренштрассе, 43, в любой день между 20 июля и 5 августа, однако я предпочитаю не спешить. Этот бланк — последнее звено в моей кольчуге. Поддайся оно — и окажется открытым для удара меча беззащитное, подвластное смерти тело...

Гестаповец с неохотой возвращает мне паспорт.

— В порядке. — Поворачивается к фон Кольвицу: — А вы? Чего вы ждете?

Вопреки моим предположениям фон Кольвиц не делает попыток выйти в коридор. Очевидно, болгарский коммерсант, едущий в рейх по делам, связанным с интересами империи, не представляется ему человеком, от которого следует особенно таиться. Удостоверение в черной кожаной обложке и берлинский акцент... Интересно, в каком он звании и чем занимается в РСХА *?

Три руки взлетают под козырек; четвертая протягивает документ владельцу. Ничего не скажешь, Гиммлер выучил немцев быть почтительными с представителями учреждения, расположенного на Принц-Альбрехштрассе!

— Счастливого пути, господа! Приятной поездки, оберфюрер! Поезд сейчас отойдет — задержка из-за проверки.

Вот и все. Можно откинуться на спинку дивана — патруль уже покидает вагон, сопровождаемый сварливым лаем болонки. По опыту знаю, что эта порода собак становится отважной тогда, когда противник посылает тыл.

Сигарета еще не успела догореть, и я курю, вслушиваясь в истерику, «закатываемую» Чиной. Болонка заходится в лае, кашляет, визжит и наконец давится — очевидно, собственной слюной. В наступившей тишине возникает и исчезает короткий гудок паровоза.

* РСХА — Главное управление безопасности гитлеровской Германии.

Вагон вздрагивает и начинает плыть. Точнее, плывет не он, а засыпанный дождем мир за окном: чугунные столбы, рифленый навес над перроном, белые эмалированные таблицы с надписями «Белград» и «Выход в город».

Открываю саквояж и достаю бутылку «Плиски». Самое время выпить за остающихся и путешествующих. По маленькой рюмочке. И спать.

С пестрой обложки детективного романа на меня смотрит черный зрак пистолета. Эту книгу мне предстоит читать до самого Берлина. Дома я бы и не прикоснулся к ней, ибо терпеть не могу сказки о благородных сыщиках. Но так уж мне суждено — делать не то, что хочется, и подчиняться обстоятельствам. Недаром Мария считает меня самым покладистым человеком во всей Софии.

Фон Кольвиц делает вид, что игнорирует бутылку. Еще меньше его интересует роман, и все-таки я, словно бы случайно, заталкиваю книгу под подушку. До самого Берлина у меня не будет другой.

— За счастливую дорогу?

Секундное колебание на лице фон Кольвица и короткий корректный кивок. Молча чокаемся и пьем. Я — за благополучный отъезд из Белграда, а фон Кольвиц — не знаю уж за что, может быть, за здоровье обожаемого фюрера.

Дождь за окном все усиливается. Стекло запотеваает и становится совсем мутным; сквозь него почти не проглядываются дома. Симплонский экспресс набирает ход, но так и не может убежать от тучи. Ненавижу дожди!

2

Меня мутит. Меня ужасно мутит. Синий ночник ускользает от взгляда, из полумрака выплывают оранжевые обручи серсо, и я чувствую себя во власти морской болезни. Не надо было столько пить. Мой желудок чувствителен к алкоголю и сейчас протестует против недавнего испытания. Пять, нет, семь рюмок «Плиски» и еще шнапс из запасов фон Кольвица. Водка после коньяка — это уже варварство.

Никогда бы не подумал, что и фон Кольвиц способен набраться, как губка. Под конец он был совершен-

но пьян и забыл о своем нордическом достоинстве. Проводник, прежде чем унести пустые бутылки и постелить белье, долго трудился, очищая коврик и поливая его сосновым экстрактом.

Фон Кольвиц опьянел столь неприлично быстро, что я вначале подумал, что это блеф, игра. После третьей дозы он сделался высокомерным и подозрительным. Пришлось показать письмо из министерства экономики и предложить тост за торговлю и промышленность. Следующую рюмку мы опрокинули за СС. Письмо лежало на диванчике фон Кольвица, и я боялся, что оно запахнет. Ладони у меня снова стали потеть.

Фон Кольвиц спросил:

— Вы уже бывали в министерстве?

Я ответил «нет» и стал ждать, о чем он еще спросит.

— Чем вы торгуете? Хлебом?

— И табаком, и мясом... Чем придется.

— А станками? Прокатом? Или, может быть, парашютным шелком?

— Это шутка?

— Нет, почему же... Просто хочу понять, что общего между вашим «Трапезондом» и министерством экономики, занимающимся промышленностью.

Он уже и раньше ставил мне ловушки. С самого начала. Зубцы капканов были неважно замаскированы, и мне доставляло удовольствие наблюдать, как, захлопываясь, они захватывают воздух. Любой мальчишка в Софии мог ответить на вопрос, где находится германское посольство и сколько в доме этажей. Моя контора была в трех шагах от него — каждое утро, сворачивая с улицы Патриарха Евтимия на улицу Графа Игнатиева, я имел счастье любоваться угловым особняком в стиле бельведер. Куда труднее было припомнить внешность его превосходительства посланника, но я припомнил, и капкан опять сработал вхолостую.

После того как мы прикончили «Плиску», я отважился спросить фон Кольвица, едет ли он только до границы или мы окажемся попутчиками до самого Милана. Не то чтобы меня распирало любопытство, но надо же было знать, как долго продлится наша познавательная беседа.

— Я еду домой, — сказал фон Кольвиц. — Маленький отпуск... Где вы остановитесь в Берлине?

— Где удастся.

— Если будут трудности, позвоните мне... позвоните дежурному офицеру — семь-шестнадцать-сорок три, — и он меня разыщет...

— Вы так любезны! Еще вина?

— За болгар! За наших союзников! Прозит!

И вот на тебе: после такого тоста, после номера телефона, явно не числящегося ни в одном берлинском справочнике, вопрос о министерстве, на который я бес-
силен ответить.

Вид у меня, надо полагать, был достаточно глупый, хотя я изо всех сил старался заинтересоваться этикеткой на бутылке шнапса. На ней был изображен веселенький пастушок, играющий на свирели. Фон Кольвиц взял у меня бутылку и наполнил рюмки.

— Ну-ну, можете не отвечать, если не хотите. Я привык уважать чужие секреты, господин Багрянов.

— Как вы догадались?

— На письме есть пометка моего друга доктора Делиуса — маленький крючок в самом низу листа.

— Доктор Делиус — торговый атташе посольства, и я знакомил его с письмом.

— Это я и имел в виду. Прозит!

Мы выпили еще, и фон Кольвиц совсем расклеился. Его умения держаться хватило ровно настолько, сколько требовалось, чтобы выслушать мой рассказ о встречах с доктором Делиусом — рассказ, расцвеченный подробным описанием внешности доктора и обстановки его кабинета. Выпить за своего друга Отто Делиуса фон Кольвиц не успел — начались неприятности, пришел проводник и, убрав бутылки, стал вычищать коврик. Фон Кольвиц смотрел на него, как на привидение.

Дождь все еще шел. Я долго чистил зубы в туалете и пытался высмотреть в окно, как там обстоит дело по части туч, но стекла окончательно замутнели, и я поплелся спать, утешая себя мыслью, что все кончается на этом свете — в том числе и дождь.

Во сне я продолжал пьянствовать и вел себя чрезвычайно непристойно. Мы с фон Кольвицем — оба в верблюжьих халатах — плясали на столе канкан и сообщали друг другу на ухо государственные секреты. При этом я все время не забывал, что с самой первой рюмки был намерен напоить оберфюрера до положения риз и познакомиться с содержанием его карманов.

Фон Кольвиц, идя мне навстречу, безостановочно выбалтывал тайны и, не противясь, дал себя обыскать. У меня был «Менокс», и я, запершись в туалетной комнате, нащелкал множество интересных кадров. Единственное, чего я не сделал во сне, — так и не сумел решить, какую именно разведку я представляю: СИС, «Дезьем бюро» или «Джи-ту»*.

Проснулся я от толчков и лязга и обнаружил, что у меня раскалывается голова. Надо встать и умыться, но нет ни сил, ни желания.

Я лежу и вслушиваюсь в храп фон Кольвица. Морская болезнь вызывает ни с чем не сравнимые страдания. Кроме того, меня познабливает от мысли, что фон Кольвицу, вполне возможно, снится тот же сон, что и мне.

Самое скверное, если при оберфюрере на самом деле окажутся секретные документы. Один шанс на тысячу, что это так, и дай бог, чтобы он не выпал на мою долю.

«Спокойно, Слави!» — твержу я себе и пытаюсь привести мысли в порядок. Конечно, нельзя исключить печальную возможность, что, проснувшись, фон Кольвиц в приступе полицейской подозрительности ссадит меня в Триесте и сдаст в контрразведку. Он, конечно, не выбалтывал секретов, а я не пытался их выведать, но будет ли он, поутру уверен в этом? Или, спаси господь, после попойки у оберфюрера наступил провал памяти и содержание наших невинных разговоров выветрится, уступив место сомнениям: «А не сболтнул ли я чего лишнего?» Если так, то в гестапо мне трудно будет доказать, что в «Плиску» не была подмешана какая-нибудь дрянь, развязывающая языки.

Господи, как он храпит, этот фон Кольвиц! Что за рулады — скрипка, фагот и флейта! «Спокойно, Слави, спокойно...» Вагон мерно колышется, проскакивая стыки. Синяя лампочка освещает голову фон Кольвица, блаженно прильнувшую к подушке. Скоро Триест, а я еще ничего не решил.

Есть ли при оберфюрере служебный пакет? Пожалуй, нет. Его никто не сопровождал, а уважающий себя чиновник РСХА не рискнет везти секретные бумаги без охраны. Тем более в долгую командировку.

* С И С — британская служба; «Дезьем бюро» — разведка французского генштаба; «Джи-ту» — армейская разведка США.

Он сказал: «В отпуск, Слави!».

Как бы не так! Хотел бы я найти отпускника, избирающего самую длинную и неудобную дорогу домой. Белград—Триест—Милан—Берн или Женева—добрый кусок Франции, и только потом уже через Страсбург или Париж автострадой до Берлина. Не лучше ли было срезать путь вдвое и ехать в родные пенаты через Вену или Мюнхен? Правда, я и сам не следую истине, гласящей, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками, но Слави Николов Багрянов — коммерсант, а не контрразведчик, стосковавшийся по семье и тихим комнатам без крови на обоях.

Я закуриваю и, закинув руки за голову, вытягиваюсь во весь рост на диване. В таком положении меньше качает и легче думать. Светящийся кончик сигареты выхватывает из темноты вершину желтого лысого бугра. Я рассматриваю ее, скосив глаза, и в тысячный раз огорчаюсь: разве это нос?! Толстый, приплюснутый — никакого намека на сходство с классическими образцами.

Моя внешность всегда расстраивает меня. Сказать, что я не красавец — значит ничего не сказать. У меня мясистые щеки, широченный рот и редеющие волосы. Такие лица заполняют страницы юмористических журналов, а в жизни принадлежат, как правило, доверчивым мужьям и добродушным простакам, обкрадываемым своими экономками. Примет ли фон Кольвиц, состав ото сна, мою внешность в расчет или же его подозрительность окажется безграничной?

Ответа нет, и я покладисто расстаюсь с размышлениями о грядущих последствиях, чтобы перейти к двум деталям, затронутым в разговоре. Обе они не таят опасности, и думать о них — сущее удовольствие.

Прежде всего Делиус. Признаться, я и не догадывался, что он связан с секретными службами империи. Для меня, как, впрочем, и других коммерсантов, он был и оставался торговым атташе, малозаметной спицей в колеснице его превосходительства посланника Бекерле. Теперь я повышаю ему цену и мысленно одеваю в подходящий мундир. Друг оберфюрера не может быть в чине ниже майорского. Так и запишем.

Вторая деталь связана с письмом. Точнее, с визой в левом нижнем углу, играющей, как выяснилось, роль «сезама» при общении с чинами РСХА. Отныне и до

самого Берлина письмо будет храниться не менее бережно, чем детективный роман с пистолетом на обложке. Ну-ну, это уже кое-что...

Докуриваю сигарету и ощупью давлую ее в пепельнице. Так не хочется вставать, но храп фон Кольвица нестерпимо режет перепонки, и я должен бежать от него в спасительную тишину коридора. Пойду умоюсь.

В туалетной я долго держу голову под холодной струей. Мало-помалу боль стихает, концентрируясь где-то у затылка. Глотаю на всякий случай таблетку аспирина и делаю несколько приседаний. Сейчас я не отказался бы от чашечки кофе.

Проводник не спит. Хотя после внеочередной уборки он и не чувствует ко мне симпатии, но, будучи рабом железнодорожных правил, не осмеливается протестовать и заваривает кофе на спиртовке. Пять динаров несколько улучшают его настроение, а другие пять — за бутерброд с мармеладом — делают это настроение, на мой взгляд, превосходным. Мы становимся почти друзьями, выкурив по сигарете.

— Еще кофе?

— Лучше утром.

— Одну чашку?

— Две, и покрепче.

Помня об усатом д'Артаньяне, я выскальзываю из служебного купе на цыпочках. Но чему суждено быть, то неминуемо происходит. Первой меня настигает Чина — уже в середине коридора; следом долетает голос хозяйки, окликающей собаку, а заодно и меня. Мысленно подняв руки кверху, оборачиваюсь и капитулирую перед распахнутым халатиком и чарующей улыбкой.

— Это вы? Не спите? Как странно...

— Я, знаете ли, звездочет.

Синьора тихо смеется и запахивает халат. Подносит руку к груди. Чина юркает в купе и рычит на меня, давая синьоре повод продолжать разговор.

— Маленький чертеночек! Она совсем отбилась от рук. А я не мужчина и не могу ее наказать.

От меня требуют рыцарства, и я вынужден играть в дон-кихота.

— Поручите это мне.

— А вы можете?

— Вряд ли...

— Я так и думала: вы не похожи на человека, способного обидеть беззащитного.

По-итальянски я говорю хуже, чем по-немецки, но все же достаточно бойко, чтобы ответить галантно.

— Вы так благосклонны, синьора...

В результате три минуты спустя я уже сижу в купе попутчицы и любуюсь ее розовыми коленками, нескромно выглядывающими из-за халатика. Синьору зовут Диной. Дина Ферраччи — виконтесса делля Абруццо. Представляясь, я именую ее «эччеленца», но она протестует:

— Просто Дина.

— Тогда — просто Слави.

Поразительно, как быстро сближаются люди, оказавшись в вагоне-люкс симплонского экспресса. И суток не прошло, а я уже на короткой ноге с оберфюрером СС и итальянской аристократкой. Сам факт пребывания в литерном вагоне заменяет для людей известного круга рекомендательные письма и все такое прочее.

Чина примирилась с моим присутствием и спит на моих коленях. Брюки мокнули от ее слюны. Я воспитанно не замечаю этого и забавляю синьору Ферраччи рассказом о коте, боявшемся мышей. Дина тихо воркует, и бриллианты у нее в ушах горят как радуга.

— Вы едете в Милан?

— В Рим.

— И не остановитесь в Милане?

— У меня нет там знакомых, синьора.

— Мы же условились — Дина... А я? Бог покарает меня, если я откажу вам в гостеприимстве.

Не слишком ли она решительна для нежной аристократки? Впрочем, кто ее знает, быть может, у Дины свое понимание норм приличия. Кольцо на левой руке говорит о том, что она вдова. К тому же ей, если отмыть грим, никак не меньше сорока.

Чина продолжает портить мои парадные брюки.

— Благодарю за честь, — бормочу я и осторожно спускаю болонку на коврик. — Если обстоятельства позволят...

— Но нельзя же не осмотреть Милана! Уверена: вы никогда себе не простите, если проедете мимо. Без Милана нет настоящей Италии.

— Рад буду убедиться.

— Я знала, что вы согласитесь. У вас хороший характер, Слави.

Все хвалят мой характер, но не мое лицо. И эта тоже. Впрочем, я и не очаровывался на ее счет. Дине нравлюсь не я — Слави Багрянов, тридцатипятилетний толстяк, а мое положение состоятельного холостяка. Когда женщине за сорок, трудно рассчитывать на более блестящую партию.

Дина опять тихо смеется — голубица, завидевшая корм.

— Ночь... тишина... Как странно...

Пора уносить ноги.

— Весь мир — великая странность, — изрекаю я и встаю.

Наклоняюсь, чтобы поцеловать Дине руку, и лоб мой обдает телесное тепло, настоящее на духах. Дина не торопится запахнуть вырез халатика...

В коридоре тихо и светло. Сияют начищенные ручки; в полированном орехе панелей отражается блеск хрустальных бра. Оскальзываясь на ковре, добираюсь до своего купе и вхожу.

Фон Кольвиц не спит. Сидит в полном облачении и читает мой детектив. Словно и не он полчаса назад храпел, перегрузившись спиртным. Окно наполовину опущено, и сырой сквозняк гуляет по полу.

Фон Кольвиц отрывается от моей книги. Губы его сухо поджаты. Он расцепляет их и говорит холодно и трезво:

— Виноват... Книга попалась мне на глаза, и я воспользовался ею без вашего разрешения. Нет лучшего средства от бессонницы, чем уголовный роман.

— Вы так находите? — говорю я и сажусь на свое место. — Меня она не убаюкала.

Я отлично помню: книга лежала под подушкой и никак не могла попасть фон Кольвицу на глаза. Эта ложь лежит на его совести... О том, что на совести обер-фюрера СС лежит и многое другое — отвратительное и страшное, — я стараюсь не думать, ибо догадываюсь, что фон Кольвиц из той породы, которой дано умение читать мысли по выражению лица. До самого Триеста он теперь будет наблюдать за мной, и один черт ведает, чем все это кончится.

Солнце. Здесь его сколько угодно, даже, пожалуй, больше, чем требуется для обогрева и освещения. Симплон — Восток стоит на запасном пути и, накаляясь под лучами, медленно превращается в духовку. За ночь он потерял хвост и голову: в Загребе отцепили вагон «Вена—Прага—Берлин», а утром, на разъезде у самой границы, убрали красовавшуюся перед паровозом платформу с песком. Присутствие ее прозрачно намекало на перспективу вознесения к небесам при встрече с партизанской миной.

Отныне, очевидно, преждевременный полет в рай нам не угрожает: вместе с платформой исчезли пулеметчики, дежурившие на боковых площадках паровоза. Пятнистые маскировочные накидки делали их похожими на впавших в спячку жаб.

Мы стоим уже больше часа, и опять никто ничего не знает. Пассажирам приказано не покидать перрона до особого распоряжения. Мы гуляем и ждем. Ждем и гуляем, каждый сам по себе. Занятие неустойчивое, но скучное. Хуже всех себя чувствует оберфюрер. Он возмущен нерасторопностью итальянцев и скверной выправкой карабинеров *, занявших посты у выхода с перрона. Магические документы фон Кольвица утратили в Триесте силу, о чем ему дали понять еще в вагоне. Пограничники не посчитались с желанием Вешалки остаться в куше и, игнорируя его командный тон, проводили до двери. Я слышал, как они смеялись, передразнивая акцент фон Кольвица и журавлиную походку, и мимоходом отметил про себя, что итальянцы не жалуют союзников.

Карабинеры смеялись, а я нет. С приближением к границе — бог ведает, какой на моем счету! — у меня, как правило, атрофируется врожденное чувство юмора; в обычное время я готов захохотать по любому приличному поводу; в детстве для этого оказывалось достаточно просто пальца; но сейчас меня не развеселил бы и Фернандель. Я разглядываю рекламный щит с его физиономией и уговариваю себя не волноваться. «Спокойно, Слави, дорогой... Как говорится, еще не вечер».

* Карабинеры — рядовой и сержантский состав итальянской жандармерии.

Фон Кольвицу явно претит прогулка по перрону. Краем глаза наблюдаю, как он ведет переговоры с карабинерами. Похоже, они договорились; во всяком случае, когда я, налюбовавшись Фернанделем, поворачиваюсь к выходу, Вешалка уже миновал турникет и скрывается в вокзале. Его сопровождает малосимпатичная личность в черной форме.

Это совсем не тот случай, по которому веселятся, хотя, с другой стороны, еще не повод для слез. Раскрываю детектив, сдвигаю шляпу на лоб, чтобы не мешало солнце, и начинаю упиваться похождениями благородного сыщика. Толстый роман — отрада путешествующего, его друг и спутник, стоимостью двадцать марок и пятьдесят пфеннигов. Он куплен, судя по пометке, до войны у известного берлинского букиниста — довольно редкое издание «Мании старого Деррика» Эдгара Уоллеса в переводе на немецкий.

Скучно. Одиноко. Жарко. Солнце ведет себя безобразно, превращая крахмальный воротничок в компресс. В детстве я часто страдал ангинами, и с тех пор воспоминания о бесчисленных компрессах, приятных и удобных, как петля на висельнике, возникают в памяти — была бы причина. «Ах, Слави! — выговариваю я себе. — Ты все остришь, старина! Чувство юмора — это прекрасно, но не кажется ли тебе, что применительно к данным обстоятельствам оно являет пример перехода достоинства в недостаток?»

Плиты на перроне излучают жар адского котла. Между ними растет трава, украшенная мусором и конфетными бумажками. Изучаю ее с обстоятельностью человека, не знающего, куда девать свободное время. Кроме оберток чаще всего встречаются горелые спички и окурки. Не попадет ли монетка на счастье?

— Чем это вы заняты, Слави?

Синьора Ферраччи с Чиной на руках и в обществе римского патриция в шикарнейшей фашистской форме. У патриция гордый нос и масса золота во рту.

— Мой кузен, — говорит Дина и склоняет голову набок, словно любясь нами. — Вы что-нибудь потеряли?

— Только терпение, синьора. И надежду увидеть вас.

— Знакомьтесь, пожалуйста.

Обмениваемся с патрицием пожатиями, и я получаю возможность целую минуту любоваться ослепительным рядом золотых коронок. Кузена Дины зовут Альберто

Фожолли, и, если верить прононсу, он сицилиец. Перестав улыбаться, он выпячивает нижнюю челюсть — модное для Италии движение, введенное в фашистский обиход синьором дуче. Портрет Муссолини красуется как раз за спиной Фожолли — на фасаде вокзала, повыше часов. Он огромен и служит образцом для сотни других портретов, значительно меньших, которые прибиты везде, куда только можно вколотить гвоздь. Ничего не скажешь, фашисты умеют делать рекламу!

Легким зонтиком из китайского шелка Дина пытается спасти меня от солнца и пронизывающего взора дуче, но зонт слишком мал, и тени хватает только на болонку. Мило улыбаясь, Дина вовлекает меня в разговор.

— Я так люблю тепло... А вы?

— Разумеется.

— Если поезд задержится, Альберто свезет нас на набережную. О мадонна, есть ли что-нибудь изумительное пальм и моря?

— Придется вызвать машину из квестуры *, — говорит Альберто и солидно вздергивает плечи. — К сожалению, я, как и ты, приехал поездом.

— Это так мило — встретить меня здесь. Я не особенно рассчитывала...

— Ты же знаешь...

Дальше разговор скачет, как козлик по горной тропке. Намеки, понятные Дине и Альберто и недоступные мне, сыплются камешками, не задевая моего внимания. Из них я улавливаю только одно: кузен Дины — важная шишка в фашистской партии.

Я не видел Дину с ночи. Фон Кольвиц гипнотизировал меня до утра, и я уснул перед самой границей. Осмотр при переезде был поверхностным и формальным, югославская стража, усиленная пожилым лейтенантом вермахта, откровенно тяготилась своими обязанностями, и проводник, еще с вечера собравший наши анкеты и паспорта, быстро увел ее в свое купе пить кофе. Пробудившись на время осмотра, я тут же вновь принялся досматривать отложенный сон, а фон Кольвиц остался бдеть, как на карауле.

Окончательно я проснулся в Триесте, когда поезд уже стоял и чернорубашечники очищали вагоны от

* Квестура — полицейское управление.

пассажиров. Проходя мимо первого купе, я заглянул в него, но там не было ни Дины, ни ее вещей. Наши чемоданы — в том числе и кофр фон Кольвица — остались на местах: проводник объявил, что досмотр начнется позже.

Об исчезновении синьоры Ферраччи и ее багажа я думал не дольше секунды, поглощенный наблюдением за фон Кольвицем и его маневрами. Но сейчас я искренне рад обществу Дины, и еще больше — приятно-му знакомству с кузеном.

— Я умираю от жажды, — говорит Дина. — И Чина тоже.

Альберто делает приглашающий жест.

— Ресторан к твоим услугам.

— Вы с нами, Слави?

— Увы, — отвечаю я и указываю на карабинеров у турникета. — Италия взяла меня в плен.

Альберто пожимает плечами.

— У вас будет повод оценить итальянское гостеприимство. Обещаю вам... А эти — что ж? — они выполняют приказ. Потерпите немного, формальности не длятся долго.

— Бедняжка, — говорит Дина. — Я принесу вам воды. Самой холодной. Что вы предпочитаете — карлсбад или виши?

Мне ровным счетом все равно, но я тяну с выбором, ибо вижу, как из дверей вокзала выходят двое штатских, с очень характерными напряженными лицами. Лавируя в толпе, они идут в нашу сторону. Карабинеры возле турникета подтягиваются и замирают в стойке пойнтеров.

— Нарзан, — говорю я и тут же поправляюсь: — Я имел в виду виши...

«А может быть, эссенуки? — шепчет мне тихий внутренний голос. — Или боржоми из источника? Где и когда ты пил их, Слави?» Дина удаляется, а я стыну столбом, охваченный дурными предчувствиями.

Предчувствия, как правило, редко обманывают меня. Эти — тоже. Штатские, держа правые руки в карманах, подходят ко мне. Бесполезно делать вид, что беззаботно лорнируешь публику.

— Синьор прибыл с этим поездом?

— Да, конечно...

— Каким вагоном?

- Белград — Триест — Милан.
- Ваше имя?
- Багрянов Слави, коммерсант из Софии.
- Следуйте за нами.

Пересиливая внезапную немоту, задаю положенный вопрос:

- Кто вы такие?
- Там узнаете... Следуйте за нами!

«Там» оказывается тесной комнаткой; единственное окно затемнено решеткой. Письменный стол, закапанный чернилами, расчехленный «ундервуд» и громадный портрет дуче. Два стула. Телефон. Вот и все.

Фон Кольвица в комнате, разумеется, нет, но дух его незримо витает за спинами моих конвоиров. Значит, оберфюрер все-таки донес. Почему? Просто поддался мысли о том, что мог быть излишне откровенен минувшей ночью или же в чем-то усомнился? В чем? Один из штатских садится за стол, извлекает из кармана мой паспорт и погружается в его изучение, давая мне несколько минут, чтобы продолжить размышления. Все-таки я склонен думать, что фон Кольвиц только страшется. Иначе он пошел бы ва-банк, приказав арестовать меня, не доезжая границы. Скандала с болгарским консульством при наличии улики он мог бы не опасаться... Другое дело — деликатные сомнения. Их лучше разрешать руками ОВРА*, предоставив ей, в случае чего, самой выпутываться из истории, связанной с протестами нашего консула. Кроме того, в гестапо я мог бы кое-что рассказать о склонностях оберфюрера и его пристрастии к спиртному — это его, конечно, не опорочит до конца, но все-таки припорошит пылью безупречный мундир.

«Не спеши, Слави!»

Паспорт раскрыт на моей фотографии.

- Куда вы едете?
- В Берлин.
- Почему через Италию?
- У меня дела в Риме.
- С кем?
- С родственными фирмами, торгующими хлебом.
- Ваша виза не дает вам права быть в Риме.
- Я полагал...

* ОВРА — разведка и контрразведка фашистской Италии.

— Что вы полагали?

«Действительно, что я полагал? Надеялся, что сумею добиться разрешения миланской квестуры на поездку в столицу? Удовлетворит ли господ такой ответ?»

— Где его багаж?

Ответ доносится из-за моего плеча.

— Его понесли на досмотр.

— Что вы везете?

— Ничего... То есть ничего запрещенного. Одежда, белье, рекламные проспекты... Немного денег.

— Сколько?

— Если пересчитать на лиры...

— Сколько и в какой валюте?

— Это вопрос?

— А вы думали — интервью?

— Тогда я отказываюсь отвечать. Я — подданный Болгарии и требую вызвать консула.

— Понадобится — вызовем.

— Вы, кажется, грубите?

Тот, что сидит за столом, возмущенно вскидывает брови, но я не реагирую, так как думаю не о нем, а о своем чемодане — старом фибровом чудовище, оклеенном этикетками отелей. Не покажется ли таможенникам подозрительным его вес, когда они вытряхнут вещи? Впрочем, у него массивные стальные наугольники, которые при всем желании нельзя не заметить.

Следующая серия вопросов посвящена моим анкетным данным и сведениям о «Трапезонде». В соответствии с избранной тактикой я закрываю рот на замок. Кроме того, солидное положение коммерсанта дает мне право не терять головы, даже находясь в самой ОВРА.

Не добившись ответа, контрразведчики, как видно, решают не настаивать. Они явно чего-то ждут. Или кого-то?

Не пора ли рискнуть?

— Мне кажется, господа, что вы перебарщиваете. Наши страны и наши правительства дружески сотрудничают в войне, я приезжаю к вам, чтобы предложить первосортную пшеницу вашим солдатам, а вы учиняете насилие и произвол. Арест без ордера и прокурора! Это уже скандал, господа!

Сидящий за столом отрывается от паспорта.

— Кто вам сказал, что вы арестованы?

— А разве я свободен? Не хватает только наручников!

— Вы бы давно ушли отсюда, но для этого надо сначала ответить...

— Повторяю: только в присутствии консула.

Значит, я прав: у них ничего нет против коммерсанта Багрянова. Только устный донос оберфюрера, оберегающего свою карьеру. Не самая страшная яма, из которой есть шансы выкарабкаться.

— Мой поезд уйдет, — говорю я и демонстрирую часы — золотой «лонжин» на увесистом браслете. При взгляде на него у господина за столом загораются глаза.

— Успеете, — говорит он, и в голосе его проскальзывает колебание.

Чего он все-таки ждет?

Оказывается, телефонного звонка. По тому, с какой поспешностью снимается трубка и как каменеет лицо представителя ОВРА, я понимаю, что в этом телефонном звонке таится моя судьба.

— Здесь Беллини. — Пауза. — Ну и что же? — Еще одна. — Понимаю. Вы пробовали рентген? — Третья пауза — очень длинная и неприятная. — Нет, нет, ни в коем случае. Я говорю: ломать не надо... Сложите все и несите ко мне.

Старый добрый чемодан, милое фибровое чудовище со старомодными металлическими углами. Я проклинал тебя, таща в руках до вокзала в Софии и изнемогая от твоего непомерного веса. Сейчас, если только я что-нибудь смыслю в логике, тебя принесут сюда, и начнется заключительный акт церемонии. Надеюсь, не самый неприятный.

Снимаю шляпу и обмахиваюсь ею, как веером. Мне и в самом деле душно.

— Я могу сесть?

— Да, да, конечно... Пеппо, подвинь стул господину.

С достоинством опускаюсь на сиденье и наваливаюсь на спинку. Стул скрипит. Господи, где они откопали такую рухлядь? Кладу шляпу на колени, прикрыв ею Э. Уоллеса. Кто знает, не захотят ли эти двое напоследок заинтересоваться книгой? В ней ничего нет ни в переплете, ни между страницами, но представители ОВРА могут не удовольствоваться поверхностным осмотром и растерзать обложку. «Не люблю растрепан-

ные книги, — думаю я. — Между прочим, мне никто не сказал, что на таможене в Триесте рентген. Надо будет запомнить...»

Коротая время, достаю сигареты. Предлагаю Беллини и Пеппо. Беллини с видом знатока смакует каждую затяжку. Натянуто улыбается.

— Не будьте в претензии, синьор Багрянов. Поверьте мне, Италия самая гостеприимная из стран в Европе.

— В мире, — поправляет Пеппо.

В третий раз я слышу все те же слова о гостеприимстве. Неужели ими встретят меня в Швейцарии и Франции? И кто в итоге окажется самым гостеприимным — швейцарская БЮПО, полиция генерала Дарна-на * или имперское гестапо?

— Чего мы ждем, синьоры?

— Ваш багаж.

— Он нужен вам?

— Нам? Нет, синьор.

— Тогда почему его несут сюда, а не в вагон?

Беллини тянется к телефону. Прижав трубку к уху и набирая номер, говорит:

— Я думал, вы захотите убедиться, что ничего не пропало.

— А могло пропасть?

— О, что вы! — И в трубку: — Беллини. Закончили паковать? Хорошо. Тогда несите прямо в вагон.

Закончив разговор, Беллини встает. Я слушаю его извинения с видом посла на приеме у Бориса Третьего. Обмен рукопожатиями проходит под аккорды взаимных улыбок, после чего Пеппо устремляется к двери, чтобы коммерсант Багрянов не утруждал себя возней с замком.

Пеппо же сопровождает меня до перрона. Киваем друг другу и расстаемся — дай бог, навсегда. Хотя инцидент и исчерпан, хотя Беллини ничего не записал в процессе разговора, я склонен полагать, что в Милане меня не обойдут вниманием. Все, что требуется, господа из триестского вокзального пункта ОБРА выудят при чтении моей въездной анкеты и сообщат куда надо. Имя, возраст, место рождения, адрес и так далее.

* Б Ю П О — бюро политической полиции Швейцарии. Генерал Дарнан — начальник вспомогательной французской полиции в годы фашистской оккупации.

У вагона нахожу Дину и Альберта. В руках у Дины бутылка виши. Кажется, они и не подозревают о причине моего отсутствия; в противном случае Дина не была бы так заботлива. Альберто протягивает мне бумажный стаканчик. Вода теплая, но я пью с удовольствием. Выпиваю всю бутылку и не отказался бы от второй.

Скверные новости: обстоятельства складываются так, что мне, вполне вероятно, не суждено съездить в Рим. А между тем, именно в Риме находится посольство Швейцарии, без визы которого нельзя попасть в Женеву. В Софии визу не удалось раздобыть; остается надеяться на снисходительность консульства в Милане. Если оно там есть.

4

Интересно, что испытывает собака, потерявшая хозяйна? Я нередко встречал таких, но как-то не задумывался над их ощущениями. Бежит по улице пес с растерянной мордой, тыкается носом в углы — ну и пусть себе бежит... Двухдневные поездки — сначала в Рим, потом в Галларде и Комо, — сопряженные с непрерывными и безуспешными поисками, заставили меня вспомнить об осиротевших собаках и проникнуться к ним сочувствием. Особенно, когда поиски зашли в тупик.

На миланском вокзале я распрощался с Вешалкой. Фон Кольвиц после триестского испытания вновь проникся доверием и подтвердил желание поговорить со мной по телефону в Берлине. Я поблагодарил его, дав себе слово забыть и номер телефона, и сам факт существования оберфюрера СС. И потом — когда и как я попаду в Берлин?

Прежде чем думать о Берлине, следовало добраться до Рима, и здесь мне помог Альберто. Короткого звонка в полицию — прямо из будки на вокзале — оказалось достаточным, чтобы через час я получил разрешение на недельное проживание в Милане и поездку в столицу. Альберто с шиком довез меня до квестуры на своем «фиате», таком огромном и черном, что его можно было принять за катафалк. Я поцеловал руку Дины и удостоился многозначительного пожатия.

— Не забывайте нас, — сказала Дина. — Милан наполнен соблазнами, но лучшее, что в нем есть, это друзья

Адрес Дины я записал еще в вагоне. Альберто, сопя, протянул мне мягкую вялую лапу.

— Не обижайте малышку...

«Фиат» сверкнул омытым лаком и умчался в сторону центра, а я остался — круглый сирота в огромном городе, о котором знал чуть больше, чем о Сириусе. Улицы закружили меня, запутали, углубив ощущение одиночества роскошной отчужденностью реклам. «Бреда», «Сниа вискоза», «Монтекатини», «Фальк», «Пирелли» — все это было не для меня, не ко мне обращены были отверстые входы в Торговый банк и Итальянский кредит. Прежде чем втиснуться в переполненный трамвай и полуживым выйти из него у вокзала, я до пресыщения налюбовался вывесками концернов в центре, древностями Старого города и проникся сознанием своей незначительности перед величием Миланского собора.

Визит в Рим оказался бесплодным. Выходя из швейцарского посольства, я пожалел, что отпустил такси — весь разговор занял десять минут. Пока я ловил машину, чтобы вернуться на вокзал, подробности, всплывавшие в памяти, отравляли душу, и Вечный город оказался мне дурацким скопищем дворцов, ханжески подновленных церковных развалин и рваного белья, сохнувшего на веревках в переулках. Впрочем, настроение мое испортилось несколько раньше, когда завершилась беседа с чиновником в посольстве Германии. Немецкий дипломат по манерам и обхождению оказался почти двойником швейцарского чиновника и отличался от него только одеждой. Если немец был обряжен в полувоенное и серо-зеленое, то швейцарец прочим покроям предпочел пиджачную пару, а цветам и оттенкам — шоколадный.

— Не думаю, чтобы что-нибудь вышло, — сказал швейцарец и слегка поднял бровь. — Почему вы не обратились в посольство у себя на родине?

— Меня лимитировали сроки.

— Напрасно. Софийские коллеги навели бы справки, не затягивая. Здесь это сделать труднее: кто знает, как скоро будет получен официальный ответ.

— Но...

Бровь опустилась на место. Ах, есть «но»?

— Я не собираюсь задерживаться в Берне или Женеве. Мне нужна транзитная виза. Это меняет дело?

— В известной степени.

— Я могу надеяться?

— На всякий случай заполните эти бумаги и побеспокойтесь о финансовом поручительстве вашего посольства... Не понимаю, почему вы не хотите действовать ординарным путем — через свой консульский отдел?

— Сколько это займет?

— Месяца два, я полагаю.

— Вот видите! Потому я и рискнул прийти непосредственно к вам.

— Боюсь, что все-таки напрасно, господин Багрянов. Хотя я и попробую что-нибудь для вас сделать... Для начала запаситесь официальным подтверждением вашей кредитоспособности. Это многое упростит.

— У меня есть чековая книжка.

— Этого недостаточно... Весьма сожалею.

Можно было уходить, но я решил проявить непонятливость.

— Чем плоха чековая книжка?

— Деньги нетрудно одолжить на короткий срок, внести в банк и по миновании надобности закрыть счет. Не обижайтесь, господин Багрянов. Вы сами понудили меня к ненужной прямоте. Если б вы только догадывались, сколько людей стремится укрыться в Швейцарии от войны! И каждый готов предъявить чековую книжку, а, когда приезжает, оказывается, что республика вынуждена кормить его и одевать.

— Не забывайте, я еду транзитом.

— Из каждой сотни транзитных гостей пятьдесят пытаются остаться в Швейцарии, и один бог ведает каких хлопот стоит политическому департаменту уговорить их следовать дальше. Вы не поверите, но многих приходится отправлять до границы под конвоем...

На стенах бюро полыхали сочной альпийской зеленью плакаты с видами Давоса и Сен-Морица. Чиновник проследил мой взгляд.

— Да-да, обязательно побывайте на курортах. Ни с чем не сравнимая красота! Надеюсь, получив визу, вы выберете денек-другой и погостите в горах.

Он распространялся бы еще, но мне не хотелось зря тратить время. После неудачи у немцев и неутешительного итога в посольстве Швейцарии у меня поубавилось терпения. И кротости тоже.

До самого вокзала я обдумывал положение. Пользуясь этим, шофер, очевидно, решил проверить свой

драндулет на выносливость в дальних пробегах; допускаю также, что он просто демонстрировал мне Рим. Так или иначе, для начала мы измерили длину Корсо-Умберто I, развернулись направо на Плаццо-дель-Пополо и, промчавшись по Виа-дель-Бабуино, через туннель вынеслись на Виа-Милано, где мне наконец наскучила роль жертвы.

— Стой, бамбино! — сказал я. — Мне нужна не Виа-Милано, а вокзал, чтобы ехать в Милан! Направляйся туда и отыщи дорогу покороче!

— Синьор опаздывает?

— Нет, но я не миллионер.

После этого диалога мы довольно быстро добрались до вокзала, и я погрузился в недра поезда, следующего в Милан.

Итак, все осложнилось. В германском посольстве ни болгарский паспорт, ни письмо министерства экономики не произвели впечатления. Третий секретарь, принявший меня, был вежлив, и только. Он решительно отказался помочь мне добраться морем до любого из французских портов, чтобы оттуда ехать в империю.

— Германские суда используются для войск, и распоряжаются ими военные власти. Советую сноситься с ними не самому, а через посредство болгарских официальных лиц. Что же касается итальянских пакетботов, то чем я могу быть полезен? Поверьте, нам приходится предельно считаться с местной администрацией. Ее амбиция так болезненна, что в корне меняет представление о нормах такта... Сомневаюсь, что итальянцы пойдут вам навстречу, и рекомендую ехать через Швейцарию. Все-таки проще с визой и формальностями: Швейцария не воюет...

Стена, но есть же где-то дверь?

За последние сутки лишь однажды передо мной забрезжила надежда. Это было в конце переговоров со швейцарцем, и я наострил уши, соображая, нельзя ли заменить посольское поручительство банковским. Однако лучик угас ровно через миг.

Я, конечно, могу явиться в болгарское посольство, заполнить ворох анкет и настроиться на ожидание. Но что из этого выйдет — вот вопрос. Помимо письма в банк политический отдел, как водится, затребует из Болгарии свидетельство о благонадежности. Ограничусь сыскной интерес одним софийским периодом, я бы

спал спокойно и, подобно прочим туристам, бегал бы по Риму, скупая поддельные древности и сомнительную чеканку Бенвенуто Челлини, но где гарантия, что почта рано или поздно не донесет казенную бумагу с орлом до села Бредова, означенного в моем паспорте в качестве места рождения? И как будет реагировать директория полиции на ответ, что я, Слави Николов Багрянов, в данный момент благополучно нахожусь в селе, занятый своим полем с пшеницей и тютюном?

В Софии триста левов помогли мне избежать раздвоения личности. Квартальный надзиратель был любезен и не утруждал себя посылкой запросов. Мы скрепили отношения ракией и «Плиской», поданными Марией в мой кабинет, а белый конверт с банкнотами довершил дело. Свидетельство было составлено и тем же вечером заверено гербовой печатью и автографом господина директора.

Я расцеловал Марию в обе щеки и поспешил на экспресс, оставив свое второе «я» пребывать в заботах об урожае. Две тысячи левов — в обмен на паспорт — здорово помогли ему зимой выпутаться из затруднений. Я, в свою очередь, тоже был доволен: иначе как бы мне удалось стать главой такой славной фирмы, как «Трапезонд», проданной прежним владельцем со всеми потрохами с торгов за сущий бесценнок?

«Трапезонд» был моей удачей. Вместе с подержанной мебелью и общественным положением я получил уборщицу Марию, возведенную мною в ранг домоправительницы. Преклонный возраст и сварливый нрав не мешали Марии заботиться о моих рубашках и готовить крепкий кофе. Большого я и не требовал.

Мне и сейчас не много надо. Я неприхотлив. От судьбы я прошу самую малость: помочь мне найти в стене крохотную дверцу, можно — щель, скользнув в которую одно из «я» Слави Николова Багрянова сумело бы проникнуть в Швейцарию. Готов поручиться чем угодно, что Слави Багрянов ни на один лишний час не задержится на территории республики и даже глазом не поведет в сторону Давоса и Сен-Морица. Что же касается вопроса о средствах, то господин чиновник зря сомневался: они у Слави есть. И вполне достаточные.

Путь до Милана я проспал как убитый, прижавшись к толстому плечу немолодой ломбардки. Плечо пахло чесноком и навевало мысли о борще.

Следующие сутки поставили меня перед катастрофой. Галларде и Комо никак не походили на двери в стене. Близость к границе и полное отсутствие возможностей ее пересечь только усугубили мое разочарование. К тому же Комо оказался битком набитым берсальерами* в походной форме, и я, сократив до предела осмотр города и пограничного озера, расстался с ним без грусти.

Теперь я опять возвращаюсь в Милан. Треугольник Галларде — Комо — столица Ломбардии замкнулся.

Поезд идет медленно; его качает из стороны в сторону на виражах, и внутренности мои подсакивают к горлу. Измученный поездками и неудачами, я с осторожностью альпиниста, покидающего Монблан, бочком спускаюсь с вагонной лесенки на перрон в Милане.

В туалетной комнате привожу себя в порядок. Чищу брюки и обувь, скребу щеки «жиллетом». Из зеркала на меня глядят усталые глаза пожилого неудачника. Неужели я так постарел за какие-нибудь два дня?

Бульон, ножка цыпленка, салат и большая чашка кофе придают мне сил. Обед стоит дорого, но я не экономлю. Перед встречей с Диной я должен быть в форме.

Дина — одна из последних моих надежд. По крайней мере, сейчас лучшего я не в состоянии придумать... Что я знаю о ней? Почти ничего. Вдова, имеет брата фашиста, живет в собственном особняке. Скорее симпатична, чем неприятна; во всяком случае, достаточно женственна. И главное — в ее паспорте есть швейцарская виза. Я заметил это, когда проводник симплонского экспресса возвращал пассажирам документы в Триесте; Дина развлекала меня и Альберто, заставляя Чину ловить свой хвост.

Поскольку рассчитывать на швейцарское посольство неразумно, а на поиски контрабандистов в Комо или Галларде, если таковых не пересажали полиция и пограничная стража, уйдут недели, остается одно: выдать себе въездную визу самому. Для этого надо знать, какая она из себя, чем выполнена — штемпельной краской или специальными чернилами, какими защитными атрибутами снабжена, кем подписана, отмечается ли в полиции и так далее и тому подобное. Остальное —

* Берсальеры — солдаты ударных частей.

дело техники. Кисточки, краски, рейсфедер и прочие мелочи, по-моему, нетрудно приобрести в любом писчебумажном магазине. Не в одном, так в нескольких.

Труднее заполучить паспорт синьоры Дины Ферраччи, виконтессы делля Абруццо, в свое распоряжение на два-три часа. И все же я должен попытаться это сделать.

Телефон на столике метрдотеля соблазняет меня позвонить Дине немедленно. Удерживаюсь от искушения, допиваю кофе и прошу официанта принести телефонный справочник. Нахожу в нем адрес маленького банка и, расплатившись, покидаю ресторан. По дороге мимоходом сворачиваю в камеру хранения, чтобы убедиться в сохранности своего фибрового чудовища. Не распотрошили ли его за эти сорок восемь длинных часов?

Убедившись, что все в порядке, я выхожу на площадь и, поймав такси, еду на Виа-Прато, где прошу шофера подождать.

Банк не производит впечатления процветающего, но мне нужен именно такой. В больших служащие избегают взяток, разве что их дает добрый знакомый и счет идет на тысячи лир. Здесь же я надеюсь обойтись двумя-тремя сотнями.

Первую бумажку сую швейцару — самому осведомленному человеку в любой конторе. Совет, произнесенный на ухо, стоит мне всего пятьдесят лир. Недурное начало. Швейцар настолько любезен, что провожает меня в глубь зала и приподнимает деревянный барьер, разделяющий закуток счетовода и посетительскую. В закутке происходит короткий обмен словами и едва заметный — жестами, после чего я возвращаюсь в такси без двухсот пятидесяти монет, но со вторым бесценным советом.

— Контора адвоката Карлини. Район Большого госпиталя.

Шофер вымогательно шурится:

— Не хватит бензина.

— Тогда впряжетесь сами.

— За двадцать лир!

— По рукам...

Сколько с меня сдерет адвокат?

Синьор Карлини быстр и деловит. И все понимает с полуслова. Чувствуется опыт в части подпольных махинаций, а возможно, и сводничества.

— Я от синьора Модесто Терри. Из банка.

— Вот как? Присаживайтесь.

— Вы не могли бы?..

Карлини оседлывает нос очками.

— Синьор Терри — такой маленький и лысый?

— Мне он показался моложавым и очень худым, У него бледные странные уши — настоящий лопух.

— Да-да, конечно. Я перепутал. Так что, вы говорите, привело вас?

— Я коммерсант. Иностранец. Мое имя...

— Это излишне.

— Благодарю... Меня интересует синьора Дина Ферраччи.

— Синьора или ее текущий счет?

— И то и другое.

— Соблаговолите подождать.

У адвоката, несомненно, недурная картотека. Возможно, он сотрудничает с полицией, но это меня не пугает. Наведение справок коммерсантом о партнере — обычная и узаконенная вещь. Вполне безопасная, если, разумеется, у партнера нет связей с ОВРА.

Собственно, только это меня и интересует. Окажись синьора Ферраччи причастна к контрразведке, Карлини под любым предлогом предложил бы мне прийти завтра, чтобы дать полицейским возможность во всех курсах запечатлеть мою физиономию на пленке.

Полчаса спустя я расширяю круг познаний о Дине. И частично об Альберто. Узнаю даже адрес последнего любовника синьоры Ферраччи, которого она бросила год назад... Ничего неожиданного.

Теперь можно звонить.

Телефон-автомат принадлежит церкви. Об этом свидетельствует эмблема на будке. Будем считать, что само провидение на моей стороне и мои шаги осеяны святостью. Опускаю монету в прорезь телефона и кредитку в кружку; набираю номер. Как это выразился Альберто: «Не обижайте малышку»?

Дина узнает меня сразу. Лжет, что в полном восторге, и предлагает приехать. Когда? Лучше прямо сейчас. Вечером она ждет нескольких дам — маленький бридж. Чем еще развлекаться свободной женщине? Если я не прочь остаться и на вечер, меня познакомят с очень приятными людьми.

— Грация, — говорю я как можно нежнее и устремляюсь к такси.

Шофер выразительно потирает пальцы.

— Получишь, — обещаю я. — Но сначала помоги мне купить цветы. Большой букет. Или нет — лучше маленький, но дорогой. Где тут у вас торгуют орхидеями?

Все-таки как-никак Дина виконтесса!

5

Дина — само сочувствие; она обещает что-нибудь придумать. У Альберто такие связи! Слушая ее, я пытаюсь затолкать орхидею в вазу с узким горлышком — пятый букет за эти дни. Предыдущие четыре тихо увядают в углах гостиной. Цветы, пятнистые, как ситец, пахнут парфюмерным магазином.

Дина в курсе моих затруднений. С ловкостью, сделавшей бы честь комиссару полиции, она мало-помалу выудила из меня все подробности. Формализм швейцарцев и инертность немцев ее возмущают. Чуть-чуть больше, чем следовало бы.

— Альберто все уладит. Наберитесь терпения, Слави.

Синьор Фожолли звонил из Рима и обещал приехать. Дина, кажется, рассказала ему все.

Я молча расправляюсь с орхидеями и осторожно отталкиваю Чину, пробующую мои брюки на крепость. Альберто приезжает дневным курьерским, и я готов ко встрече с ним.

Мои отношения с Диной балансируют на грани дружбы и постели. Итогом может быть и то, и другое; право выбора Дина оставляет за собой. Она еще ничего не решила и не торопит события. В вагоне мне показалось, что виконтесса Ферраччи более прямолинейна, но, познакомившись с Альберто, я стал догадываться, что игра будет не так проста.

Завтра истекает срок разрешения квестуры. Если Фожолли не вмешается, мне останется одно — убраться из Италии и поискать другой путь в Берлин. Я почти жалею, что не воспользовался вариантом Белград — Вена — Прага. Что из того, что я восемь месяцев работал в Вене и был связан делами с ПКСВ — управлением компании спальных вагонов? Разве судьба

так уж и обязана сыграть со мной фатальную шутку, нос к носу столкнув на вокзале с кем-нибудь из старых друзей Ганса Петера Канцельбаума, поразительно напоминающего собой Слави Николова Багрянова — коммерсанта из Софии?

Пожалуй, я все-таки плюну на все и поеду через Вену.

— Будете завтракать, Слави?

Медленно и тихо целую руку Дины.

— Благодарю... Я перекусил в отеле.

— Мы же условились...

— Голод — превосходный корректор.

— Тогда кофе?

Одна из горничных — их у Дины три — приносит поднос с китайскими чашками. Запах мокко в момент забивает парфюмерную сладость орхидей. Надкусываю печенье и делаю глоток — ровно полчашки. Терпеть не могу ореховое печенье.

Дина возвращается к животрепещущей теме.

— Бедный мой Слави! Вот увидите, все отлично устроится. Стоит только Альберто захотеть — и вы отплывете, как Цезарь.

— Захочет ли он?

— Это зависит от вас.

— Если сделка в Берлине сорвется, мне придется туго. Не уверен, сумею ли я выпутаться без потерь.

— Все так скверно?

— Если бы вы видели мои склады, вы бы не спрашивали. Еще немного — и пшеница начнет гореть.

Дина доликает мне кофе. Рука у нее полная; оспинки у плеча едва заметны, но не настолько, чтоб не навести на мысли о возрасте синьоры Ферраччи. У тридцати- и даже тридцатипятилетних нет на руках этих шрамов — еще до первой мировой войны Европа научилась делать прививки на бедре.

Дина проявляет рассудительность:

— Может быть, стоило продать на месте? В Софии обязательно должны быть представители германской торговли.

В третий или четвертый раз терпеливо объясняю, что скупщиков хлеба в Болгарии — пруд пруди. Но платят они гроши. Вся надежда — самому побывать в Берлине и заключить прямой контракт.

Причины поездки — одна из тем, к которым Дина возвращается при каждом удобном случае. Слушать она умеет, и память у нее отличная. Беру ее руку в свою и опять целую, пытаюсь одновременно поймать ее взгляд. Долгая пауза заполнена игрой в гляделки, и Дина начинает медленно краснеть.

— Ах, Слави!..

Словно ничего не случилось, принимаюсь за кофе и печенье. Следующей темой должна быть моя поездка в Рим. Дина все еще не убеждена, что я не был нигде, кроме посольства. Помогая ей, со смехом вспоминаю шофера, устроившего мне экскурсию по Вечному городу. Говорю о выражении его лица, когда он понял, что хитрость разоблачена; при этом как можно точнее описываю приметы водителя, по которым, надеюсь, полиция уже успела его отыскать. Если Дина действительно прочит меня в мужья, то надо отдать ей должное — ее проверка не идет в сравнение с моим визитом к Карлини.

Вспоминая о Карлини, медленно улыбаюсь. Разговор с ним — очко в мою пользу. Если Альберто, разумеется, не профан. Осторожность ценится высоко во все времена и у всех народов. Не так ли, мой бесценный синьор Фожолли?

Остаток дня разбавлен ленивой скукой и пустой болтовней. Слишком жарко, чтобы выезжать на прогулку, да и, признаться, у меня нет настроения осматривать город. Пять суток в Милане — достаточный срок, чтобы исчерпать туристскую любознательность; для настоящего знакомства понадобились бы годы.

Самые жаркие два часа провожу в саду. Полулежу в шезлонге, закрыв лицо «Газетте дель попполо». Сад у Дины отличный, с многолетним газоном и хорошо расчищенными дорожками. Здесь так чисто и тихо, что кажется, будто вилла отделена от центра города сотней километров, а не тремя кварталами. Лишь иногда с площади, отразившись от стен замка Сфорца или собора, вместе с ветром долетают гудки.

Хорошо быть желанным гостем!

Альберто приезжает в три пополудни. С сожалением расстаюсь с газетой и пытаюсь привстать с шезлонга. Мягкая лапа успокаивающе взбалтывает воздух:

— Сидите, Слави... Я так устал, что последую вашему примеру и сяду. Вы не возражаете?

Сегодня Альберто в штатском. Превосходный костюм из тонкой шерсти; галстук завязан широким свободным узлом. Патриций на отдыхе.

— Позвольте представить вам...

Спутника Альберто я разглядел еще минуту назад — нехитрый прием с дырочкой в газете, весьма скомпрометированный кинофильмами, но тем не менее не потерявший ценности.

— Умберто Тропанезе.

— Слави Багрянов.

— Будущий магнат из Софии, — добавляет Альберто, проявляя склонность к юмору.

Скромно пожимаю плечами:

— Скорее нищий на паперти любой из церквей.

Фожолли утешает:

— Не впадайте в пессимизм, синьор Багрянов. Страна подняла из-за вас на ноги весь Рим. Меня, например, она буквально вырвала с заседания фашистского совета. Хотел бы я знать, кто, кроме нее, оказался бы способным на такое?

— Синьора так добра...

— Она поссорит меня с дуче.

Спутник Фожолли не вмешивается в разговор. У него осиная талия, широкие плечи и тонкое лицо с исключительно правильными чертами. Он мог бы сделать состояние, рекламируя костюмы от Пакэна или кремы Котй. Черная форма придает ему изящество.

— Завтра мы расстаемся, — говорю я с непритворной грустью. — Увидимся ли? Так жаль...

— Возвращаетесь домой?

— А что мне остается? — Прекрасная шутка, правда? Не надо напрягаться в разговоре, опасаясь сболтнуть что-нибудь не то. — Поеду в Софию, — продолжаю я, умалчивая, разумеется, что решающим обстоятельством оказалась полная невозможность добраться до паспорта Дины. Он — я это выяснил — лежит в сейфе, вне пределов досягаемости.

— Большие потери?

— Еще столько же — и точка.

— Вы откровенны... — Фожолли встает и вяло машет рукой. — Пойду умоюсь с дороги. Тропанезе составит вам компанию. Он занятный собеседник и — что важнее! — отзывчивый человек.

Он, несомненно, думает, что оригинален. Кроме того,

шофер такси, само собой, нашелся и подтвердил рассказ о маршруте. Мои поездки в Комо и Галларде служат последним доказательством, что Слави Багрянов загнан в угол и мечется в отчаянии. Можно не церемониться.

До появления Тропанезе я еще допускал, что ошибся и Дина интересуется Слави-холостяком, а не коммерсантом Багряновым, рыскающим по Европе в поисках сделок. Станным казалось только несоответствие титула виконтессы делля Абруццо с попытками привлечь к себе внимание. Как бы ни торопил Дину возраст, между торговцем с Балкан и миланской дворянкой лежит пропасть, мостик через которую способны перекинуть одни лишь миллионы. А я не миллионер; состояние моего текущего счета вряд ли способно очаровать Дину — у людей ее круга сверхъестественное чутье на все, что связано с деньгами.

Итак, поскольку я не богат, как Крез, не записной красавец и не принадлежу к высшему свету, то что, собственно, привлекает Дину и вынуждает быть настойчивой?.. Две детали дали мне нить: синьора Ферраччи ехала из Югославии и имела швейцарскую визу.

Тропанезе, вздернув брюки, присаживается в покинутый Альберто шезлонг. Доброжелательно улыбается,

— Командор Фожолли просил помочь вам.

— Это возможно?

— Сознаюсь: трудно.

— Тогда не стоит и говорить...

— И вы готовы нести потери?

Пожимаю плечами.

— Вы уже бывали в Берлине?

— Нет... Но если бы сделка удалась, нынешний визит был бы не последним.

Мой паспорт, побывав в квестуре на регистрации, подвергся изучению. Утром я спросил портье, где мои документы, и услышал, что их еще не вернули. Значит, можно не упоминать о недавней поездке в Венгрию — Тропанезе доложили о всех визах и отметках.

— По-моему, путь через Вену короче?

Самое слабое место. Но я готов.

— Всегда ищешь максимум пользы для себя. Не секрет, что Виши остро нуждается во многом. В том числе и в хлебе.

— Да, в зоне голодно-вато.

— Вот я и думал через Женеву и Лион завернуть в Виши или Марсель. На пару дней, не больше. И прогадал...

— Что вам посоветовали немцы?

— Ничего. Я намекнул на любовь к морю, но, как выяснилось, ключи от портов у военных властей и у вас. Пустой номер.

Тропанезе откидывается в шезлонге. Говорит неопределенно:

— Море...

Голос у него мечтательный.

Достаю сигареты и протягиваю их итальянцу. Он отказывается, а я закурываю и пытаюсь нанизать кольца на тонкую струю дыма. Безуспешно.

— Вы знаете кого-нибудь в Берлине?

— Нет, — говорю я.

— У меня там приятельница. Немка. Пишет, что никак не может выбраться — муж полковник и чертовски ревнив. Я рассчитывал на Дину. Но не у вас одного неудачи, синьор Багрянов... Динина поездка в Берлин отпала из-за болезни.

Выдерживаю паузу.

— А вы и не знали?

— Ни о поездке, ни о болезни.

— Да, Дина скрытна... У нее почки, но это между нами.

— Ах, почки?

— Да. Одним мешают болезни, другим — интриги.

— Не понимаю!

— О, синьор Багрянов! Вы удивительно наивны! Неужели вы думаете, что германские дипломаты так уж бессильны и не в состоянии устроить вас на корабль?

— Что же им помешало?

— Ваша маленькая ссора с соседом по купе. Фон Кольвицем, кажется?

Изображаю изумление:

— Мы не ссорились.

— И тем не менее синьор Кольвиц явился к властям с просьбой обратить на вас внимание.

Превосходно доведенная до моего сведения угроза. Форма изложения почти безупречна. Теперь я обязан немножко испугаться, чтобы не лишить Тропанезу удовольствия. Потрясенно развожу руками.

— Чем я ему не угодил?!

— Слишком много выпивки, синьор Багрянов. Офицеры гестапо не любят тех, кто чокается с ними первым. Вы и этого не знали?

— Откуда? Но, боже мой, как все глупо! Поверьте, я и не предполагал...

Может быть, возмутиться и вскочить с шезлонга? Сiju. Курю. Стараюсь выглядеть раздавленным.

Вербовать он меня не станет. По крайней мере, в этот раз. Для начала предложит привезти из Берлина маленькую посылочку от знакомой. Какой-нибудь милый и безвредный пустячок... Дина у итальянской разведки что-то вроде курьера. Работа с агентурой не входит в ее задачи, и я по чистой случайности подвернулся ей под руку. Болгарин, нейтрал, с хорошими документами. И едет в Берлин. Почему бы не воспользоваться? Фон Кольвиц в известной степени помог итальянцам, дав повод для обыска и словно натолкнув на решение... Видимо, немцы не очень довольны поездками итальянских курьеров, в том числе и дипломатов, в третий рейх. Дружба дружбой, а табачок врозь. Уверен, что были случаи, когда дипкурьеры и охрана крепко засыпали в своих купе, а сумки с почтой подвергались деликатным операциям. Склонен думать также, что синьора Ферраччи примелькалась в Берлине, и рада найти себе хотя бы временную замену... «Спокойно, Слави! Держи ушки на макушке».

Тропанезе, дав Багрянову впасть в отчаяние и измерить всю глубину бездны, извлекает его со дна и держит на краю обрыва. В таком положении легче сделать выбор.

— Еще не все потеряно, синьор Багрянов.

— Легко сказать!

— Но это так. В Триесте ведь все обошлось? Вот видите...

— А отказ посольства помочь?

— Формализм. Обычное явление... Да, забыл сказать, что я работаю в отделе, связанном с морскими перевозками. Командор Фожолли позвонил мне, и, как видите, я здесь.

— Вы воскрешаете меня!

— Просто оказываю пустячную услугу и счастлив, что это в моей власти.

— Хотел бы отплатить вам тем же,

Тропанезе слегка улыбается.

— Вы предвосхитили мою мысль. Могу я просить об одолжении?

— Ваш слуга!

Как я и полагал, речь идет о посылке. Приятельница Тропанезе, оказывается, давно мечтает прислать своему итальянскому другу редкое издание Евангелия. Почтой это делать опасно — из сумок исчезают и менее ценные вещи. Тропанезе рассчитывал на Дину, но поездка сорвалась так некстати, лишив влюбленных радости дарить и получать подарки.

Договариваемся о деталях. Жена полковника найдет меня в отеле «Кайзергоф», она позвонит сама и назовется Эрикой. Мне следует помнить, что полковник ревнив; поэтому Тропанезе лишен возможности дать мне адрес или номер телефона своей пассии. Вполне логично и то, что наша встреча с Эрикой должна состояться подальше от посторонних глаз: полковник доставит мне кучу неприятностей, если накроет с супругой.

— Я буду осторожен, можете положиться.

— Хочу надеяться, что так... Да, и не пейте больше с сотрудами гестапо!

Смеемся. Весело, как и подобает людям с чистой совестью, полюбовно завершившим сделку. Намек на попойку должен предостеречь меня от желания передать посылку в РСХА: в этом случае доносу фон Кольвица будет дан ход и даже болгарский МИД не спасет меня от возмездия.

Тени в саду становятся все длиннее и длиннее, воздух свежее, и с площади приплывает звон колоколов. Тропанезе механически крестится и смотрит на часы.

— Сейчас позовут к обеду.

— Я не приглашен.

— Значит, Дина ввела меня в заблуждение. А мне показалось, что в вашу честь готовится чуть ли не парадный прием!

Тропанезе в упор смотрит на меня.

— Хорошо быть богатым и позволять себе все. Синьора Ферраччи славится на весь Милан своими приемами. Еще бы! С такими средствами! Впрочем, что я говорю: адвокат Карлини уже ввел вас в курс дела?

Отвечаю прямым взглядом.

— Я коммерсант, а следовательно, нуждаюсь в лоцмане. Без надежного кормчего трудно плыть в море экономики.

— Это верно. Пойдемте? — Тропанезе пропускает меня вперед и, дав сделать шаг, добавляет: — Ради всего святого, будьте с моей Эрикой так же благоразумны, как в случае с лощманом.

В голосе его я слышу одобрение.

...Обед и начало вечера проходят весело и сумбурно. Много вина и шуток. Альберто изощряется в остроумии, а Дина грустна. Отводит меня к окну и спрашивает, когда я вернусь.

— Я еще не уверен, что уеду...

— Альберто не сказал вам?

— Ни слова.

— Завтра утром. Кажется, из Генуи... Вы и вправду не знали?

— Клянусь вам.

— Узнаю Альберто: не может без сюрпризов.

Официально о времени отплытия мне сообщает Тропанезе. После обеда. Все обставляется, так, будто он и сам только недавно выяснил это, позвонив в Геную.

— А паспорт? А разрешение?

— Паспорт захватите по дороге; разрешение будет ждать в порту. Если вы не против, поедem машиной. Так удобнее.

Дина ласково держит меня под руку. Ей, по-моему, кажется, что я заслуживаю награды. При желании я мог бы попросить ее показать мне спальню. Вино и волнение усиливают готовность синьоры Ферраччи отплатить добром за добро.

Ровно в восемь Альберто встает из-за стола.

— Ты превзошла себя, дорогая. Суп из черепахи был неподражаем.

— Не я, мой повар!

— За здоровье путешественников?

Прежде чем выпить, кланяюсь и благодарю:

— Поверьте, Альберто, такое не забывается!

— Пустое, — великодушничает Фожолли и любителю бокалом. — Сохрани вас господь в пути...

Дина провожает нас до самой ограды. Прижимается к моему плечу. Альберто открывает шествие, мы замыкаем, и поэтому Дина смело целует меня в губы.

— Я буду ждать...

Меня или Евангелие? Благоразумно воздержавшись от вопроса, возвращаю Дине поцелуй в качестве ма-

ленькой компенсации за несостоявшуюся экскурсию в спальню. Пусть ждет и надеется.

— Чао, Слави!

С этим и отбываю. По пути на несколько минут сворачиваем к отелю, грузим в багажник фибровое чудо-вище, и «фиат», с места развив сумасшедшую скорость, устремляется из Милана в Геную.

Меня клонит ко сну.

Сквозь полудрему слышу, как Тропанезе приказывает шоферу поторопиться. Тону в мягчайших кожаных подушках и блаженно думаю о причудах удачи. Что там не толкуй, но удача приходит к тем, кто ее ищет. Банальная истина? Пусть так. Но от этого она не становится хуже. Я знаю только один случай, к которому закон об удаче, идущей навстречу ищущему, оказывается непреложным. Он касается тех, кто стеснен в деньгах и пытается отыскать бумажник на дороге. Таких счастливчиков я еще не встречал.

6

От второго завтрака до ужина, с перерывом на обед, в кают-компании идет игра в шмен-де-фер. Счастье покинуло меня: получаю или мелочь, или баккара и потихоньку облегчаю бумажник от франков. Кредитки скапливаются у пожилого немца в полувоенной форме, мрачно мечущего банк.

— Еще? Даю!

— Прикупаю... Пять.

— Дамбле!

С нами играют экзальтированный француз неопределенного возраста и смуглый молодой итальянец, утверждающий, что в Париже его ждут не дождутся на Монпарнасе. Он эксперт по живописи новой школы, хотя причисляет Модильяни к художникам конца девятнадцатого века. Эти двое играют осторожно; набрав четыре или пять, не прикупают, а немцу, как назло, идут комбинации, близкие к девятке.

«Вольтерра» — вспомогательное судно итальянского королевского флота — жметя к берегу, к мелкой воде. Так безопаснее. Француз утверждает, что британские подводные лодки торпедируют в среднем каждый третий пароход, если, конечно, его не успевает потопить морская авиация. Месье Каншон работает инженером

тулонских доков и говорит с полным знанием дела. После каждого его рассказа о сгинувших в пучине кораблях немец прикупает, не глядя в карты. Я сижу слева от него и вижу, что дважды он брал к восьмерке; но судьба есть судьба: выходит туз, и получалось девять.

Перед ужином выходим на палубу подышать воздухом. Вдоль борта, на крюках, развешаны спасательные круги и капковые пояса. На корме у зачехленной пушки хлопочут пожилые солдаты с зелеными от качки лицами. Им поручено мужественно отразить нападение воздушных и морских эскадр врага, но, по-моему, они больше надеются не на свой «эрликон», а на пробковые жилеты и близость берега. Немец, сутулясь, разглядывает героических защитников «Вольтерры» и хрустит суставами сцепленных пальцев. Качает головой.

— И это солдаты? Инвалидная команда.

В голосе у него горечь и обреченность. Крупный выигрыш доканал его. Судя по форме и кое-каким жаргонным словечкам, он военный строитель; мрачность же и тусклые глаза свидетельствуют, что из Марселя ему предстоит ускоренный марш на фронт.

Осторожно зондирую почву.

— В Берлин?

— Почему вы спрашиваете?

— Я еду туда и был бы рад иметь вас полутчиком.

Немец, как подхлестнутый, распрямляет плечи. В глазах такого штафирки, как я, носитель арийского духа должен при любых обстоятельствах выглядеть Зигфридом. Даже если предвкушение фронта вызывает сердечный спазм, а фатальное везение в картах согласно безошибочной офицерской примете предвещает досрочное прощание с жизнью.

Эксперт по живописи болтается возле рубки, несколько не интересуясь нашим разговором. В зубах у него зажата сигарета в длинном дамском мундштуке. Мизинец изящно отставлен.

Некоторое время слушаю немца, объясняющего мне, что место каждого, кто предан фюреру, там, где решается судьба империи, — на Востоке, но вскоре отвлекаюсь. Мне очень не нравится подвижная черная букашка, возникшая у горизонта и обнаруживающая намерение сблизиться с нами. С тех пор как сторожевые катера, сопровождавшие «Вольтерру» до Сан-Ремо, от-

вернули, предоставив судну самому выпутываться в случае чего, я уже не раз прикидывал шансы добраться до берега. Их не так уж много.

Букашка довольно долго маячит в открытом море, то приближаясь, то удаляясь, и наконец исчезает. Прогнувшись, спускаюсь в кают-компанию. Эксперт предлагает продолжить игру, но не встречает поддержки: немец окончательно ушел в себя, месье Каншон решает отправиться спать.

Мы уже обогнули мыс Де-Солен и плетемся со скоростью десять узлов в виду берегов Франции. Завтра в полдень будем в Марселе. Хочется думать, что будем.

Когда-то мне уже представлялся случай тонуть, и я прекрасно помню, что ощущение было не из приятных. Особенно противной показалась мне зеленая гидра водорослей, обвивших ногу и словно бы приглашавших погостить на дне подольше. Даже через месяц я вспоминал о них с содроганием и старался избегать разговоров о морских ваннах.

— Покер? — предлагает эксперт.

— Вдвоем?

— Почему бы и нет — надо же убить время.

Он или очень неопытен, или чрезмерно нагл. Я, конечно, не надеялся, что Тропанезе оставит меня без призора, но все-таки можно действовать деликатнее! Мало того что мы с экспертом соседи по каюте, он буквально из кожи вон лезет, стремясь заполучить меня в партнеры или собеседники. И главное, «Вольтерра» так мала, что от него не скроешься.

Эксперта зовут Ланца. Марио Ланца — полный тезка прославленного певца. Марио утверждает, что тоже поет, и неплохо, и в доказательство попытался исполнить что-то неаполитанское. Какими только талантами не располагает итальянская разведка!

Марио сдает карты, выбросив мне пару дам. Добираю и блефую с таким видом, словно получил карре. Марио морщит лоб и погружается в расчеты. Предлагает раскрыться, но я набавляю — столько и столько же. Интересно, что он станет делать, проиграв жалование и проездные?

Два валета Марио подрывают его кредитоспособность на триста с лишним франков. Еще талья — и Ланца побежит к капитану занимать на обратную

дорогу. Покер — это прежде всего психология и только потом уже мастерство. И еще чувство меры.

Дав Марио неоспоримое доказательство, что с чувством меры у него не все в порядке, подсчитываю итог и отправляюсь спать. Становится темно, и встреча с британской авиацией откладывается на завтрашнее утро. Что же касается подводных лодок, то им все равно, день или ночь, а посему лучше о них забыть. Так я и делаю.

Сухо раскланиваюсь с немцем и ухожу, оставив его бодрствовать в обществе Ланца. Немец сражен своим выигрышем, а Марио проигрышем, и они, надо думать, найдут общий язык.

Сплю без снов.

Утром выясняется, что мы опаздываем и попадем в Марсель не раньше вечера. О картах никто не заикается, и, позавтракав, слоняемся по «Вольтерре» с носа на корму и с кормы на нос, мешая матросам. Прислуга у «пушки» тренируется в отражении воздушного нападения. Тонкий ствол описывает круги, зарождаая у Ланца желание поделиться своими военными познаниями. По его словам, снаряд делает в «харрикейнах» дыру величиной со спасательный круг. Даже побольше. Каншон в восторге. О-ля-ля! Так им и надо, этим воздушным пиратам!

Немец, выждав паузу, выливает на Каншона ушат ледяной воды.

— Фугасная бомба, самая маленькая, способная разорвать «Вольтерру» пополам...

И Каншон сникает.

Обедаем в гробовой тишине, подчеркнутой громким сопением Каншона, очищающего косточку отбивной. Страх не лишил его аппетита; зато немец ест лениво, оставляя на тарелке почти не тронутые куски. За десертом возникает ссора. Поводом служит панорама Тулона, открывшаяся в иллюминаторе и заставившая Каншона вскочить с места.

— Смотрите, флот! Французский флот, господа!

В глазах Каншона вызов.

Военные корабли, укрывшиеся в бухте, мертвы, как на кладбище. Обреченный флот поверженной страны. Против кого он повернет свои огромные пушки?

Немец беззлively подбирает губы.

— Отличная цель для авиации. Из каких соображений англичане ее щадят, господин Каншон?

— Из тех же, что и Берлин! — парирует француз.

— Что вы сказали?!

Ланца всплескивает руками. Я придвигаюсь к Каншону, но больше ничего не происходит. Немец медленно складывает салфетку и, вдев ее в кольцо, лишает нас своего общества. Каншон с ненавистью смотрит ему вслед.

В молчании доканчиваем обед. Расходимся. Француз бледен и суетлив, руки у него ходят ходуном. Был ли он на линии Мажино?

«Вольтерра» крадется вдоль берега, вздрагивая на волне. Спасительный мрак все ниже опускается с небес, и, когда тьма сгущается, оказывается, что мы почти у цели. Браво, «Вольтерра»! Слави Багрянов весьма обязан тебе.

До причала нашу четверку, теперь уже окончательно разобщенную, доставляет портовый катер; «Вольтерра» остается на внешнем рейде в обществе других судов, опоздавших к адмиральскому часу. Катер проскакивает в лазейку меж бонами и, постукивая мотором, долго лавирует среди затемненных пароходов. Каншону не терпится:

— Нельзя ли прибавить ход, капитан?

Его посылают к черту, и я посмеиваюсь, слыша, как он сердито сопит, не решаясь, впрочем, затевать перебранку. В полной темноте выгружаемся на причал, где матросы подхватывают наш багаж и быстро закидывают его в кузов маленького грузовичка.

— Не отставайте, господа! Иначе вещи убегут от вас.

Рассаживаемся и едем. Ланца насвистывает песенку о солнечном Сорренто; Каншон вполголоса проклиная тряску.

До рассвета дремлем в приемной коменданта порта. У нас нет ночных пропусков, и охрана отказывается выпускать в город; исключение делается только для немца, за которым приезжает камуфлированный вездеход. Немец расправляет плечи и прощается со мной и Марио, обойдя рукопожатием взбешенного Каншона. В знак презрения к грубияну француз вызывающе справляется у часового, с каких это пор удобрение во-

зят в вездеходах? Так как дверь за немцем уже закрылась, оба смеются — громко и независимо.

Ланца скромненько помалкивает в кресле.

Утром, нагруженный фибровым чудовищем, еду через весь Марсель на вокзал. Автобус, чихая дымом, взбирается вверх по Каньбьеру, и я высовываюсь в окно, чтобы бросить последний взгляд на порт. Пытаюсь найти «Вольтерру», но она затерялась среди десятков судов.

Ланца без церемоний набился мне в попутчики. Каншон задержался в порту. Я видел, что его документы понесли зачем-то в кабинет коменданта. Уж не донес ли на него часовой? Все может быть...

Формальности с префектурой были улажены молниеносно. Паспорта — мой и Марио — комендант отправил к префекту и вручил их нам, уже снабженные штампами. Тропанезе, оставшийся в Италии, как видно, умудрился простереть свое покровительство через Лигурийское море и половину Лионского залива.

Осталась последняя забота — избавиться от Ланца. У меня нет ни малейшего желания тащить его за собой, тем более что до Парижа я должен сделать в пути краткую остановку.

Автобус все карабкается вверх. Сажу у окна и мусолю роман Уоллеса. Еще грузясь на «Вольтерру», я извлек его со дна фибрового чудовища и переложил в боковой карман пиджака. Судно могло идти ко дну и унести туда же мои пожитки, но «Мания старого Деррика» была слишком большой библиографической редкостью, чтобы такой экономный господин, как я, тратил время и двадцать марок пятьдесят пфеннигов на покупку нового экземпляра...

Ланца, прищипывая, посасывает пустой мундштук. Взгляд его безоблачен. Итальянец прекрасно понимает, что с тяжелым чемоданом я никуда не денусь, и буквально выворачивает шею, стараясь заглянуть в вырез платья соседки слева. Если бы в автобусе было потеснее, он обязательно ущипнул бы девушку за бедро.

Кондуктор громко объявляет остановки. Скоро вокзал, а я так ничего и не придумал, чтобы отделаться от Ланца. Слабая надежда, что он упустит меня в толпе пассажиров.

— Вокзал! — возвещает кондуктор.

Предоставляю Марио возможность помочь мне вынести чемодан и зову носильщика. Объясняю, что мне нужен билет до Парижа, и вопросительно смотрю на итальянца. Он посасывает мундштук, как леденец.

— А вы?

Ланца шурит глаза и весело смеется.

— Я задержусь... Счастливого пути, синьор! Надеюсь, маки не убьют вас до Парижа.

Он круто поворачивается и идет прочь, покачивая пухлыми бедрами. Кажется, я не сразу захопываю рот, потрясенный его великолепной наглостью. Однако не слишком ли самоуверен синьор Тропанезе?

Носильщик возвращает меня на землю:

— Спальное до Парижа, месье? А пропуск?

— Все в порядке, — говорю я.

— Вам надо к коменданту.

— Хорошо, пойдём...

Задумчиво плетусь следом за носильщиком и его тележкой. Чемодан, привязанный ремнями, важно сверкает массивными наугольниками. Трюк, выкинутый Марио, мне пока непонятен, но я искренне надеюсь со временем добраться до разгадки.

До отхода поезда час. Он весь, без остатка, убит на то, чтобы сначала выстоять очередь к коменданту, а потом в кассу. В купе попадаю за несколько секунд до отправления, усталый и расстроенный. Прежде всего тем, что мой поезд скорый и не делает остановки в Монтрё, о чем я узнал, уже купив билет. Вторая причина лежит вне связи с предыдущей и намного серьезнее. Она возникла в тот миг, когда я занес ногу на лестницу вагона и, сам не ведая почему, огляделся по сторонам. Именно в это мгновение мне и показалось, что в соседний вагон поднимается месье Каншон — инженер, чей путь лежит в Тулон и чьи документы были задержаны комендатурой порта.

«Хороший урок тебе, Слави!» Сказав это, я мысленно снимаю шляпу и раскланиваюсь с синьором Тропанезе, предусмотрительность и заботливость которого недооценил.

Проводники спальных вагонов — самые лучшие мои друзья. Долгие разлуки с родными пенатами и много-

образие дорожных знакомств делают их или мизантропами, или, напротив, душой общества. В моем вагоне царствует мизантроп. Он ненавидит все и вся, но не коньяк. Рюмочка-другая «Плиски» сближают нас настолько, что я достаиваюсь беседы.

После третьей рюмки, сообщая, что огорчен отсутствием остановки в Монтрё. Проводник высокомерно посасывает коньяк и издает легкий орлиный клекот, заменяющий у него смех.

— Сразу видно, что вы портплед!

— Простите?

— Портплед. Пассажир, который все теряет и ничего не находит.

— Остроумно!

Проводник языком выбирает из рюмки последние капли. Решительно накрывает ладонью, видя мое намерение наполнить ее вновь.

— Баста! День только начинается, и, кроме того, к Парижу я должен быть в порядке.

Разговор на несколько минут уклоняется от главной темы. Выслушиваю суровый приговор пассажирам, таким же, как я, портпледам, которые спят от самого Марселя с перерывами на жратву, а с утра надоедают занятым людям. Робко извиняюсь:

— Право, мне так неловко, мой друг!

— Зачем вам в Монтрё? Какая-нибудь юбка?

— Мы познакомились в Марселе...

— Я вижу, вы не теряете времени: с парохода и в постель. Впрочем, это ваше дело. — Легкий клекот. — Так вот, перед Монтрё будет мост; мы простои́м не меньше минуты. Если хотите, я выпущу вас.

Обдумываю предложение. Мост, наверное, охраняется. Надо решать.

— А как я перейду на другую сторону? Охрана — немцы?

— Полиция. Днем пропускают беспрепятственно... Если вы не запаслись, чем следует, аптека у вокзала.

— Черт возьми, мне повезло, что я познакомился с вами. Ваше здоровье!

— Так как — сойдете?

— А мой багаж? Тащиться через мост с таким чемоданом...

Последняя рюмка «Плиски» была перебором. Про-

водника начинает развозить. Он оттаивает на глазах, и клетот становится раз от разу все продолжительнее.

— Положитесь на старого Гастона, мой друг. Когда-то и я был парень не промах! Помню, в том же вашем Монтрё у меня была одна, жила у собора и наставляла мужу рога... Оставьте мне ваш чемодан. Я сдам его в Париже на ваше имя. Пять франков за хранение — недорого и удобно.

Бедный месье Каншон. Он будет так огорчен, не найдя меня на вокзале. Не кинется ли он в местное гестапо, чтобы ускорить свидание?..

— Меня могут встречать.

— Отдать ваш чемодан?

— Нет, не стоит.

— Тогда я скажу, что вы отстали в Сансе.

Перед Монтрё достаю из фибрового вместилища новый костюм и свежую рубашку и, закрывшись в туалете, быстро переодеваюсь. Шляпу заменяю беретом. Все вещи французского производства, хотя и куплены в Софии; в магазинах за каждую метку «Дом Диор» и «Пакэн» с меня содрали по лишней десятке. Проводник одобряет перемену.

— Теперь вы настоящий кавалер! Не то что раньше... О, нигде не шьют так, как во Франции, и на вашей родине тоже... Кстати, где это вы наловчились так болтать по-французски?

— Набрался ума у гувернера.

— Тогда понимаю, почему вы так быстро столкнувались со своей красоткой. Желаю удачи. И смотрите не подцепите какую-нибудь гадость!

У моста поезд с лязгом и пыхтением тормозит, и проводник выпускает меня из клетки. Спрыгиваю на гравий и, делая вид, что не вижу ориентирующих жестов проводника, быстро иду к хвосту поезда — подальше от вагона, в котором едет месье Каншон. Убежден, что в Париже он все-таки постарается обойтись без услуг немцев. Вряд ли Тропанезе простит ему шаг, способный навлечь на меня подозрение РСХА, поскольку этим самым будет возведена стена между Слави Багряновым и Эрикой, ожидающей его появления в «Кайзергофе».

Поезд, простояв не больше минуты, показывает мне тыл, а я, закулив, ступаю на мост и иду, сопровождаемый равнодушными глазами полицейского наряда. На середине сплевываю с высоты в желтые волны Ивонны и делаю это трижды — на счастье.

Полдела сделано. Ау, месье Каншон! Будете в Милане — кланяйтесь Дине и Альберто. И скажите, что усики Дине к лицу, хотя связи с ОВРА способны оттолкнуть и более пылкого поклонника, чем я. И еще передайте, что использовать шикарных дам в качестве курьеров — старо и неосторожно. Они так приметны, что полиции просто не остается ничего другого, как зарегистрировать их в картотеке и отечески опекать в поездах... Прощайте, месье Каншон!

Завтракаю я в бистро скудно и невкусно; у меня нет карточек, а без них к кофе подают бриош и кусок острого вонючего сыра. Кофе — смесь желудей и еще каких-то эрзацев. Но зато горячий.

Пью и рассматриваю объявление на стене у окна. Немецкий комендант извещает о запрете демонстраций, соборий, вечеринок и прогулок в лодках по Ивонне. Наказание — заключение в концентрационный лагерь. Рядом с объявлением физиономия генерала Дарнана. Еще один герой! В Софии это был царь Борис, в Италии — дуче, чьи портреты по размерам всегда превышали картинки с профилем короля; Марсель намозолил мне глаза отечными мешками и склеротическим носом Петена, выставленного, как для продажи, в витринах магазинов и лавок. Оккупированная Франция оригинальнее в выборе символов: портрет начальника полиции отражает суть и дух режима. «Будь осторожен, Слави. Помни: тебя ждут в Берлине».

— Гарсон!

Расспрашиваю официанта, как отыскать собор. Надо, оказывается, вернуться к станции и, взяв влево, идти прямо, никуда не сворачивая.

— Месье хочет послушать мессу?

— Просто помолиться.

— Это можно. А вот службы — они теперь бывают редко. Власти не любят, когда много людей. На каждый случай нужно разрешение.

— Везде одно и то же, — говорю я.

— Месье француз?

«Я же предупреждал: осторожнее, Слави!..»

— Я из Эльзаса.

— У вас такой акцент... Значит, держите прямо и не сворачивайте. Улица Капуцинов, два. И не стремитесь на площадь — там комендатура.

Решительно встаю. Голос мой сух и строг.

— Вам не кажется, мой милый, что кое-кто оценил бы ваш совет как нелояльность? Получите с меня. Без сдачи.

Выходя, слышу свистящий шепот официанта, адресованный буфетчику: «Этот тип из Эльзаса; настоящий коллаборационист!..» На сердце у меня тревожно.

Улица Капуцинов, 2.

Католический собор сер и угрюм. Его башенки и своды заштрихованы сизым голубиным пометом. Самих голубей что-то не видно. Вымерли или сдобрили постные супы горожан. Мраморные ступени, истонченные подошвами, безукоризненно чисты. При входе окунаю палец в чашу со святой водой и останавливаюсь, давая глазам привыкнуть к полумраку. Сквозь цветные витражи с библейскими сценами льется меркнувший где-то на полпути багровый свет. Иисус Христос, распятый на кресте, улыбается кроткой улыбкой мученика. У алеебастровых ступеней трепетно колышутся огоньки тоненьких свечек.

Тишина. Такая глубокая, что кружится голова.

Мне нужен священник, отец Данжан, но как отыскать его, не задавая вопросов? Иду вдоль стены, описывая круг, и вспоминаю приметы Данжана. Среднего роста, коренастый, нос с горбинкой, серые глаза... Попробуй разобрать в полумраке цвет глаз! «У него привычка часто и негромко кашлять. Ищи кашляющего, Слави».

Впереди меня дама. Черное платье, черные волосы. Вдова? Надо держаться за ней — вдовы в храмах по большей части не только молятся, но и ищут утешения в беседах со служителями церкви.

Шаг за шагом подходим к кафедре. Священников целых пять! Коленопреклоненные, они шепотом молятся, перебирая четки. Который из них Данжан? И вообще, есть ли он здесь?

Дама замирает, и я следую ее примеру. Неверие в чудеса и догматы не лишает меня обязанности уважать чужие обряды. Один из священников оборачивается и через плечо долго и пристально смотрит на нас. Под-

нимается с колен. Он сед, аскетически сух и призрачно бледен.

— Мадам? Месье?

Женщина судорожно протягивает руку.

— Отец Антуан! Помогите мне!

— Но чем, дочь моя?

Короткий придушенный кашель доносится до моих ушей. Отец Антуан успокаивающе гладит даму по плечу.

— Не отчаивайтесь. — И ко мне: — Месье?

— Сначала мадам, — говорю я.

Священник пронизательно смотрит на меня.

— Вы не из нашего прихода?

— Я издалека, святой отец.

Еще один — в темных одеждах — поднимается с коленей. Мягко ступая, подходит к нам. Кашляет.

— Вы впервые в нашем храме?

— Да, — говорю я.

— Хотите облегчить душу молитвой?

— Нет, исповедаться.

— Я готов принять вашу исповедь...

Он действительно почти непрерывно кашляет — скорее всего это запущенная нервная болезнь. Идем в исповедальню, куда совсем некстати направляется и отец Антуан в сопровождении дамы.

В кабинке тесно и пахнет свечами. Бархат тяжело обволакивает стены, глуша голос; сквозь окошечко в пологе мне видна часть лба отца Данжана.

— Говорите, сын мой. Мы одни, и только господь и я, его слуга, слышим вас в эту минуту.

— Я впервые в храме — не только в вашем. Как начать и о чем рассказывать? Все, что я помню и знаю, это слова к окончанию службы: «Идите с миром! Месса окончена!»

Молчание. Слышу неразборчивый шепот из соседней кабинки — там исповедуется вдова. Отец Данжан — если это он! — слишком медлит с ответом.

— Это так. «Идите с миром!»

— Где Жоликер?

— Подождите! — быстро говорит священник и мучительно кашляет. — Одну минуту... — И громко: — Неужели у вас нет иных грехов?

— Сколько угодно! — говорю я облегченно. — Во-первых, я чревоугодник и пьянчужка. Во-вторых, воло-

чусь за каждой юбкой. И наконец, я ужасный трусишка. Каков букет?

Шепот по соседству смолкает. Шорохи и тишина.

— Где Жоликер? — повторяю я. — У меня мало времени — несколько часов. Говорите же! Почему он замолчал в мае?

— Он арестован.

Так... Сижу в тесной, как карцер, кабине, лишенной воздуха и света. Мне душно, и я расстегиваю пуговицу у воротника.

— Это случилось в мае?

— Да, в ночь с восьмого на девятое.

— Кто арестовал его?

— Немцы.

— За что?

— Выяснить не удалось.

— А вы пытались?

— Могли бы не спрашивать!..

Прощай, Жоликер! Прощай, товарищ! Из гестапо не возвращаются. Как оно добралось до тебя? С помощью техники или предательства? Вряд ли отец Данжан поможет мне разобраться и установить причины. Он только участник Сопротивления, честный француз, но не специалист по контрразведке. Жоликер для него был, есть и будет Анри Жоликером, хозяином маленькой велосипедной мастерской, приехавшим в город после оккупации и едва вошедшим в контакт с франтирерами и маки. Его арест — рядовая потеря для организации Сопротивления, а для меня тяжелый удар. Крылья беды простираются над исповедальней...

— После Жоликера что-нибудь осталось?

— Ничего!

— Вы не доверяете мне?

— Я же говорю с вами...

Это не ответ!

У Данжана новый приступ кашля. Он долго отхаркивается, и я чувствую, что у меня начинает першить в горле.

— Вы знаете больше меня, месье. Даже то, что Жоликер замолчал. Не хочу быть бестактным и спрашивать вас, что это значит.

— Хорошо. Но он не мог ничего не оставить. Он ждал меня.

— Это так. В начале мая Анри пообещал принести чемодан.

— Где он?

— Не торопите меня, месье!.. Я говорю: обещал, но не сказал: принес. Мы должны были встретиться в воскресенье здесь, но не встретились.

— Еще один вопрос, и я уйду. Можно побывать у хозяйки Жоликера? Она, вероятно, что-нибудь знает.

— Лучше идите прямо в гестапо.

— Понимаю...

— Если вы действительно издалека, то уезжайте с первым же поездом.

— Спасибо. Прощайте.

— Не знаю, грешны вы или нет, но отпускаю вам все грехи. Идите с миром! Прощайте!

Окошко закрыто. Ни звука. Данжан растворился, как дым церковных свечей. Тем лучше — нам больше не зачем видеть лица друг друга. Отныне мы не встретимся — разве что на небесах, куда таким неверующим, как я, вход, по всей вероятности, закрыт...

«Что ждет тебя в Париже, Слави?»

8

Очень неудобно чувствуешь себя, когда в спину между лопаток упирается ствол автомата. Хочется закрыть глаза — раз, два, три! — и перенестись в детство. Маленьким я умел становиться невидимым. Это было просто. Стоило только произнести сказочное «шнип-шнапшнуре!» — и волшебная шапочка сама собой оказывалась у меня на голове, а враги застывали с разинутыми ртами. В детских играх вообще все удается удивительно просто...

— Эй ты, руки на затылок! И не дергайся, пока не вывел меня из терпения!.. Руки!

Немолодой французский полицейский подталкивает меня к стене.

— Стойте тут. И не шевелитесь!

— Позовите офицера...

— Лечу, месье!

Адская боль в крестце, и звезды перед глазами. Ноги подламываются в коленях. Сосед справа поддерживает меня плечом. Шепчет:

— Ради бога, прикусите язык!

— За что они нас?

— Тише. Говорят, под мостом нашли немца. Убитого.

Полицейский, отошедший было к окну, возвращается и, на этот раз без предупреждения, бьет меня сапогом. Слышу свой крик и валюсь на соседа. На какое-то время возникает чувство покоя и умиротворенности, а потом снова боль и мерзкая вонь захоженного пола. Поднимаю голову и, слабый, как дитя, сажусь, опираясь на руки. Ну и ну, здорово же он натренировался!

— Внимание! Всем повернуться ко мне! А вас это не касается, красавчик?

Схваченный за шиворот, почти взлетаю и оказываюсь нос к носу с приземистым господином в штатском. По бокам его толпятся полицейские. У выхода из комнаты, расставив ноги, пасхальным херувимом улыбается часовой в полевой немецкой форме. На серо-зеленом сукне вермахта петлицы и знаки различия СС. Немца явно забавляет мой полет.

Приземистый господин обводит глазами комнату, и я невольно делаю то же. Задержанных человек пятнадцать. Три женщины. Кое-кого я видел раньше, на перроне вокзала, откуда несколько минут назад меня привели под конвоем в эту комнату, не сказав за что и не слушая протестов.

— Я инспектор Готье, — говорит господин негромко и миролюбиво. — Сейчас вы подойдете к этому столу и положите документы. Без шума и вопросов. Подходите слева.

...Все началось с того, что полиция внезапно оцепила перрон. Я ждал поезда и думал о Жоликере и прозевал момент, когда ажаны закупорили входы и выходы, что в принципе не меняло дела, ибо все равно никто не дал бы мне улизнуть. Если уже привыкшие к облавам и внезапным проверкам французы не успели наострить лыжи, то что можно требовать от зеленого новичка?

Ажаны были настойчивы, но вежливы. Специалист по блуждающим почкам, чьи удары в крестец мешают мне сейчас разогнуться, на перроне держался вполне порядочно. Судя по возрасту и умению понимать обстановку, он профессионал с довоенным стажем, а не энтузиаст из набора Дарнана. Первый подзатыльник я получил от него не раньше чем дверь отгородила нас

от зала ожидания и сочувственных взглядов железнодорожников. Дарнановец, по-моему, ни за что не стал бы ждать так долго.

— Я иностранец, — сказал я с наивным возмущением. — Я еду в Берлин!

Полицейский нехотя толкнул меня к стене.

— Руки на затылок. И заткните пасть.

Задержанных вводили по одному и группами и расставляли вдоль стены. Странно, но никто не протестовал и даже, кажется, не был особенно испуган. Моим соседом справа оказался узкоплечий субъект в синей курточке ведомства почт и телеграфа, разительно напоминающий пеликана. Огромный нос Пеликана нервно раздувался.

— Чего от нас хотят? — шепнул я.

— Тсс... Тише...

— Но мы...

— Наберитесь терпения.

В своем классе Пеликан, наверно, был первым подкащиком. Шепот его угасает где-то у самых губ, не давая ажану возможности придраться.

Инспектор Готье отходит к столу.

— Начали!

Задержанные по одному отделяются от стен, кладут документы и возвращаются на место. Готье подравнивает стопку, следя, чтобы ни один листок не соскользнул на пол. Херувим у двери мечтательно вперился в юную девушку, почти подростка, ежащуюся как на ветру. Поднятые руки девушки натягивают платье на маленькой груди, открывают выше колен полудетские ноги, и немец со вкусом раздевает ее глазами.

Делаю шаг и, ломая очередь, оказываюсь перед инспектором. Ажан хватает меня за рукав, но Готье делает знак.

— Отпустите его. — И ко мне: — Почему вы нарушаете порядок?

— Инспектор! — говорю я горячо. — Разве полиция и произвол одно и то же? Я иностранец, мои документы в порядке, но никто не выслушал меня, а сержант оскорбил действием! И это Франция?!

— Ваш паспорт?

— Вот он!

— Очень хорошо.

Готье, не раскрывая, кладет мой паспорт поверх остальных.

— Где вас задержали?

— Я ждал поезда.

— Другие тоже.

— Я ничего не совершил.

— Эти же слова скажет любой.

— За что же в таком случае нас задержали?

— Прошу вас, говорите только о себе. Вы лично доставлены сюда для проверки документов.

— Так проверяйте же, черт возьми!

— Вы, кажется, приказываете мне?

— Я подам на вас жалобу, инспектор.

Готье подравнивает стопку документов, добиваясь педантичной прямизны.

— Дайте ему кто-нибудь стул и посадите отдельно... Внимание, все! Сегодня экстремистами убит шарфюрер СС. Труп обнаружили под мостом, и, естественно, в первую голову проверяются лица, стремящиеся покинуть город. Надеюсь, всем понятно? Сейчас придут машины, и вы поедете в комендатуру. Там с вами побеседуют, с каждым в отдельности... При посадке ведите себя смирно — нам приказано применять оружие при попытках к бегству... Где стул для месье?

Поезд, конечно, уйдет без меня. Когда будет следующий? В комендатуре надо требовать немедленного освобождения. В Монтрё я приехал, чтобы справиться о местных ценах. Каких и на что, надо додумать по дороге. При осложнении прибегну к защите консула. Кроме него у меня в запасе берлинский телефон фон Кольвица и месье Каншона...

С ноющей спиной, но почти спокойный иду к машине. Нас выводят через пустой зал и быстро затапливают в кузов крытого «бенца». Не успеваю я глазом моргнуть, как машина, стуча мотором, ныряет влево, и в проеме поверх голов возникают и скрываются башенки собора. У заднего борта на корточках, с автоматами на изготовку, угрожающе безмолвствуют два солдата СС. Сесть не на что, и мы стоим, цепляясь друг за друга, чтобы не упасть на поворотах. От толчка хватаюсь за что-то живое и теплое; тут же выпускаю и вновь хватаюсь, скользя ладонью по мокрой, мягкой коже. Это щека, и принадлежит она девушке, притиснутой ко мне тяжелыми телами.

— Вы плачете? — говорю я. — Не надо, все обойдется... Сейчас достану платок...

— Еще чего!

— Обопритесь на меня.

— Заткнись! — девушка высовывает язык. — Толстая крыса!

На что еще может рассчитывать субъект, толкующий с инспектором как с равным? Иностранец такого сорта, вполне очевидно, союзник бошей и пусть не лезет со своим сопливым платком! Так или примерно так я перевожу ответ девушки и не пытаюсь продолжать разговор.

Машина сворачивает в распахнутые железные ворота и тормозит.

— Всем выйти! Поживее!

Едва успеваю соскочить, как новая команда:

— Руки назад! Не оглядываться!

Секунда — и мы в коридоре, узком и слабо освещенном. Все делается быстро, в темпе, противопоказанном для полноты и возраста коммерсанта Слави Багрянова.

— Мужчинам снять пиджаки и обувь, сложить у стены. Вывернуть карманы брюк. Не копаться!

Французских полицейских не видно. Нет и инспектора Готье. Солдаты СС и один унтер-офицер в звании гауптшарфюрера. Свертываю пиджак подкладкой вверх; цепляя носками за задники, стаскиваю туфли. Приготовления вселяют в меня тревогу: что-то не похоже на ритуал, предшествующий проверке документов... Дорого бы дал я, чтобы оказаться сейчас в Париже. Даже в обществе несносного месье Каншона.

— Господин офицер! Разрешите вопрос?

— Кто это сказал? Шаг вперед!

Выхожу из шеренги. Гауптшарфюрер — руки в перчатках — держит стопку документов. Белый чубчик выползает из-под пилотки... Перехожу на немецкий и произношу приготовленную фразу о своем подданстве, непричастности к происшествию и желании быть представленным коменданту.

Гауптшарфюрер мерит меня взглядом.

— Вы с ума сошли! Это не комендатура, гестапо! Почему вы молчали на вокзале? Кто вас задержал? Где документы?

Слишком много вопросов, и отвечаю только на основной:

— У вас. Взгляните, пожалуйста, на мой паспорт. Слави Николов Багрянов...

— Отойдите в сторону! Без вещей! Все по камерам! Коридор пустеет. Последней выводят девушку и носатого Пеликана. Худенькие руки девушки сложены на спине, как крылья.

— А вы ждите...

— Разрешите одеться?

— Успеете. Я должен доложить. Багрянов? Поляк?

— Болгарский промышленник. Мы союзники, господин офицер.

— Ладно, одевайтесь, но не садитесь. Это запрещено.

Мог бы и не предупреждать: в коридоре нет ни стула, ни скамьи. Стою у стены, словно приговоренный к расстрелу. Не хватает только взвода и повязки на глаза. Подумав об этом, я мысленно сплевываю: тьфу, тьфу, как бы не напророчить...

В коридоре три двери. Войлочная обивка украшена изящными медными кнопками. Пол лоснится, натертый до немыслимого блеска, и густо пахнет мастикой. Сияют бронзовые ручки — львиные морды в оскале. Благопристойная тишина.

Как я очутился в Монтрё? Каким поездом? В расписании на вокзале я прочел, что с утра через Монтрё должны были пройти почтовый и два местных — до Санса. Но я не уверен, что расписание соблюдается, как закон, а любая ошибка ценится на вес моей головы. Если б только я догадался расспросить железнодорожников! Нет, перекрестного вопроса мне не выдержать. Сотни «что» и десятки «почему» и «зачем» камня на камне не оставят от попыток солгать. Что же выбрать? Молчание?

Дверь приоткрывается, и гауптшарфюрер манит меня согнутым пальцем.

— Заходите!

Одергиваю пиджак и вхожу.

Кабинет просторен и прохладен. На столе жужжит вентилятор, он колышет светлые волосы угловатой личности, безмолвно взирающей на меня из глубины кресла. Моя улыбка, надетая еще в коридоре, не производит впечатления. Короткое движение подбородком

можно истолковать как приветствие и как приглашение сесть. Чисто выговаривая слова, личность произносит по-французски:

— Криминаль-ассистент и оберштурмфюрер Лейбниц готов выслушать вас. Изложите вашу жалобу. Вы ведь жалуетесь, не так ли?

Отвечаю на немецком и улыбаюсь.

— Теперь нет. Я понимаю, что это значит — выполнять долг.

Лейбниц тянется через стол, выключает вентилятор и снова кивает.

— Вы протестуете или нет?

— О? Сознаюсь, полицейские погорячились.

— Вы сказали им об этом?

— Сразу же, как только имел честь познакомиться с инспектором Готье. Но... мне не хотелось бы, чтобы у инспектора были неприятности.

Криминаль-ассистент кивает в третий раз.

— Отлично! Но я так и не услышал, зачем вам потребовался комендант. Все это вы могли изложить и гауптшарфюреру.

«Ну и скотина, — думаю я, все еще улыбаясь. — Привыкай, Слави».

Развожу руками.

— Вы совершенно правы. Недоразумение не так значительно, чтобы вмешивать высшие инстанции. Теперь, когда все позади, не смею обременять вас своим присутствием. Как вы полагаете, я успею на дневной поезд?

Кажется, Слави Багрянов, коммерсант и друг империи, выбрал верный тон. Немец поворачивается к гауптшарфюреру.

— Где Готье, Отто?

— Был в канцелярии.

— Позови его, если он не уехал. И пусть захватит свой список.

Лезу за сигаретами. Долго и обстоятельно разминаю «софийку». Лейбниц предостерегающе поднимает палец.

— Я не разрешал вам курить.

— Разве я арестован?

— Все несколько хуже, чем вы представляете.

— Простите!

— Условимся: сейчас говорю я... Так вот, все не то

и не так. Вы не задержаны и не арестованы. Вы заложник. Один из пятнадцати. И только.

— Я?!

Сигарета падает на пол.

— Сегодня утром убит шарфюрер СС. Хороший, старый солдат, заработавший право на работу во Франции бессрочной и доблестной службой на Востоке. Убийца не найден. Скверное дело: уберечься от пули русского партизана и пасть здесь, в тылу, под ножом бандита. Согласны? Так вот, повторяю, как видите, все не то и не так. Мне приказано взять пятнадцать заложников, и я взял их. Если в течение суток убийца не отдаст себя в руки германских властей, заложники будут казнены. Все!

— Это неслыханно!

— Не надо слов. Где вы застряли, Отто?

Гауптшарфюрер задыхается от быстрой ходьбы. Кладет на стол папку.

— Готье уехал.

— Обойдемся без него. Он завизировал свой список?.

— Конечно.

Из кожаного футляра извлекаются тонкие, без оправы, очки. Две странички, соединенные скрепкой, голубеют на столе. Отмеряя строчки ногтем, Лейбниц бормочет:

— Багрянов? Значит, на «б»... Номер три — Бартолемью Арнольд, портной... Фамилия иудейская. Проверь, Отто!

Гауптшарфюрер кивает.

— Номер девять — Бижу Гастон-Серж-Апполинер, почтовый служащий, пятьдесят два года...

«Пеликан?! Бедный, бедный Пеликан!»

— Одиннадцатый — Багрянов Слави-Николь. Очевидно, вы?.. Итак, посмотрим. Без подданства, без места жительства, без определенных занятий... Тут говорится о каком-то бродяге. Это вы?

— Я не бродяга. Мой паспорт у вас!

Я почти кричу, и Лейбниц хмурит лоб.

— Тихо! Не ссылайтесь на паспорт. Чему я должен верить: списку, составленному чиновником полиции, или фальшивым бумажкам, которые ты купил на «черном рынке»? Ну, отвечай!

— Я гражданин Болгарии и подданный его величества царя Бориса Третьего...

— Здесь нет граждан. Запомни. В этом кабинете бывают мужчины и женщины, но не граждане. Обыщи его, Отто, и отправь в камеру.

Я встаю. Терять мне нечего.

— Это убийство! Грязное убийство! Вы великолепно знаете, что я болгарин, и лицемерите, боясь ответственности. Потом вы свалите мою смерть на Готье, а тот — на какого-нибудь сержанта. Это заговор: вам безразлично, кого убить, лишь бы было пятнадцать и счет сошелся!

Гауптшарфюрер тащит меня к двери. Я сильнее и вырываюсь.

— Меня знают в Берлине. В министерстве экономики и самом РСХА! Позвоните оберфюреру фон Кольвицу, семь-шестнадцать-сорок три...

Рука в перчатке зажимает мне рот, но я и так сказал уже все, что требовалось. Даю гауптшарфюреру возможность дотащить меня до двери.

— Минутку, Отто.

«Неужели передумал?»

Остановка.

— Что у него в кармане? Ну-ка, обыщи его!

Не сопротивляюсь. Бесполезно. Носовой платок, деньги, бумажник, ключ от фибрового чудовища и роман Уоллеса перекачевывают на стол. Лейбниц заинтересованно перелистывает книгу.

— Эдгар Уоллес... Англичанин или янки? Послушайте, Багрянов, вы не очень огорчитесь, если я позаимствую ваш роман? Я дежурю до следующего утра. Не беспокойтесь, его потом уложат в ваши вещи. Отто подтвердит, какой я аккуратный читатель. Никогда не загибаю страницы и не слюнявлю пальцев.

— О да! Лейбниц исключительно аккуратен, — говорит Отто.

9

В бледный квадрат зарешеченного окна заглядывает желтый серп. Он торчит перед глазами, холодный и неживой, связанный с живыми непрочными нитями отраженного света. В виде почетного исключения Отто поместил меня в одиночку и распорядился выдать одея-

ло. Я попросил сигареты, и гауптшарфюрер вернул мне «софийки», сказав, что о спичках я должен позаботиться сам. Первый же надзиратель, услышав просьбу дать огня, пообещал переломать мне кости, если я вздумаю стучать еще раз и отвлекать его от дела. Это были не пустые слова — всю ночь из камер справа и слева доносились стоны, а под утро кто-то кричал так страшно и дико, что я вскочил с койки и замер, придавленный чужим непереносимым страданием. Мужчина — судя по голосу, молодой и сильный — звал мать, и этот крик «мама», перешедший в вопль, заставил меня содрогнуться. Что нужно делать с человеком, чтобы он так кричал?

С полуночи часов до трех я зябко спал, исчерпав весь запас надежд. Бродяга Багрянов, стоявший вне закона, не мог прибегнуть к защите извне, а логика и аргументы, вполне очевидно, были отброшены Лейбницем как философская шелуха.

Так бездарно дать арестовать себя! Без улик, даже без подозрений, а единственно в силу случайности, одной из тех, которых до недавнего времени Слави Багрянов ухитрялся избегать. Отвлекаясь от этих рассуждений, я вспоминал Софию, «Трапезонд» и Марию с ее восхитительным кофе. Утром в конторе я всегда выпивал две большие чашки и целый день чувствовал себя богатырем... Дальше «Трапезонда» я запретил себе путешествовать в прошлое. До него было мертвое царство, пустыня в биографии Багрянова, поскольку Слави Николов Багрянов в моем облике возник в этом мире уже вполне взрослым человеком, каким-то образом миновавшим стадии детства, отрочества и юности. Вполне естественно, что такой странный индивид не имел ни семьи, ни друзей, ни определенных привычек... Ничего не имел.

Но это не значило, что Слави готов бесстрастно покинуть жизнь. Отсутствие прошлого не мешало ему быть во всем остальном вполне обычным человеком, крепко связанным с реальным бытием всякими там ниточками и веревочками. И он не хотел умирать.

Сидя на койке с ногами и завернувшись в одеяло, я перебирал мысли, как четки, постепенно приходя к выводу, что ни болгарский консул, ни магическое «шнип-шнап-шнуре» мне не помогут. До консула Слави не докричаться, а заветные слова теряют силу за пре-

делами детства. Все мы — девочка, назвавшая меня крысой, почтовый Пеликан, остальные двенадцать и я — были обречены.

Мне не раз задавали вопрос: боюсь ли я смерти? Чаще я отшучивался, иногда злился, но никогда не отвечал «нет». Лгу я только по необходимости, а не из желания пофанфаронить и набить себе цену. И бывает, наживаю неприятности из-за своего языка. Или правильнее будет при данных обстоятельствах говорить «бывало»?

Утром нас повесят или расстреляют. Как выразился Лейбниц, жизнь «старого солдата» оценена в пятнадцать других. Насильник и бандит, «старый солдат», отдавая богу душу, не удовольствовался кровью, лежащей на его совести. Ему понадобилось прихватить с собой тех, кто вдесятеро, нет, в тысячу раз достойнее его и в этом мире не подали бы ему руки. Воистину мертвый хватает живого! Сколько миллионов людей отправит в могилы, рвы и печи крематориев нацизм, прежде чем засмердит сам, уничтоженный человечеством?

Нет, Слави Багрянов должен выйти из гестапо! Должен! Иначе «старые солдаты» на час или на минуту дольше будут разгуливать по земле и, подыхая, тащить за собой целые народы и нации.

Лицо Лейбница, покачиваясь, формируется из мрака — лицо калькулятора смерти, аккуратного читателя книг. Невыразительное лицо. Кем он был в прошлом? Чиновником? Полицейским? Служащим фирмы? Вопросы не праздные, ибо каждая профессия накладывает отпечаток на человека и его психологию, а мне необходимо безошибочно и точно провести с криминаль-ассистентом еще один, последний, разговор... К сожалению, Лейбниц так безлик, что я ничего не могу угадать. Четкий, прилежный механизм, не загибающий углов и не сгибающий пальцы. Это единственное, что я знаю достоверно. Остальное не дает зацепок.

Итак, аккуратность и прилежность, сочетаемые с идеальной дисциплинированностью. Приказано пятнадцать — будет пятнадцать, даже если один представляет дружественное государство.

Аккуратность... Оказывается, я все время помню о ней, и не только потому, что Отто выделил это слово интонацией. Просто как качество, само по себе незна-

чительное, оно обязательно должно стоять в ряду других, родственных, среди которых найдется место и исполнительности. Хотел бы я знать, есть ли в инструкциях гестапо пункт о том, что заявления заключенных должны регистрироваться и подвергаться проверке? И если есть, то хватит ли у Лейбница исполнительности, чтобы последовать ему? До, а не после моей смерти, разумеется!

«Пора, Слави!»

Сбрасываю одеяло и, подойдя к двери, решительно стучу. «Кормушка» отваливается, и в квадрате возникает форменная бляха на поясе надзирателя. Говорю быстро и отчетливо:

— Чрезвычайное заявление! Я хочу сделать признание господину Лейбницу! Немедленно!

Бляха не трогается с места.

— Заявишь утром!

— Я заложник. Утром меня казнят. Скажите господину Лейбницу, что мне известно такое... Он будет в восторге!

Ответа нет. «Кормушка» захлопывается, и я, прикинув к двери ухом, тщетно пытаюсь уловить звуки удаляющихся шагов. Похоже, надзиратель и не трогается с места. Стучу еще раз, кричу:

— Слушайте, в пять тридцать склад будет взорван! Ровно в пять тридцать!

Свет. Оглушительная затрещина. Вопрос:

— Что ты сказал?

Губы у меня разбиты, но я стараюсь, чтобы каждое слово колом засело в ушах надзирателя. Получаю еще одну затрещину и молниеносно преодолеваю довольно длинный коридор — надзиратель здоров, как бык, и справляется с моим весом почти шутя...

Знакомая дверь с медными пуговичками. Костяшки пальцев скребут ее, становясь учтивыми и мягкими. Лейбниц отрывается от книжки и смотрит на нас, заложив страницу пальцем.

— В чем дело, эсэсман?

Грохот каблуков. Рапорт:

— Этот тип заявил, что в пять тридцать взорвут склад! Сейчас три с минутами, оберштурмфюрер.

Лейбниц механически отворачивает манжету и, бего глянув на часы, прикусывает губу. Смотрит на меня.

— Признаться... вы меня удивляете, Багрянов.

— Обещайте мне жизнь...

— Хорошо, хорошо... Вот что — пришлите сюда Отто и протоколиста. И живо!

Выйдя из-за стола, Лейбниц подталкивает меня к стулу.

— Садитесь. О каком складе речь? В Монтрё полным-полно складов. Вы что — язык прикусили?

Он прав. Я действительно прикусываю язык. В прямом и переносном смысле. Монтрё для меня — белое пятно на карте: где какая улица, площадь, переулок? Где склады?

— Я все скажу, — бормочу я и облегченно вздыхаю: в комнату входят Отто и ефрейтор с заспанным лицом — протоколист. — Вы не опоздаете...

Протоколист бесшумно пристраивается у стола. Зевает, показывая острые куньи зубы.

— Я записываю, оберштурмфюрер?

Лейбниц раздраженно кивает.

— Конечно.

— Тогда спросите его, пожалуйста, об анкетных данных. Для протокола. Я пока отмечу время — три семнадцать, второе августа тысяча девятьсот сорок второго. Допрос ведет криминаль-ассистент Лейбниц при участии гауптшарфюрера Мастерса. Так?

Лейбниц присаживается на край стола.

— Имя, фамилия, место и время рождения, адрес? Отвечайте точно и без задержки. Вы поняли?

— Да... Я Багрянов Слави Николов, родившийся в Бредово, Болгария, шестого января тысяча девятьсот седьмого года от состоявших в церковном браке Николы Багрянова Петрова и Анны Стойновой Георгиевой. Проживаю в Софии по улице Графа Игнатиева, пятнадцать. Подданный его величества царя Бориса Третьего. Холост. По профессии — торговец, владелец фирмы «Трапезонд» — София, Болгария.

Протоколист скрипит пером. Спрашивает:

— «Трапезонд» — через «е» или «и»?

— Через «е».

Лейбниц щелкает пальцами.

— Записал? Отметь: признание принято криминаль-ассистентом Лейбницем. Ну, рассказывайте.

Дело идет на лад. Но теперь мне не нужны свидетели. Изображаю крайний страх и говорю, запинаясь:

— Умоляю... выслушайте меня наедине... Я скажу все и быстро.. Вы же обещали мне жизнь!.. Маки, если дознаются о нашем разговоре, убьют меня... Протокол — улика!..

Лейбниц морщится:

— Чепуха! Поторопи свой язык!

— Не могу, — настаиваю я. И напоминаю: — Через двадцать минут будет поздно. Вы не успеете...

Сообразив, очевидно, что так оно и есть, Лейбниц сдается.

— Отто! Жди в канцелярии и приготовь дежурный взвод. Пусть строится во дворе у машин.

Протоколист зевает.

— А что делать с этим?

— Зарегистрируй и впиши в журнал, что арестованный дал показания лично мне. Понял: лично!

О жажда лавров! Скольких она погубила и скольких погубит еще, прежде чем исчезнуть в числе отмирающих качеств! Лейбницу предстоит поплатиться разом за чрезмерное желание отличиться и врожденную аккуратность. Надо только потянуть минуты две-три, пока протоколист регистрирует документы положенным образом и увековечит факт пребывания болгарского подданного в отделении гестапо Монтрё. Болгарского подданного, а не бродяги...

А теперь — по существу... Я достаю сигареты и вопросительно смотрю на Лейбница.

— Ну, что еще?

— Огня, — кротко говорю я. — Я так волнуюсь...

Лейбниц шелкает зажигалкой.

— Начинайте. Что вы там болтали о складе и связях с маки?

— О связях? Пока ничего. Но могу начать с них.

Делаю паузу и говорю намеренно безразлично, словно в пространство:

— Пожалуй, пора... Как вы считаете, протоколист уже сделал записи? Наверно, нет... Подождем? — Наслаждаюсь бешенством в глазах Лейбница и продолжаю: — Итак, о связях... Наберитесь терпения, я начну издали... И не тянитесь, пожалуйста, к кнопке — звонок кончится для вас печально, Лейбниц... Ну, оставьте звонок в покое!

— Ты!..

Лейбниц спрыгивает со стола и... соображает.

— Поздно, — говорю я и глубоко затягиваюсь сигаретой. — Поздно, Лейбниц. Протоколист ни за какие блага на свете не порвет документ. За это его отправят так далеко, откуда редко кто возвращается. Надо было думать раньше, есть ли разница между безвестным бродягой и гражданином союзного государства. Вряд ли теперь вам удастся спихнуть дело на Готье, а это пахнет для вас не штрафной ротой, а кое-чем похуже. Не верите? — Встаю и подхожу к Лейбницу вплотную. — За такую неловкость, как расстрел богатого болгарина, едущего в Берлин, чтобы предложить германскому солдату хлеб в его рацион, — за эту маленькую глупость рейхсфюрер СС вздернет тебя здесь же на самом надежном пеньковом галстуке. Понял, Лейбниц?

Чистенькие щечки вызывают у меня непреодолимое желание вернуть Лейбницу все пощечины, полученные от гестапо в кредит. Ах, как не хочется быть вежливым! Делаю пару глубоких затяжек и, любуясь дымом, говорю:

— Впрочем, готов допустить, что болгарский посол не пользуется в Берлине достаточным авторитетом. Не берусь также гарантировать, что оберфюрер фон Кольвиц ринется разыскивать Багрянова — одним славянином больше, одним меньше, какая в принципе разница? Допускаю, наконец, крамольную мысль, что даже МИД Болгарии не пошевелит пальцем, чтобы защитить меня. Меняет дело? О нет...

Старое мудрое правило: выдай сомнения оппонента за свои собственные и опровергни их. В любом приличном учебнике логики есть куча примеров — от древних времен до наших дней. Мой мог бы стать не самым худшим.

Лейбниц, белый от ненависти, тихо качает головой.

— Ты... Знаешь, что я с тобой сделаю за это?.. Не знаешь?..

«А он не трус, — говорю я себе. — И, по-моему, садист. Какие выцветшие глаза! Но не осел же!»

Страхиваю пепел на пол и продолжаю:

— Остается одна мелочь, не взятая вами в расчет. Итальянский консул в Париже. Позвоните ему и убедитесь, что он ждал меня вчера и, если я не появлюсь завтра, затрезвонит во все колокола. Вы ведь, естественно, не знали, что в Риме я подписал кучу контрактов, очень выгодных для итальянской стороны?

Надо во что бы то ни стало втянуть Лейбница в разговор. Иначе все осложнится. Ненависть заглушит страх, а мелочное чиновничье упрямство станет преградой на пути к жизни и свободе.

— Знаете что, — говорю я просто, — я не мастер угрожать. В последнее время страх в разной форме и пропорциях стал господствующим чувством в Европе... Я сказал вам правду и о консуле и о контрактах. Попробуйте сообразить, что это так. Допустите также, что кроме министерства экономики и болгарского МИДа о моей поездке знают по меньшей мере трое влиятельных лиц. Один из них — доктор Отто Делиус, атташе в Софии, выполняющий специальные обязанности; другой — Альберто Фожолли, мой друг и член Высшего фашистского совета; третья — женщина, чье имя вам ничего не скажет, но чей вес при итальянском дворе огромен. Она моя любовница... Вот так, господин Лейбниц. У вас нет вопросов?

Лейбниц дотрагивается до виска.

— Только один: вы сумасшедший?

— Позвоните в Париж. Итальянский консул будет отличным экспертом... Или фон Кольвицу, телефон — Берлин, семь-шестнадцать-сорок три... Сейчас вы слушаете меня и говорите себе: этот человек борется за жизнь и все лжет. Но попробуйте взглянуть на дело иначе, и тогда вы скажете: этот болгарский торговец хочет жить, страх смерти обострил его ум и память; надо прислушаться к его доводам и, если он прав, потушить пожар в самом начале. Пока не поздно!

Щеки Лейбница розовеют. Кажется, он понял.

— Взвод ждет, — говорю я.

Лейбниц трет лоб.

— Ну и шутку сыграли вы со мной... А мина, а маки?

— Чистейшая ложь. Поймите: у меня не было иного способа быть выслушанным до конца. Вы позвоните в Париж итальянскому консулу?

Лейбниц колеблется — мгновение, не дольше. Тянет-ся к трубке.

— Отто? Распустите людей... Да! И заготовьте пропуск Багрянову — он едет на вокзал.

Сердце у меня останавливается, а комната тает, расплываясь и становясь безграничным полем... Снег... Белая, туманная пелена... Слави Багрянов всегда жа-

ловался на слабое сердце, но то, что нервы у него как у институтки, это для меня, признаюсь, настоящее открытие.

10

— Приближаемся к границе. Приготовьте документы, господа!

Проводник — бригада немецкая — не торопясь шествует от купе к купе. На секунду задерживается в дверях и весело притрагивается к козырьку фуражки.

— Господа могут полюбоваться бывшей границей.

Лейтенант люфтваффе восторженно прилипает к оконному стеклу.

— Господин майор, господа, смотрите!

— Сядьте, Гюнтер.

— Но, господин майор...

Папаша и сынок. Едут домой в отпуск, но ведут себя как в строю. Господин майор считает долгом одергивать и воспитывать господина лейтенанта, подавая пример корректного поведения. Оба донельзя приличны: поужинав на салфеточке, убирают остатки в вощечные бумажки, не оставляя после себя ни крошки на столе. Лейтенант, перед тем как закурить, спрашивает разрешения и обращается к отцу в гретьем лице. Он юн и переполнен впечатлениями. В Париже спал со всеми уличными девками подряд, нажил «гусарский насморк», вылечился и теперь горит желанием дополнить список побед соотечественницами. Обо всем этом я узнал, когда господин майор пребывал в туалете: дорога и манящие перспективы делают лейтенанта общительным.

— Осмелюсь заметить, — вмешиваюсь я, угадывая желание лейтенанта. — Зрелище границ поверженного противника...

— Может дурно повлиять на дух офицера!

— То есть?

— Думают не о прошлом, а о будущем.

Глубокая мысль. Но как ее понимать? Майор не уверен в победе или, напротив, убежден, что немцам предстоит стереть с карт немало других границ?.. Глаза майора полуприкрыты тяжелыми веками; жесткая щеточка усов тщательно выровнена; два ряда ленточек над клапаном кармана. Старый отставник, призванный

фюрером под знамена. Хотя мы сидим друг против друга, нас разделяет пропасть, точнее, то, что французы именуют «дистенгэ». Словечко емкое и труднопереводимое. В нем — разница в социальном положении, намек на личное превосходство одного и недостатки другого и капелька вежливого презрения. Короче, «дистенгэ»!

Границы нет, но кордоны сохранились. Солдаты в боевых шлемах стоят у шлагбаума. На полуразрушенных укреплениях растет трава — длинная и сочная. Такая обычно бывает на кладбищах, на заброшенных могилах; тлеющие останки питают ее, доказывая, что жизнь неистребима. В тридцать девятом здесь около недели шли бои.

Солдаты не утруждают себя досмотром багажа. Мои отпускники везут в родной фатерланд столько барахла, что на перетряхивание ушла бы целая неделя. Естественно, что и фибровое чудовище (его я забрал в Париже из камеры хранения) не устаивается внимания. Тонкие перчатки взлетают к козырькам: «Можете пока погулять. Но не отходите далеко...» Майор принимает предложение сына выйти и размяться. Наблюдаю в окно, как они размахивают руками и приседают по системе Мюллера. Нет, эти не сомневаются ни в чем. Для лейтенанта война — короткий марш во Францию и сладкие победы над бульварными шлюхами; для папши — хорошее белье, фарфор, двойное жалованье и ценности, захваченные у побежденных.

Редкий случай: когда Слави Багрянов, пользуясь отсутствием посторонних, позволяет себе думать о том, о чем хочет. Мысли человека и его лицо слишком тесно связаны, а физиономия Слави — незамутненное зеркало его простодушной и преданной интересам коммерции души. Война и политика существуют для таких, как он, только в одном аспекте — деловом... К приходу немцев у меня беспечный вид и огромный бутерброд в руках. Ветчина, смазанная пфальцской горчицей, на пышном ломте хлеба — что может быть более изумительным?

От границы идем по расписанию, часто и ненадолго останавливаясь у беленьких вокзальчиков. Они однолики, словно яйца от одной курицы, и различаются надписями на вывесках. Не сразу привыкаю к готическому шрифту и солдатским шеренгам кустарника по краям

платформ. Порядок и аккуратность. Аккуратность и порядок.

Майор и лейтенант спят, расстегнув воротнички и приспустив форменные галстуки. У майора даже во сне значительное и важное лицо. Как ему это удается?

Спать сидя я не умею. Приваливаюсь к жестковатой коленкоровой спинке и пытаюсь дремать. Пасмурно. Собирается дождь. Ненавижу мелкий дождь.

В Париже я пробыл не дольше трех часов. На вокзальной почте получил конверт до востребования, оставленный обязательным Гастоном, достал из него квитанцию на чемодан, купил билет — и оревуар, Пари! При этом меня все время сопровождало противное ощущение, что месье Каншон вертится где-то рядом на перроне, надзирая за моим отбытием. Это была, разумеется, игра воображения; я точно знал, что Каншон не посмеет показаться на глаза, но тем не менее чувствовал я себя прескверно. После Монтрё и одиночки мне изменяет выдержка.

Лейбниц тогда сам отвез меня на вокзал в дежурной машине. Сознание вины делало его неловким; к обычной угловатости прибавилась резкость жестов.

— Надеюсь, вы не опоздаете в Берлин...

— Как вам мой Уоллес?

— В Париже побывайте в пассаже...

— Ночь, а тепло...

Совершенно необязательные фразы, лишенные настоящего смысла. Мы обменивались ими до прихода поезда. Испытывая облегчение, я поднялся на подножку.

— Счастливого пути!

— Прощайте. Не подаю руки — занята.

— Я понимаю.

Представляю, с каким наслаждением он поставил бы меня к стенке!

В Париже я накупил газет; холодными руками раскрывал их, ища сообщения из Монтрё. Ни слова. Длинные статьи военных обозревателей. Объявления магазинов. Колонки пустой чепухи... Гадалка мадам Паскье извещает, что изменила часы приема... Четырнадцать человек ждут казни — и ни строчки непарели. Руки девочки, сложенные за спиной, как крылья; я не забуду этого до конца дней...

В голове — каша из событий, слов и воспоминаний. В Монтрё, уже на вокзале меня прошиб озноб. Что было бы, если бы Лейбниц связался с итальянским консульством о моем исчезновении? Звонил ли в Париж Тропанезе? Потом возникла Дина и протянула мне руку для поцелуя. Я успокоился: ОВРА — не самая незначительная шестерня в государственном механизме Италии, а Дина помимо служебного интереса, кажется, испытывает ко мне и обычное человеческое расположение.

...Начинается дождь, углубляя сон моих попутчиков. У лейтенанта лицо спящего младенца. Этот еще не убийца, но станет им. «Гитлерюгенд», школа и истинно нацистское семейное воспитание сделали из него надежного солдата фюрера. Поменяйся с ним Лейбниц местами — и девочка с руками-крыльями не обрела бы надежды на спасение. Он придет домой и будет хвастать перед родными своей формой и своей силой; через год горничная и служанка из соседней лавки родят «детей фюрера», а лейтенант, научившись убивать, без содрогания сбросит бомбу на головы негерманских младенцев и напишет сентиментальное письмо невесте с клятвами в любви. «Германия, Германия, ты превыше всего!...»

Во Франкфурт въезжаем ночью. Город затемнен; стекла в окнах вокзала заклеены бинтами. Высокий чин майора охраняет наше купе от вторжения солдат, ищущих свободного местечка. С грохотом рванув дверь и галдя, они цепенеют на пороге, захлопывают рты и на цыпочках пятятся в коридор. Лейтенант причмокивает во сне и складывает губы колечком.

Дождь испещряет окно потеками и разводами. Говорят, дождь — отличная примета, сулящая легкую дорогу. Я лично этому не верю: после фон Кольвица и допроса в триестском отделении ОВРА приметы отнесены мной в разряд вредных предрассудков. Кроме того, перед Берлином не стоит настраиваться на благодушный лад.

Так уже было однажды — я расслабился, поверил в везение и поплатился за это. Паспорт Багрянова и «Трапезонд», приобретенные без затруднений, сделали меня неосмотрительным. Не проведя разведки, я ринулся за визой в швейцарское посольство в Софии и наварлся на Генри.

О, какой убийственно долгой была пауза после того, как Генри сообразил, что Багрянов и я, очевидно, одно лицо!.. Два года назад он работал в швейцарском отделении Бюро путешествий Кука и несколько раз оформлял мне билеты. Он был расторопен, пунктуален, и я предпочитал его другим агентам и посредникам этого бюро.

Медлить было нельзя, и я быстренько свалил вину на служителя, проводившего меня в кабинет и отрекомендовавшего «господином Багряновым».

— Какая встреча, Генри!.. Глазам не верю!.. Вот будет огорчен Слави — я бы познакомил вас и, уверен, сдружил бы!

— Слави? Это кто? Твой приятель?

— Не совсем. Я представляю персону Багрянова в качестве частного поверенного...

Объяснение было не из лучших, но другого у меня не нашлось. Слава богу, в анкете еще отсутствовала фотография, и Генри, кисло улыбаясь, уделил несколько минут мне и воспоминаниям о Женеве. Я сидел как на иголках,пил кюммель и прикидывал, сообщит ли Генри в полицию после того, как я уберусь, или удовольствуется полученным разъяснением.

Неделю спустя, убедившись, что полиция не крутится вокруг конторы, я позвонил Генри и огорчил его известием о внезапной болезни Багрянова. В эту минуту в моем кармане лежал билет на Симплон — Восток... Опасная вещь благодущие.

...Под утро будим гудком носильщиков на нюрнбергском вокзале, полчаса стоим, меняя паровоз, и, сопровождаемые безостановочным дождем, начинаем отмерять километры колеи, идущей через Лейпциг к Берлину.

Лейпциг — последняя крупная станция на перегоне. Майор и лейтенант, суетясь, собирают многочисленные чемоданы, баулы, кофры, портпледы, несессеры, сумки и шляпные картонки. Из всех углублений и со всех секток извлекается и снимается тяжелое, надежно перевязанное и зачехленное добро. На каждой вещи ярлычок с четкой надписью: имя, звание, адрес. Носильщики едва справляются с этой грудой и завистливо поглядывают на господ. Лейтенант счастлив: на вокзале его встретила тощая белобрысая Гретхен в юбке выше коленей. Кроме нее на перроне переминаются с ноги на

ногу в нетерпении толстая седая дама, еще две — помоложе, хорошенький сорванец в форме «Гитлерюгенда» и толстяк в визитке. Семейство майора приветствует своего главу поднятием рук и «Хайль!» — сплоченная ячейка немецкого общества, единомышленная и единомыслящая.

Лейтенант на прощание искренне вздыхает:

— Счастливцев, едете в Берлин.

— Лейпциг тоже неплохо, — говорю я. — Тем более, когда встречает невеста...

— Да, но Берлин есть Берлин!

Поля. Дома. Поля. Дома... Чередование пятен, заштрихованных дождем. Черные мокрые шоссе, серые дороги. Опять поля. Опять дома. Монотонный дождь и монотонные картины... Слави едет по Германии и, не поручусь, что радуется своему путешествию. Жаль, что занимательный детектив уложен в чемодан, и глаза поневоле прикованы к окну. Поля... Дома... Шоссе...

Поезд, размеренно бренча железом, минует переезд. У барьера, открытая дождю, ждет забрызганная машина. В ее кузове женщины. Стоят, свесив руки вдоль бедер. Темные платья, промокшие до нитки, обтягивают угловатые тела. На головах серые платки и такого же цвета большие нашивки на груди. Провожают поезд взглядами и ежатся. Скорость мала, и я успеваю прочесть черные надписи на нашивках: «ОСТ»...

11

Из всех своих галстуков выбираю самый скромный. Коричневый с красной ниткой — намек на партийные цвета. Прикусив губу, пытаюсь завязать его нужным узлом, не слишком свободным, но и не маленьким. Все должно быть в меру, солидно и скромно. Волосы согласно моде зализываю щеткой на косой пробор; в манжеты рубашки вдеваю темные запонки. В последний раз рассматриваю себя в зеркало и, почти удовлетворенный, добавляю к аксессуарам туалета толстый перстень из дутого золота. Он ужасающе вульгарен и тем хорош. Любой мало-мальский сообразительный гестаповец, только глянув на него, определит, что Слави Багрянов неумен, тщеславен и лезет из кожи, вон, чтобы выглядеть богачом. Я же достаточно учтив и не хочу лишать господ из службы безопасности оснований

лишний раз почувствовать себя людьми, для которых нет тайн.

В двенадцать пятнадцать меня ждут в министерстве. Мой звонок туда немало удивил министриальдиригента доктора Гольдберга, до которого я вчера добрался не без труда, потревожив половину номеров министерского коммутатора... Слави Багрянов из Софии? По какому делу?.. Поставки пшеницы и табака? Это какая-то ошибка. Попробуйте обратиться в аппарат рейхслейтера Дарре *, возможно, там что-нибудь знают... Ах, письмо? Кем подписано?.. Увы, советник, давший вам ответ, переменял место службы...

И так далее и тому подобное. Словом, получается довольно удачно. Советник убыл на фронт и, надеюсь, убит, в министерстве никто толком не может ответить, и министриальдиригент Гольдберг должен в корректной форме послать меня ко всем чертям. Тем более что поставки табака и хлеба действительно относятся к Дарре и его штабу, посланцы которого наводняют Балканы.

Товарищ, организовавший письмо, знал, что делал. Дня два-три обескураженный Слави Багрянов еще потолкается в приемных, вырвет из своих редющих волос небольшую прядь и, подсчитав убытки от поездки, двинется назад через всю Европу не солоно хлебавши.

Не без труда настраиваюсь на скорбный лад. Одно за другим примеряю выражения. Разочарование. Последняя надежда. Отчаяние. Не рано ли? Останавливаюсь на озабоченности и, вздохнув, украшаю ею лик. Звоню горничной.

— Я уйду и буду вечером. Где и чем можно развлечься в Берлине?

Меня нисколько не интересуют развлечения, но горничная должна знать, что Багрянов проотсутствует целый день. В «хитром» отеле «Кайзергоф» действует правило проверять багаж постояльцев. Не по подозрению, а так, на всякий случай. Вчера я слишком быстро завершил обед, и знакомство с моим чемоданом было прервано на самом интересном месте. Вещи оказались сдвинутыми с мест, но пыль из карманов брюк, уложенных в самом низу, не перешла на брючины.

* Дарре — имперский партийный руководитель по вопросам сельского хозяйства в гитлеровской Германии.

Горничная кокетничает.

— Развлечения? Это зависит от вкуса.

— Я серый провинциал. И у меня нет дамы.

— Ни за что не поверю...

— А вы не согласитесь?

Пошленький спектакль, разыгрываемый большинством постояльцев. Девушка должна устать от него и возненавидеть постель. Отдаваться по обязанности, лгать, изображая внезапно вспыхнувшую непреодолимую страсть, а потом идти в гестапо и, боясь что-нибудь забыть или перепутать, писать подробное донесение — для этого нужно быть или стервой по призванию, или идейной нацисткой. Ей лет двадцать, не больше. В меру хороша собой, в меру глупа — с виду, конечно. Свежая шейка и подтянутая лифчиком грудь должны действовать на мужчин неотразимо; горничные в «Кайзергофе» подобраны тщательно и, согласно инструкции, обязаны разбирать кровати на ночь...

Девушку зовут Марика. Она не ломака.

— Я работаю до завтрашнего утра.

— Жаль. Признаться, я рассчитывал, что составите мне компанию. Выпьем вечером по чашке кофе?

— После одиннадцати. Раньше я не смогу.

— Идет... А пока принесите мне чистой и холодной воды. Вам кто-нибудь говорил, что вы прелестны, Марика?

Как ни испорчена женщина, она умеет быть благодарной за искреннюю похвалу себе. Приватные обязанности скорее всего превратили Марику в бесполое существо, но тем не менее она отвечает мне улыбкой признательности. Роясь в моих вещах, она будет помнить комплимент.

Марика меняет в графине воду и выскальзывает в коридор. Присаживаюсь в кресло и осматриваю комнату. Номер не из дорогих, мебели в нем немного. Спартанская обстановка, в которой тумбочка для телефона выглядит предметом роскоши. Тем лучше. Если я не профан, то все места, пригодные для тайников, Марика и ее коллеги по гестапо давным-давно взяли на учет. Чтобышний раз убедиться в этом, подхожу к панцирной кровати и, приподняв ее, снимаю с ножки резиновую галошку. Под галошкой — углубление... Хорошее хранилище. Слишком хорошее, чтобы им пользоваться.

Приятно соревноваться с неглупыми людьми. Думая об этом, я осторожно выдвигаю из-под кровати фибровое чудовище и монеткой отвинчиваю крепления наугольников. В пространстве под ними, в ватках, нахожу четыре камня. Четыре довольно крупных бриллианта, прекрасно ограненных и сверкающих всеми цветами радуги. Держу их на ладони, понимая, что передо мной — выдающийся образец ювелирного искусства.

Война. Она меняет значение ценностей. Для кого-то золото и камни становятся предметом безумного ажиотажа. Для других — оружием, приближающим победу. Я довез его до места назначения и должен передать в руки тех, кто ведет свой бой здесь, на самом переднем крае...

Завтра оружие будет передано... Завтра...

Бриллианты лежат на моей ладони — холодные камни с живой и теплой игрой. Осторожно ссыпаю их в графин и теряю из виду. У чистой воды и алмаза почти одинаковый коэффициент преломления — фокус, известный любому кристаллографу, но навряд ли знакомый прелестной Марике? Весь вопрос в том, не захочет ли она поменять воду? Нет, не должна. Уважающая себя горничная не станет дважды делать одну и ту же работу. Отливаю в раковину немного воды и прислушиваюсь, нет ли стука. Камни, невидимые взору, бесшумно скользят по дну. Все в порядке.

Возвращаю наугольники на место и, достав со дна потрепанного в дороге Уоллеса, небрежно бросаю его рядом с телефоном. Завтра вместе с камнями недочитанный мною роман отправится к тем, кто его ждет, и превратится в шифровальную книгу. После всего, что случилось, она им так нужна! Слово-ключ отмечено карандашной точкой.

Три вещи никогда не доставляли мне удовольствия: дождь, выпивка и детективные романы. Не люблю благородных сыщиков. Однако Марике совсем ни к чему знать это. Вспомнив о ней, перекладываю «Манию старого Деррика» под подушку и сую между страниц, поближе к концу, использованный билет на поезд Париж — Берлин. Вот теперь хорошо: гестапо моими заботами избавлено от трудов по наведению справок о точном времени прибытия Багрянова в столицу фатерланда. Почему бы и не оказать занятым людям маленькую услугу, тем более что тебе она ничего не стоит?

До свидания с доктором Гольдбергом еще больше двух часов, а меня не тянет гулять по улице, таща за собой две тени — собственную и филера. Не лучше ли пока позвонить фон Кольвицу и обрадовать его перспективой встречи? Телефонные разговоры должны прослушиваться, и я бы на месте сотрудников реферата — отделения по наблюдению за иностранцами — обязательно взял на заметку многозначительный факт знакомства славянина с оберфюрером СС. Если к тому же сегодня или завтра позвонит Эрика и назначит мне randevu, то у гестапо прибавится забот по распутыванию узелков, и их как раз хватит на тот срок, который нужен мне, чтобы доехать до Рима.

Телефон занят. С небольшими перерывами звоню снова и достигаю цели.

— Дежурный по реферату штурмфюрер Траксель.

— Мне нужен оберфюрер фон Кольвиц.

— Кто говорит?

Называю себя. Пауза, за которой угадывается удивление.

— Оберфюрер дома. Позвоните ему туда.

— Я не знаю номера.

— К сожалению, не могу помочь. Что передать?

— Скажите, что я приехал вчера и буду польщен, если оберфюрер навестит меня в отеле «Кайзергоф». — Любуюсь собственным нахальством и добавляю совсем уже нагло: — Боюсь, что дневные часы будут заняты делами. Оберфюреру лучше рассчитывать на вечера.

Пока суд да дело, пока изучение связей Багрянова с фон Кольвицем и Отто Делиусом, завизировавшим письмо министерства, поглотит время и внимание чиновников реферата и внесет некоторую путаницу в их представление о болгарских коммерсантах, я могу быть относительно спокоен за свою безопасность. Эрика и Евангелие довершат остальное. Если даже гестапо пока и не догадывается о ее контактах с ОВРА, то после нашей встречи обязательно попытается логически установить, какие обстоятельства мешают жене полковника пользоваться почтой при сношениях с Римом. Отсюда рукой подать до вывода, что Багрянов — курьер разведки союзника, проверяющий надежность канала «Милан — Берлин». Запросы в Париж и Марсель выявят любопытный факт существования синьора Ланца и месье Каншона, обеспечивающих страховку, и дадут

почву для второго непреложного вывода: Багрянов еще не раз и не два посетит столицу рейха со своими деликатными делишками... Фон Кольвиц — РСХА, Делиус — скорее всего абвер, Эрика — ОБРА; клубок, в котором не сразу найдешь концы. Третий и окончательный вывод: пусть Багрянов спокойно едет в Рим и думает, что перехитрил всех. Когда он объявится в Берлине еще раз, мы возьмем его в оборот и вытряхнем из него все...

Еще раз... Увы, господа, должен вас разочаровать: другого раза не будет, поскольку у меня чертовски много обязанностей в качестве владельца «Трапезонда». События складываются так, что София скорее всего надолго прикует к себе мои интересы. Об этом уже предупредил меня Центр. Двойная игра царя Бориса, пропустившего германские войска по болгарским дорогам на территорию Румынии и открывшего порты для стоянок подлодок гросс-адмирала Деница, не оставляет сомнений, куда и как повернут руль болгарской политики. Если бы не трагедия в Монтрё и не провал берлинского радиста, Центр ни за что не передвинул бы меня из Софии в эти трудные месяцы. Но Москве нужно было знать точно, что же случилось с Жоликером, а берлинская группа без средств и нового шифра как без рук — и вот я здесь... Охраняйте меня получше, господа!

Я бросаю взгляд в зеркало и огорчаюсь. Куда подевалось лицо, над которым Багрянов трудился целое утро? Это не легкая озабоченность, а усталость, раздумья, тревога — совсем не то, что необходимо при визите в имперское министерство экономики. Улыбнись-ка, Слави! Нет, не так — чуть-чуть, самую малость, чтобы чувствовалась искорка надежды и просвечивала подбострастность. Ты ведь будешь говорить с министриальдиригентом Гольдбергом — ответственным чиновником министерства. Вот, так, совсем хорошо. А теперь поклонись. И поправь галстук. Удачи тебе, Слави!

Дверь номера не закрываю, словно по рассеянности. С портфелем под мышкой прохожу мимо комнаты горничной и, заглянув, нахожу в ней Марику.

— До вечера, Марика. Помните: вы обещали мне разделить мой кофе.

— После одиннадцати.

— Я вернусь в семь.

— Переключить телефон на портье?

— Да, так будет правильно... А завтра пойдете со мной в кино?

— Если вы обещаете себя вести прилично вечером...

— О, Марика, разве я похож на дон-жуана? — Говоря так, я легонько поглаживаю бедро Марики. Последний штрих, без которого она просто не поверит в правдивость Багрянова.

12

Все кончилось плохо — все кончилось прекрасно. Смотря как к этому относиться. Министериальдиригент доктор Гольдберг был прохладно-официален. Возвращайтесь домой, господин Багрянов, и договаривайтесь в самой Софии. Штаб рейхслейтера Дарре? Что же, рискните, хотя надежд питать не стоит... Не произвело впечатление и письмо бывшего советника. Гольдберг равнодушно вернул его мне: господин советник часто действовал непродуманно, за это и переведен в другое ведомство... Позвольте предложить вам кофе? Мы выпили по чашечке и расстались довольные: доктор Гольдберг моей податливостью, а я его ответами. Словом, мы славно отделались друг от друга.

С Марикой вышло не так просто. Я заснул под утро с головой, гудящей не только от кофе... Расставаясь, мы условились о встрече, чтобы провести денек вне стен «Кайзергофа». Мои печали так глубоко тронули Марику, что я чуть было не поверил в ее прекрасноту, но вспомнил о втором обыске в чемодане и принялся соревноваться с ней в фарисействе. Да, фибровое мое драгоценное чудовище, несомненно, подвергалось обследованию с пристрастием. Обыск был произведен опытной рукой профессионала — все вещи я нашел на своих местах, кроме одной: микроскопический кусочек сиреневой промокашки соскользнул с белья и бесследно исчез. Ну и бог с ним!

Эрика и фон Кольвиц все еще не подают вестей о себе. Я справился у портье, не было ли звонка или пакета, и, услышав, что нет, наказал в случае чего передать, что Багрянов покидает Берлин послезавтра. Немота фон Кольвица не так уж и волнует меня, но где Эрика? Где Евангелие, без которого сеньор Тропанезе почувствует себя отвергнутым любовником? И кто она — миленькая блондиночка или гладко выбритый господин

с незаметной внешностью? Увлекательное дело — решать головоломки.

Еще одну — пожалуй, последнюю — мне надо решить сейчас, не покидая угла Зейдлиштрассе и Альте-Якобштрассе, куда с минуты на минуту придет долгожданная Марика. Она живет неподалеку, и, будучи кавалером галантным, я предложил встретиться поближе к дому. Для меня это было вдвойне неудобно: плохое знание Берлина заставило сделать ненужный крюк, и «тень» — если она есть — могла упустить меня в толпе и осложнить пребывание Слави в столице тревожным рапортом. Впрочем, я, кажется, неплохо справился с задачей, добираясь до угла самым медленным шагом и по наименее людным улицам. Остальное было уже вне моей воли.

Теперь мне необходимо заставить Марику пригласить меня в музей. Штука скользкая, как лимонная корка. Присутствие Марики избавит меня от соглядатая и даст надежного и беспристрастного свидетеля кристальной чистоты моих мыслей, слов и поступков. Поэтому разговор о музее должен начать не я — сегодня во всем инициатива принадлежит прелестной представительнице слабого пола.

Марика точна. Угол Зейдлиштрассе и Альте-Якобштрассе украшается ее присутствием ровно в одиннадцать тридцать. Наглухо закрытое платье и отсутствие грима предупреждают меня, что на людях она не потерпит изъясления чувств. Марика-гид и Марика-горничная с вызывающими манерами — два разных лица, и оба на работе... А дома?

Решая попутно и эту задачу, предоставляю Марике возможность определить маршрут. Куда мы идем? Парк, ресторан, кино, музей?.. Есть такой простенький, но безотказный карточный фокус. Запоминаете нижнюю карту и кладете колоду в карман. Напустив на чело тумана, спрашиваете: каким двум мастям отдать предпочтение? При этом все время помните, что в вашем кармане, первая внизу, лежит, ну, скажем дама треф... Итак? Ах, пики и черви? Следовательно, остались бубны и трефы? А из них? Туман, сплошной туман... Выбраны бубны, трефы остались. Если случится наоборот — не беда: так проще. Вы уже не вы, а факир, гипнотизер и уполномоченный духов по сношениям с миром... Верхняя часть колоды или нижняя; картинки

или простые? И так далее. В результате вас просят достать даму треф, не глядя, конечно, и такой-то по счету... Шнип-шнап-шнуре!.. Внимание — и дама в ваших руках, все хлопают глазами, а вы рассуждаете о преимуществах черной магии перед белой. Все так просто!

Минуты три Марика с серьезным видом обсуждает варианты, не подозревая, что в итоге обязательно достанет из колоды карту с надписью «Музей». Четвертая минута посвящена маленьким дебатам — какому отдать предпочтение? Быстро уточняем, что Марика не любит этнографии, а я не перевариваю античную живопись, и в конце концов прелестная Марика — сама! — предлагает Музей кайзера Фридриха... Кайзер Фридрих — это звучит величественно. Браво, Марика! Я согласен. А потом в ресторан? Ну скажите: да! Боже мой! Марика, дорогая, не подозревал, что вы так упрямы! Ну скажите, разве я плохо вел себя вчера? Последний аргумент — я-то согласился на музей! — и дело улажено. Наверно, ей подсказали, что основные события — всякие там случайные встречи и обмены паролями — происходят в ресторанах. Боятся что-нибудь проглядеть и пытается отложить поход на завтра, чтобы запастись инструкциями и подкреплением... Все-таки здорово ее вышколили: не верит никому и ничему!

Я подхватываю Марику под локоть, и мы идем, не сворачивая, по Зейдлицштрассе до оживленного перекрестка, от которого пятью лучами разлетаются улицы, в том числе и широченная Лейпцигерштрассе. Болтая о том о сем, минуем перекресток, по Линденштрассе добираемся до моста через канал и попадаем на знаменитый Остров музеев. Их здесь пруд пруди: Новый и Старый, Национальная галерея, Пергамон-музей, еще какие-то и в дальнем конце, в омываемом водами канала и Шпрее квартале, Музей кайзера Фридриха — древне-христианское искусство, европейская скульптура, нумизматика, Персия и Византия.

В прохладных залах народу немного, и Марика успокаивается. На Линденштрассе ее случайно оттерли от меня, заставив поволноваться. Сказывается отсутствие навыков наружного наблюдения. Ну и сидела бы себе в отеле! В конце концов, Славя вовсе не обязан создавать для гестапо максимум удобств

Ах, если бы не алиби!

Делать нечего, я подождал Марику при входе на мост и даже привстал на цыпочки, чтобы ей было легче меня увидеть. При этом пиджак на груди у меня некрасиво оттопырился — утром я запихнул в карман Эдгара Уоллеса. Если не будет аварийного сигнала, через час я избавлюсь от него и спичечного коробка, на дне которого в фольге от шоколадки лежат бриллианты. Марика должна присутствовать при этом, но ничего не увидеть. От ловкости моих рук зависит полдела; другая половина связана с Марикой и сигналом... А если не удастся? Музей открыт лично для Славы каждый вторник с двенадцати до трех. Только по вторникам и только в эти часы... Тогда через неделю? Это будет уже не очень-то просто.

В холле музея покупаю груду проспектов, прекрасно изданных и стоящих отчаянно дорого. Марика осуждающе качает головой: по ее мнению, я транжира и мот, не знающий цены деньгам. Типичный славянский недочеловек. На эти марки она приобрела бы несколько пар чулок и французские бюстгальтеры. Придется перед неутешным расставанием подарить ей все это и еще какую-нибудь вещь — сережки или кольцо. Алиби Багрянова стоит дорого.

Утром я долго рассматривал бриллианты. Они ослепительно сверкали и, будучи неодушевленными, не догадывались о своей судьбе. Берлинские ювелиры отвалят за них кучу марок, которые, в свой черед, превратятся в лампы и детали передатчиков, загородную конспиративную квартиру, запасной костюм или паспорт для товарища, если ему придется скрываться.

Нет, я не имею права выжидать неделю. Все будет сделано сегодня.

С проспектами в руках путешествуем по залам. Пользуясь отсутствием свидетелей, Марика изредка прижимается ко мне теплым бедром — намек на вчерашнее и невинная признательность за предстоящий обед в ресторане. Обещаю себе, что покорю ее щедростью.

Зал нумизматики. Всякие там драхмы, сестерции и дукаты. Вид золотых монет захватывает Марику. Ноздри ее трепещут. Она, точно гончая, втягивает воздух, любясь древним полновесным золотом, покоящимся на атласных подушечках. Слава богу, кроме нас, никого, и я, отметив упадок интереса к музеям со стороны

практичных берлинцев, мысленно соглашаюсь с выбором товарищей: да, лучшего места для нашего дела, пожалуй, не сыскать.

Монет так много, что на осмотр нумизматического кабинета можно потратить целую жизнь. Ящички, плоские витрины, стенные шкафы с длиннейшими полками, и на атласе — десятки тысяч драгоценностей, эквивалентных человеческому труду.

Крайний стенной шкаф слева. Левая панель. Царапины нет, и с души у меня падает гранитная скала. Нет аварийного сигнала — нет и провала. Все в порядке.

Марика держится рядом, не отставая ни на шаг. Бедро ее так и норовит прижаться к моему. Спрашивается, к чему тогда было надевать глухое платье? Поведение и костюм — одно целое, а не случайные детали, отделенные от сути.

— Нравится?

— О да!

— Хотели бы их иметь?

У Марики задумчивые глаза.

— Я и так многое имею! А скоро каждый немец станет богачом!

— Да, — говорю я. — Гений фюрера обеспечит это. Не так ли?

Говоря так, я выпускаю из рук проспекты, и они разлетаются по полу. Едва не стукнувшись лбами, бросаемся их поднимать и смеемся над моей неловкостью. Марика сидит на корточках; коленки округло высовываются из-под юбки. Я целую ее крепко, еще крепче, со страстью, и, когда она закрывает глаза, отвечая, быстро заталкиваю в щель между шкафами и стеной сначала Уоллеса, а следом и коробок. Марика тяжело дышит...

— Вы... Ты... О, ты!

Помогаю ей встать и, все еще прижимая к себе, оглядываюсь: никого. Только монеты видели все; они же были свидетелями того, как я минуту назад за спиной Марики вынул Уоллеса и положил под проспекты. Это было трудно: слишком много стекла, отражающего каждое движение. Не легче оказалось и уронить бумагу так, чтобы один из проспектов и книга остались в руках, но теперь все позади.

Марика приводит волосы в порядок. Сердится.

— Нельзя же так! Не знала, что в вас столько страсти, мой дорогой... Это — и в музее?

Она, наверно, слегка презирает меня: еще бы, недочеловек! Совершенно не умеет держаться в рамках приличия...

Каюсь, как умею, заглаживаю вину. Сейчас меня трудно обидеть. Все сделано! Все! Кто-то, кого я никогда не увижу, придет сюда и возьмет вещи. Завершен еще один маневр в войне, безжалостной и кровавой, которую ведем все мы, солдаты разных родов оружия, лицом к лицу сошедшиеся в бою с чудовищной машиной смерти третьего рейха...

— Что с вами? — говорит Марики.

— Так, ничего. Пойдем?

Остальное неинтересно. Бродим по залам, замедляя шаги. Картины, скульптуры, вазы — такое обилие всего, что утомляется взор и наступает пресыщение красотой. Марики и так уж, видимо, раскаивается, что выбрала музей, а не кино, интимный полумрак зала создал бы отличный переход к посещению ресторана. А так — после ослепительных красавиц на полотнах — не потускнеет ли банальная миловидность горничной в глазах Слави Багрянова?

Отметаю возможные опасения Марики и говорю:

— Я проголодался. Помните, вы обещали...

В отеле я запасся сведениями о ресторанах, где можно прилично пообедать без карточек и найти у обер-кельнера настоящее вино на ценителя...

...После ресторана настает черед Марики доказывать свою щедрость. Она слегка пьяна и смело предлагает проводить меня до отеля. У порога «Кайзергофа» немая сцена, следующая за ритуалом целования руки и вопросом, сумеет ли прелестная Марики найти такси.

— Мы оба устали, — говорю я. — До завтра, дорогая.

Марики не так глупа, чтобы настаивать. Целует меня в щеку.

— Все было так хорошо... Как в сказке... Жаль, что вы не немец, Слави. Все было так хорошо...

Это точно. Присутствие Марики в музее обеспечило мне исчезновение возможной «тени» и стопроцентное алиби у гестапо.

— Спасибо, Марика, — говорю я серьезно. — До завтра...

Турникет отщелкивает повороты за моей спиной. Подхожу к портье — такому недоступному, словно он переодетый раджа.

— Нет ли известий для меня?

Мы виделись утром, но портье не изволит меня узнавать.

— Ваш номер?

— Сто шесть.

— Момент... — Портье сверяется с записями. — Да, вам звонили. Оберфюрер фон Кольвиц и госпожа Ритберг.

— Что-нибудь важное?

— Госпожа Ритберг будет звонить еще раз, а господин фон Кольвиц просили передать, что постараются обязательно навестить вас до отъезда.

Ну вот и Эрика. И Евангелие. От Луки или от Матфея? В бронзе или в коже? Там сказано: «Идите с миром!» И я пойду. Мой путь далек и не скоро приведет меня домой. Не раньше, чем окончится война.

Второй раз за один вечер теряю контроль над собой. Ловлю на лице портье отражение своих чувств и прихожу в себя. Слави Багрянов и я сливаемся в одно целое, чтобы продолжать жить.

— Да-да... И пусть мне пришлют счет. За все. Завтра уезжаю. Поездом до Парижа — закажите мне билет!

— Слушаюсь.

— Если придет дама, проводите ее ко мне. И без вопросов!

В номере включаю все лампы. Когда Эрика будет здесь, я запомню ее лицо с первого раза и навсегда. Лицо одного из врагов...

Сажусь в кресло и жду. Ждать я умею. Спешить мне некуда.

Тишина. И кажется мне, что иду я полем — я, а не Слави, или мы оба, ибо он тоже пока еще я.

Завтра в дорогу..

ОСТРОВИТАНИИ

1

Лежать на тротуаре неприлично.

Эту истину мне внушили давно — в ту пору, когда я, пожелав и не получив игрушку с витрины, не спеша раскладывался у ног прохожих и игнорировал приказы не ныть и принять нормальное положение. Первые два-три подзатыльника, выданные старшими, помнится, не поколебали мою уверенность в праве валяться где хочу, но десятый или двадцатый сделали свое дело.

Итак, лежать на тротуаре неприлично. Тем более в центре столичного града Софии, на улице Царя Калояна. И все же я лежу — минуту или две, а может быть, и дольше. И нет силы, способной поднять меня на ноги. Я безучастно вслушиваюсь в звуки, глаза на облако, повисшее над зеленой крышей. Крыша прячется за желтой стеной, и я не могу вспомнить, где и когда уже видел все это. Желтое, зеленое, серое. Одно я знаю точно: на углу справа должен быть модный магазин.

Неясная тревога рождается во мне и обрывается вместе с сознанием. Тишина — и черным-черно... Свет приходит заодно с болью. Она возникает в затылке, впивается в виски, и я слышу собственный стон — рыдание фাগота, терзаемого обезьяной.

— Что с вами? Вам лучше?

Прежде чем понять смысл, я перевожу с неведомого языка на родной и по слогам составляю ответ:

— Да... Мерси.

Нечто белое, полускрытое вуалью наплывает на меня и обдает ароматом духов. Я протягиваю руку и до-трагиваюсь до него...

— Простите, — говорю я и окончательно прихожу в себя.

— Что вы стоите, господа! Помогите же ему!

Женский голос пронзителен и чист; повинуюсь ему,

сильная рука тянет меня вверх. Седые усы, черное, шинельного покрою, пальто. Командное рокотание:

— Эй, кто-нибудь! Пригласите-ка полицию!

— При чем здесь полиция? Ему нужен врач!

— А вам-то что? — И с вызовом: — Обожают совать нос в чужие кастрюли, да?

Маленькая перепалка, порожденная несходством взглядов на любовь к ближнему своему. Мне скандал ни к чему, и я, с трудом приняв вертикальное положение, тороплюсь протянуть пальмовую ветвь.

— Благодарю, госпожа! Честь имею, уважаемый! Ума не приложу, что это со мной стряслось... Разрешите представиться: Слави Багрянов, коммерсант.

Перед глазами сетка тумана, но чувствую я себя достаточно сносно. Кое-как приподнимаю шляпу.

— Мерси...

Небольшая толпа, собравшаяся на происшествие, начинает редеть. Бежевые, коричневые, серые и гороховые пальто и макинтоши, перемешанные с черными рединготами и саками, очищают тротуар, и я, не обнаружив среди них синей шинели полицейского, перевожу дух.

— Вы сможете идти, голубчик? Или поискать такси?

— Где это вы возьмете такси? Скажете тоже!

Увы, дама в вуали права: такси в Софии — проблема. За двое суток, проведенных здесь, я убедился, что отыскать прокатную машину немногим легче, чем источник карлсбадской в пустыне. Впрочем, сейчас мне такси ни к чему. Мой путь короток и должен был закончиться у входа в модный магазин.

— Я долго лежал, господа? — говорю я и страхиваю с рукава лепешку грязи. — Который час?

Дама пожимает плечами, а седоусый расстегивает пальто. Рука в перчатке выуживает старинные часы, щелкает крышкой.

— Без четверти одиннадцать.

— Вы уверены?

Седоусый с достоинством прячет свою рухлядь.

— Уверен ли? Это «Патек», мой дорогой, «Патек», и он никогда не ошибается. Честь имею!

В висках у меня гудит, и спина покрыта потом. Опоздал.

Я стою, привалившись спиной к стене, и рассматриваю полу плаща, исполосованную грязью. Без четверти

одиннадцать. Я опоздал на пятнадцать минут. Нет, не может быть! Это какая-то ошибка, сон наяву, бред; сейчас я проснусь, и все станет на места, и часы покажут нужное время: десять тридцать.

Черная вуаль участлива и деликатна.

— Вам нехорошо?

— Отнюдь! — говорю я не слишком вежливо. — Все зер гут!

— Тогда я пошла... И, кстати, верните, пожалуйста, мой платок. Он у вас в руке. Не в этой, в левой.

Похоже, обморок выбил меня из колен. Сначала я не опознал зеленую крышу патриаршего дома; потом болгарский язык показался чужим; и вот теперь — дамский платочек, неведомо как попавший ко мне.

— Извините. Почему он у меня?

— Я вытирала вам лицо. Вы были мокрый, совсем мокрый, прямо хоть губкой суши. А потом вы вырвали его у меня. Вы сделали мне больно!

Маленькая рука, розовая от холода, возносится к вуали. Губы складываются в трубочку, дуют на пальцы, словно боль еще не прошла. Сдается мне, что от Слави Багрянова ждут не слов благодарности, а деяний во искупление вины.

Взгляд мой отрывается от руки, скользит по пальто и сосредоточивается на модных туфлях. Каблуки сбиты, на носках царапины, покрашенные гуталином... Обувь — старый предатель; она выбалтывает хозяйские тайны с несдержанностью прислуги... Кто же ты, прекрасная незнакомка? Продавщица из салона или ночная фея? А может быть, и то и другое? Шляпа моя совершает маленький полет.

— Багрянов. Можно — Слави.

— Искра. Просто Искра.

На свидание я опоздал, и у меня бездна лишнего времени.

— Что же мы стоим? Вы позволите?

Локоток с готовностью сгибается; вуаль колышется от дыхания.

— Не слишком ли вы смелы? Куда вы меня ведете?

— Еще не знаю... В никуда.

Скверный день, тяжелый день, сулящий бог знает какие осложнения. И ведь с чего началось? Со сквознячка, подстерегшего Слави в коридоре гостиницы. Еще позавчера меня стало познабливать, но дел было по

горло, и я отложил заботы о здоровье до лучших времен. И зря. Спустя сутки озноб перешел в дрожь; я трясся и глотал пилюли, купленные в ближайшей аптеке. Фармацевт, снабдивший меня ими, — карлик с грустным восточным профилем, — пощупал мой пульс с выражением, сулившим катастрофу. «Плохо дело! — Глаза карлика стали еще грустнее. — Хорошенькая порция инфлюэнцы и вдобавок что-нибудь легочное... Покой, немного ракии на ночь и, главное, аспирин». В рецепте грустного пройдохи мне доступны два компонента: таблетки и выпивка. Что касается покоя, то за последние годы я как-то отвык от него, и мысль, что где-то существует тишина, кажется мне нелепой.

Куда мы идем? Ах да, в сладкарницу, выпить по чашечке «турского» — дикой крепости кофе, напоминающего подслащенный хинин. Искра — настоящая дама! — светски улыбается мне сквозь вуаль. Хотел бы я знать, что думают прохожие, наблюдая со стороны немолодого господина в плаще из английской шерсти, шествующего по улице Царя Калояна под ручку с ночной феей?

— Сколько вам лет, Искра?

— Двадцать два. Старуха.

— Не кокетничайте! Скажите лучше, вам не стыдно идти с таким кавалером? Гляньте-ка, у меня весь плащ в грязи.

— Дадите мелочь хозяину, и он все очистит, — просто говорит Искра. — Это недалеко...

Мы ускоряем шаг, и вовремя: небо — старая лейка — решает, что настало время помыть город. Третий или четвертый раз за день. Черт бы его побрал, софийский февраль! С утра над Витошей было по-летнему чисто; солнце возлежало на склоне, высвечивая складки; потом пошел дождь; дождь сменился снегом; и снова вылезло солнце, чтобы через полчаса исчезнуть и дать дню окраситься в фиолетовые тона. С ума можно сойти от перемен!

Между нами говоря, я больше всего на свете люблю постоянство. Всякие там капризы и сюрпризы раздражают меня. За двое суток софийского житья я досыта наелся ими. Двое суток... А впереди — еще несколько долгих дней. Их надо прожить. Где и каким образом?

На эти вопросы у меня нет ответа. И не только на них.

Чашка кофе... Еще одна... После четвертой я завершаю эволюцию от господина Багрянова к бай-Слави. Сближение с Искрой идет такими темпами, что начинает меня тревожить. Признаться, мне не совсем улыбается проснуться поутру в чужой постели с головой, распухшей от ракии и запаха пудры.

Искра мелкими глотками осушает пятую чашку подряд и смотрит на меня глазами собственницы.

— Ты что, задремал, бай-Слави?

— Я?.. Извини.

Лицо у Искры узкое, бледное; губы и брови — очень яркие — кажутся взятыми напрокат. Лицо Пьеро, поменявшего пол.

— А дождь-то все идет, — лениво говорит Искра и, поймав мой взгляд, почти ложится на стол, так что вырез платья распахивается, полуобнажая грудь. — Ты любишь виноградный лукум?

— Не очень.

— Чудак! Что до меня, то предложи мне на выбор луканку и лукум, я выберу лукум. От него не толстеют. Ты не против, если я закажу еще порцию?

— Валяй.

Я отвожу глаза и достаю пачку «Арды». Сухой табак потрескивает в пальцах.

— Дай и мне, бай-Слави. Твои родители из деревни?

— С чего ты взяла?

— Ты куришь «Арду». Дешевый сорт, как раз для крестьян.

— Привычка, — говорю я спокойно. — Раньше я курил «Картел», он еще дешевле и крепче. Табак, как и выпивка, должен забирать. Кстати, а не выпить ли нам? Эй, любезный, две рюмки ракии.

И почему это мне везет на запреты? Падать в обморок на улице нельзя, курить дешевую «Арду» тоже. Я люблю крепкие табаки, а послушать Искру — так надо менять сорт. Или нет? Или в конечном счете Слави Багрянов может позволить себе роскошь иметь индивидуальные черты?

— Не отставай, Искра! — говорю я и залпом выпиваю рюмку. — Ракия изумительная штука! Напиток напитков! У нее есть вкус и запах, и не говори, что они

кошмарны. Или ты думаешь, что «Метакса» — эта греческая дрянь, именуемая коньяком, — лучше водки? Но только не лги. И не морочь мне голову, что лукум вкуснее луканки. Любая колбаса, даже не луканка, сытнее и полезнее сладкого крахмала. Не так ли? И, кроме того, учти — хотя ты этого и не знаешь! — от лукума толстеют. Жиреют до невозможности, становясь бочками с салом. Ты хочешь стать бочкой с салом? Ну-ну, не хмурься, до этого далеко. Верное слово, не будь я Слави!

Я выпаливаю эту галиматью, не выбирая слов, и при этом стараюсь не смотреть на дверь, от которой, лавируя меж столами, идет молодой человек в примятой шляпе. Я его никогда прежде не встречал, но ему не надо доставать жетон, чтобы представиться.

Глаза Искры до краев затоплены недоумением.

— Ну и ну, — говорит она. — Не стоит тебе пить, бай-Слави. Одна рюмочка, а поди ж!

Я киваю ей и поднимаю руку.

— Любезный! Еще две ракии и шоколад для барышни. Швейцарский! С коровой на бумажке.

Я пьян, я вдребезги пьян. Не надо быть Сократом, чтобы понять это. Провинциальный житель Слави Багрянов гуляет напропалую, спуская левы. А, не жаль! Живем только раз, и не каждый день удастся подцепить на улице барышню.

Господин в шляпе огибает столик и становится за спиной Искры.

— Здравствуй, детка.

Крупная рука с короткими пальцами легонько хлопывает Искру по плечу.

— Ты сиди, сиди... Твой брат? Небось двоюродный?

— Господин Петков! Откуда ты взялся?

Петков таинственно прищуривается.

— Секрет! Так ты не ответила — твой родственник?

Искра поправляет вуаль и с неудовольствием поджимает губы.

— Все шутишь. Знакомьтесь, господа: Слави Багрянов — Атанас Петков.

— Весьма польщен...

Петков кивает и садится, не подав руки. То, что он из полиции, это ясно. Выдает касторовая шляпа из запасов Дирекции — таких, насколько мне известно, нет

в продаже. Какая-нибудь шишка из отдела нравов? Или он служит в ДС*?

Обдумывая это, я не забываю придвинуть Петкову рюмку ракии. Озноб тихо карабкается по спине, стискивая шею, и я изо всех сил стараюсь выглядеть беспечным.

— За знакомство. Слушай, Искра, ты любишь песни?

— Смотря какие.

— Шопские, на два голоса. У меня, господин Петков, оч-чень приличный баритон. Не веришь?

— Почему же? — вежливо говорит Петков и смотрит на меня поверх рюмки. — У тебя и лицо хорошее. Красивое, фотогеничное. Ты, господин Багрянов, наверное, здорово выходишь на фотографиях.

«Фи вам!» — как говорят барышни в провинции. Никакого изящества! Но если тебе так нужно, я готов подыграть. Две-три старые фотографии я ношу при себе. В паспортной книжке. Они запечатлели для вечности физиономию Слави в числе других.

Петков небрежно рассматривает фотографии и словно невзначай листает паспорт. Я слежу за ним и чувствую, что озноб держит меня мертвой хваткой. Кровь начинает пульсировать в висках, и я слышу стук своего сердца.

— Хозяин! Ракии моему другу и рюмочку госпоже. И мне... За знакомство... Твое здоровье, господин Петков.

Ракия обжигает рот, вызывая спазм, но я бесстрашно вытягиваю губами последние капли, прищелкиваю языком. Что-что, а пить я умею. Алкоголь не берет меня, только в голове звенит.

— Хороша! Приезжай ко мне в Добрич, Атанас! Я тебя домашней угощу.

У каждой удачи есть пределы. Везение не может быть бесконечным. Оно как шагреновая кожа — отрываешь от него по кусочку, рискуя в один прекрасный день протянуть руку за новой порцией и не найти ничего. Вот так-то.

— Ты страшно милый, бай-Слави, — протяжно говорит Искра и наклоняется ко мне: — Пригласи меня в Добрич. Ладно?

* ДС — Державна сигурност — отдел безопасности Дирекции полиции монархо-фашистской Болгарии.

Она порядочно набралась. Еще бы, четыре рюмки ракии! Напудренные щеки розовеют, пальцы вздрагивают, и сигаретный пепел сыплется на отвороты пальто.

— Валяй, — говорю я. — А ты что молчишь, Атанас? Может, я тебя чем-нибудь обидел? Не хочешь, чтобы звал Атанасом, не буду. Все равно ты мне по душе. Э?.. Да ты что, и правда обиделся?

— Он не обиделся, — говорит Искра.

— А чего молчит?

— Да он всегда такой... Плюнь на него, бай-Слави! Лоб Петкова собирается в морщины, уползает за кромку шляпы.

— Не вмешивайся, Искра! Послушайте, мне что-то скучно в этой сладкарнице. Не то место, где порядочные люди могут хорошо посидеть. Да и полдень скоро.

Полдень — время обеда. Священный час. София — большая провинция, где все встают на заре, набивают животы к полудню, ужинают с темнотой и в десять — бай-бай.

— Как хочешь, Атанас.

— Тогда пойдем отсюда. Я знаю одно местечко, где для нас с тобой найдется свободный столик. И кухня там — боже мой!

— А Искра?

— Прихватим и ее.

Я колеблюсь. Ровно миг, не дольше. Плащ мой вычищен и высох, ракия допита, и хозяин вот-вот закроет сладкарницу на перерыв. Паспорт и фотографии все еще лежат на столе. Я прячу их и мысленно скребу в затылке. Французы утверждают, что, когда двое пытаются надуть друг друга, один — заведомый дурак. Веселые они люди, французы...

— Ладно, — говорю я и тяжело поднимаюсь. — Пойдешь с нами, Искра.

Рука моя запихивает в карман паспорт и выуживает несколько кредитных бумажек. Гораздо больше, чем полагается за кофе, шоколад и выпивку.

— Любезный! Получи! Сдачи не надо.

Слави Багрянов, когда хочет, щедр, как растратчик. Петков прищуривается, провожая деньги равнодушным взглядом, а Искра, качнувшись, приваливается ко мне мягкой грудью.

— Какой ты милый...

Интересно, куда мы направимся отсюда — в кабаки или прямехонько в гостеприимный дом Дирекции полиции?

3

— Так ты, говоришь, знаком с Лулчевым? — переспрашивает Петков и почесывает переносицу. — Это большой человек, бай-Слави.

— Не то чтобы мы дружили, — говорю я скромно, — но господин Лулчев гостил у нас в Добриче. Может, он и забыл меня.

— Забыл — напомни.

Я пожимаю плечами и присвистываю.

— Легко сказать! У Любомира Лулчева и без меня дел через край. Ты вот, Атанас, живешь в столице и небось со всеми знаешься... Подскажи серьезно, как быть?

— Говорю тебе, позвони во дворец.

Любомир Лулчев — советник царя, и Петков, похоже, вытянул туза. Со Слави, образно говоря, происходит то же, что с игроком в покер, прикупившим карты не старше тройки. Вся его наличность в банке, и он вынужден блефовать до конца в расчете, что противник спасует.

— Пожалуй, — говорю я отважно и продолжаю сидеть. — Сейчас и позвоню. Где у тебя аппарат, Атанас?

Поразительно, сколько разных разностей удерживает память. Телефон Лулчева пылился в ней много лет — лежал себе в уголочке среди всякой всячины.

Я делаю попытку встать, краем уха вслушиваясь в звуки, несущиеся из соседней комнаты. В ресторане Искра налегла на вино и теперь спит, копит силы для продолжения. Петков, по-моему, тоже перебрал. Пока мы ждали трамвая, чтобы ехать к нему домой, он был сравним с Пизанской башней, клонящейся к земле, но не падающей.

— Где у тебя телефон? — повторяю я, не покидая кресла. — Проводи меня, Атанас. Я позвоню, и мы поедем во дворец. Ты и я.

Петков еще раз почесывает переносицу. Медленная улыбка раздвигает его губы, открывая ряд желтоватых

зубов. В ней столько обещания, что, будь Слави по-
трезвее, он бы поежился.

— Ты серьезно, бай-Слави?

— Разумеется! — говорю я. — Чего мне бояться?

— Твоя воля... Бояться и впрямь нечего. Ну пойдем,
только тихо, не разбуди Искру; пусть себе спит и не
мешает нам.

Еще в начале начал, когда Петков готовил в кухне
закуски, мы с Искрой обривизовали квартиру. Не всю.
Третья комната, ход в которую идет из глубины хол-
ла, осталась необследованной. Она тянет меня к себе...

— Пойдем ко мне домой, — сказал Петков в ресто-
ране — и солгал.

Этот дом — не его дом, и разные пустячки, удостове-
ряющие обжитость, — бесстыдные обманщики, разобла-
ченные Слави. Поэтому он мысленно загнул палец,
обнаружив, что на цепочке в ванне нет пробки. Все
остальное было в порядке — зубная щетка высовыва-
лась из стаканчика, губка лежала на батарее, а в уг-
лублении раковины красовался обмылок... С кухней
обстояло благополучней. Старая сковородка на плите,
стаканы в мойке. Я был готов раскаяться в подозре-
ниях, но тут увидел картинку в простенке и забил от-
бой. Это была олеография, чистенькая донельзя, словно
ее повесили вчера.

Итак, Петков привез нас на конспиративную квар-
тиру. Такие используются обычно для разных деликат-
ных делишек, и то, что мы оказались здесь, — факт,
поддающийся толкованиям. Я предпочитаю не ломать
себе голову и принимать его как есть. В конце концов,
мой друг Атанас мог не рассчитывать на проницатель-
ность Слави и проявить гостеприимство от чистого
сердца.

Я пришел к такому выводу, пока укладывал Искру
и накрывал ее пледом. Искра посапывала — блаженное
дитя. Я погладил ее по голове и вернулся к Петкову,
коротавшему ожидание в обществе бутылки.

Домашняя ракия была желта и густа, как касторка.
И пахла не лучше. Мы выпили за меня, за Петкова,
снова за него, за спящую Искру. Петков и раньше,
в ресторане, потихоньку спаивал меня. Я не протесто-
вал, прикидывая, насколько хватит его самого; однако
способности Атанаса столь велики, что это начинает
меня пугать. Оттягивая очередной тост, я заговорил о

делах в Софии и Лулчеве. И тут-то Петков и подловил меня.

Что ж, ты сам того хотел, Слави! Третья комната притягивает тебя, и ты натолкнул Петкова на мысль о звонке. Почему же ты колеблешься?

Петков делает шаг к двери.

— Идем, бай-Слави, — говорит он настойчиво и трезво. — Или ты передумал?

Мы входим в холл, и Петков, посторонившись, ногой толкает дверь в неосвещенную комнату. Дыхание его холодит мне затылок.

Мрак. Тишина. Пустота. Ничего. Петков берет меня под локоть и подводит к креслу. Кивает на телефон: «Звони!»

Прежде чем набрать номер, я успеваю подумать, что, похоже, сам себя загнал в угол.

Длинные гудки. Провод свободен, но на том конце не торопятся отозваться. Петков, сидя на краю стола, небрежно качает ногой.

— Канцелярия Лулчева, — звучит в трубке. — Говорите!

— Алло, — откликаюсь я. — Алло, господин чиновник! Это Багрянов, коммерсант из Добрича. Соединика меня, будь добр, с его превосходительством.

Пауза, треск.

— Повторите, кто у аппарата?

— Багрянов из Добрича.

— Его превосходительство занят.

Удобный повод извиниться и положить трубку. Однако Петков глядит на меня в упор, и я проявляю настойчивость.

— Минутку! — говорю я внушительно. — Ты все-таки попытайся, многоуважаемый. Мы с господином Любомиром близко знакомы, и, уверяю, он будет недоволен тобой.

Новая пауза, заполненная треском. Я протягиваю руку и неожиданно для Петкова пригибаю его к себе. Головы наши сближаются, и ответ из канцелярии слышен нам обоим:

— Извините, господин Багрянов, но его превосходительство действительно занят. Не затруднитесь позвонить ближе к вечеру.

— Изволь, — говорю я и отпускаю Петкова. — Я позвоню.

Жестом победителя я кладу трубку. Даже не кладу — швыряю на вилку, а Петков опускается в кресло и потирает шею.

— Ну и рука у тебя, бай-Слави! — Он простецки улыбается. — За такую руку грех не выпить!

— Не буду, — говорю я. — Устал, пора в гостиницу.

— Устал — ложись и спи. Место найдется.

— Да нет, поеду...

— Тебе не нравится у меня, бай-Слави? Слушай, ты же деловой человек и знаешь цену деньгам. Сколько ты платишь за нору в гостинице? Левов двадцать, не меньше?

— Двадцать пять, — говорю я со вздохом. — Но ты ошибаешься, это не нора. Очень приличные номера на бульваре Евтимия. И кормят неплохо.

— Добавь: бесплатно.

— Если бы...

— Так поживи здесь! Такой уж я человек, люблю делать добро приятелям. Не портить дружбы — оставайся. Вечером съездим в гостиницу, заберем вещи — и живи. Я ведь холостяк и днем на работе.

Покер — игра коварная. В ней выигрывают не те, у кого больше денег и лучше карта, а тот, кто владеет нервами.

— Я бы рад, — говорю я нерешительно. — Но, понимаешь, завтра мне нужно быть в Тырговиште. Сделка. Я так и рассчитал: за сутки обернусь, а послезавтра займусь делами в Софии.

Петков встает.

— Жаль... Ладно, не беда. Отдохни здесь сколько хочешь, а потом мы с Искрой проводим тебя. Поужинаем вместе — и на вокзал.

Я киваю и тупо разглядываю обои. Импровизация — палка о двух концах, и теперь придется ехать в Тырговиште... И что ты за человек, Слави? У тебя просто дар создавать трудности! До нового визита в модный магазин — двое суток. Хорошо, что не две недели. Ибо за четырнадцать дней ты бы такого наворотил, что и за год не поправишь! Но Петков-то, Петков! Ах, как хочется думать, что он возлюбил меня по-братски, однако при всем при том самое правильное — уносить ноги.

— Спасибо, дорогой Атанас.

— Пустое, бай-Слави! И давай уговоримся: вернешься из Тырговиште — и прямиком ко мне. Я дам тебе ключ. И хватит об этом, не благодари!

Уносить ноги... А как?

4

Купе пассажирского поезда — неплохое местечко для отдыха и размышлений. Я сижу у окна, покурываю и пытаюсь разобраться, что к чему. Голова чиста, и мысли легки. После ужина в привокзальном ресторане я успел заглянуть в туалет и проглотить пригоршню алка-зельц. Белые лепешки шипели во рту, и опьянение проходило.

Я закрываю глаза и дремлю, ухитряясь, однако, загибаться «Ардой». Попутчики спят, коридор пуст, и ничто не мешает мне радоваться одиночеству.

Знакомство с Искрой и Петковым, обед и ужин в ресторане, попойка на конспиративной квартире — все осталось позади, отрезанное временем и расстоянием. Я пытаюсь разобрать день — час за часом, отделяя зерна от плевел.

Итак, я шел по улице и упал. С этого началось. Седоусый и Искра возникли позднее, когда я вынырнул из обморока. Или раньше, в трамвае?.. Я ехал впереди, прижимаясь плечом к будке вагоновожатого, и ее стекло служило мне зеркалом. Искру я обязательно бы заметил, седоусого тоже. Следовательно, пока забудем о них. Еще раз: я шел по улице Царя Калояна, поглядывал в витрины и чувствовал себя относительно спокойно. Настолько, насколько это позволено курьеру, идущему на randevu. Но почему же обморок? Что-то случилось? Что? Я не сомневаюсь в воспитанности Слави и убежден, что без особой причины он не позволит себе разлечься на асфальте. Выходит, все же что-то было, если Слави не нашел лучшего выхода и брякнулся оземь?

От обморока ниточка тянется назад — к фармацевту и градуснику, забытому в номере на тумбочке. Я не стал его стряхивать и льщу себя надеждой, что горничная не лишена наблюдательности. Впрочем, все это мелочи, и, как знать, не переборщил ли я в своей подозрительности. Или нет?..

Не спеша — а куда мне, собственно, спешить? — склоняюсь к выводу, что дело обстоит не слишком скверно. Почти прилично. Если, разумеется, не брать в расчет Искру и Петкова. Эти двое путают все, и я не в силах добиться ясности. Что они оба — случайность или закономерность?

Сигарета, догорев, обжигает пальцы. Я встаю и, перешагнув через ноги спящих, выхожу в коридор. Закурив новую сигарету, бездумно смотрю в окно.

На вокзале, подсаживая меня на ступеньку вагона, Петков сказал:

— Счастливчик ты, бай-Слави. Все тебе нипочем. С гриппом люди киснут в постели, а ты едешь черт знает куда и свеж, как левкой. — Поезд тронулся, и Петков сделал шаг вслед, сложил ладони рупором: — Не загуляй в Тырговиште, Слави. Ты не потерял ключ? Вернешься и с вокзала — ко мне... Адрес помнишь? Бульвар Дондукова...

Лампочка над моей головой тускло синее, и лицо Слави, отраженное в стекле, горит холодным пламенем. Я провожу ладонью по отражению, стирая его, но оно остается — двойник, лишенный разума и нервов. Петков — случайность или закономерность? Расстояние разделило нас, но спокойствия нет. Я стою у окна и вижу не подножие горы, а Искру на улице Царя Калояна и олеографию на кухне.

В ресторане, когда мы пили посошок, Петков был вял и расслаблен.

— Ты устал, бай-Слави? — сказал он. — А я, думаешь, не устал? Все противно: работа, ракия, случайные бабы. Хочется прийти домой и слышать голоса... Чтобы кто-нибудь пел...

— Ну и ну, — пьяно сказала Искра. — Смотри, какой сирота!

— Заткнись!

— О, как страшно... Тебе не надоело, Атанас? Послушал бы себя — чистая панихида: ах я несчастный, ах я бездетный... ах, ах!

Интонация была схвачена верно, и Петков засмеялся.

— Не ври, Искра! Я не такой, и бай-Слави тебе не поверит. Я работаю с утра до ночи, а когда дорвусь до постели, то оказывается, что и во сне нет отдыха — работа, работа, работа. Вот я и беру себе отпуск... У себя

самого беру... Немного ракии, холуй с подносом — вот и почувствуешь себя господином!

Я наблюдал за Петковым и Искрой и гадал, кто они друг другу. Любовники? Начальник и подчиненная? Скорее всего Искра все же не из ДС. А Петков?

Надо решать, как быть дальше. Обморок отодвинул срок встречи. Кто-то, кого я никогда не видел в глаза, ждет меня — прилавок в глубине зала, от десяти до десяти тридцати. Ради этой встречи я, уподобившись невидимке, отверз двери на долгом пути и отомкнул замки. Скажем честно, это было непросто. Болгария — остров в океане огня. Я стал островитянином, не слишком радуясь тому, что выбор пал на меня. Так уж случилось, что тот, кто должен был ехать, не смог. Не его вина. «Он ни при чем, — сказали мне. — Такая, понимаешь, ситуация». Я не стал спрашивать, в чем дело. «Когда надо ехать?» — спросил я. «С паспортом затруднения. Надеемся достать через неделю-другую, но в Софии не могут ждать». Старый паспорт был при мне. С ним я жил когда-то: Слави Николов Багрянов. «Ты рискуешь!» — предостерегли меня, но дали возможность решать самому. В Софии действительно не могли ждать... Хорошо, ну а кто не рискует? Я махнул на все рукой и поехал, тешась мыслью, что авось не наткнусь в Софии на знакомых. Знаете, это всегда неприятно, если кто-нибудь вдруг хлопает по плечу и принимается расспрашивать, где это ты пропадал целый год... Часы на запястье показывают пять минут первого. Скоро станция. Надо решать. Если Петков точно из ДС, то Слави Багрянову следует исчезнуть. А если нет?

Паника порождает отчаяние и нелепые поступки. Первый уже сделан — Тырговиште. Но это мелочь, сущая мелочь в сравнении с тем, что произойдет, если Слави без основания сотворит очередное чудо невидимки и растворится в воздухе.

Надо решать. Надо быстро и точно решать, Слави. Или ты уверен, что засветился, и тогда уходи на первой же остановке, или возьми себя в руки и признайся, что заболел манией преследования.

Я гашу сигарету и возвращаюсь в купе. Попутчики спят, и среди них нет ни одного, кто внушает подозрения. Пожилой попик с корзинкой у ног, щуплая личность с манерами дамского парикмахера, три женщины — ну эти, пожалуй, не в счет, старичок в очках.

Шестеро. Я седьмой. С самой Софии я приглядываюсь к ним, силясь угадать — кто?

Я намеренно шумно зеваю, покашливаю. Достаяю из сетки саквояж и роюсь в нем. Долго, не меньше минуты. Со дна извлекаются полотенце, кусочек мыла и паста... Попик вертится, покряхтывает во сне.

Покачиваясь и держась за стенку, я иду в туалет и, громко хлопнув дверью, отворачиваю кран. Сполоснув лицо, чищу зубы и подмигиваю своему двойнику, торчащему над раковиной. Грустно подмигиваю...

Засветился или нет? Шестеро в купе. Но разве не может быть, что «хвост» караулит меня в одном из соседних? В сущности, у него простенькая задача: проводить Слави до Тырговиште и не спугнуть в дороге. Работа для пригодишки.

Кран, завернутый до отказа, выцеживает последнюю каплю. Пот и вода покрывают лоб. Я тру его полотенцем и в последний раз выстраиваю факты в длинный ряд: болезнь — трамвай — обморок — Искра — Петков. Несколько звеньев умышленно пропущены, поскольку относятся к разряду ощущений... «Откуда они тебя повели? Неужели от границы?»

Решено: на ближайшей станции — в Плевене — я сойду. Все. И конец колебаниям.

Я надавливаю на запор и с шумом открываю дверь. Теперь все равно. «Хвост», если он в вагоне, должен что-нибудь предпринять. Сойти следом, дать телеграмму из Плевена, помешать мне уйти... Словом, он хоть как-нибудь проявит себя.

5

...Петков огромен и расплывчат. Он нависает надо мной, широко улыбаясь, качает пальцем.

— Послушай, Багрянов! Какой смысл врать, что ты из Добрича? Посмотри, вот ответ на запрос: Слави Николов Багрянов в Добриче не проживает. Не думаешь ли ты, что в ДС работают кретины?

— Ну что ты, — мягко отвечаю я. — У вас в ДС чудо что за умницы!

— Зачем же ты врешь?

— А я и не вру. Клянусь детками!

— Нет у тебя деток, Багрянов.

— Верно, нет. А почему? Все из-за таких, как ты,

Петков. Мыслимое ли дело иметь детей, зная, что рано или поздно какой-нибудь сукин сын подведет тебя под шестьсот восемьдесят первую? Под расстрел подведет... Погоди, Петков, куда ты?

— На полигон. Надо же распорядиться насчет твоей казни. Все будет честь по чести: священник, повязка на глаза, солдатики с патрончиками... Прощай, Багрянов!

Петков машет рукой и взлетает к потолку, теряя очертания.

Был Петков — стало облако.

Оно колышется растекаясь, шепчет нежно и печально:

— Мне жаль тебя, дурачок. Ведь тебе конец. Конец. — Совсем тихо и нежно: — Мы вели тебя от самой границы. До Софии, где ты опустил в почтовый ящик письмо — серый конвертик. И еще нам известно, зачем ты шел в модный магазин на улице Царя Калояна... Скажи, кто тебя ждал там? И где чемоданчик? Чемоданчик из крокодиловой кожи? Мы не нашли его в гостинице... Куда ты его дел? Как тебя зовут? Имя! Настоящее имя! Говори!

— Нет! — вскрикиваю я и открываю глаза.

Фу ты черт! И надо же, чтобы приснилось такое! Кажется, я только успел присесть на лавку в зале ожидания и даже глаз не закрывал. Выходит, устал, до предела устал, да и с нервами не все ладно.

Я сглатываю кислую слюну и тыльной стороной ладони вытираю губы. Сколько я спал? Смотрю на часы и прикидываю — минут десять, может, чуть побольше. Где же моя «тень»?..

Сухопарый субъект в однобортном пальто скромненько, словно и нет его вовсе, жмется в уголке на дальней скамье между пожилой добруджийкой, закутанной в платок, и поручиком с тонкими усиками. Он не смотрит на меня, дремлет, утопив нос в воротнике, и вряд ли найдется в зале хоть один человек, способный угадать, что между ним и Слави есть нечто вроде шпагатики, прочно связывающего их и не позволяющего перемещаться в пространстве по отдельности... Ладно, дружок, сиди себе и не волнуйся. Слави постарается не доставить тебе хлопот. При всех условиях мне нужно обязательно вернуться в столицу, и я не намерен ускорять свой арест попытками смыться в дороге.

Наружник приклеился ко мне еще в Софии. Я засек его, когда прощался с Петковым и Искрой, но потом потерял из виду и решил, что ошибся. До самого Плевена я тешил себя мыслью, что все обошлось и Петков набился Слави в друзья по чистому совпадению, однако сухопарый все же возник на плевенском перроне, и все стало на места. Он ехал в соседнем вагоне, и проводник, очевидно, обеспечивал ему связь с кем-то, кто «вел» меня в моем: иначе трудно объяснить, каким образом агент ухитрился столь быстро догадаться, что я решил сойти, а не прогуляться по перрону. Страхуясь, я делал вид, что это именно так, не отходил от подножки, широко позевывал и демонстративно посматривал на часы, торчащие на фонарном столбе. Саквояж мой стоял в тамбуре — я рассчитывал снять его в последнюю секунду. Перрон был пуст, и за мной никто не наблюдал. Видеть Слави из своего вагона агент не мог, и все же он сошел — не спрыгнул второпях, а именно сошел как раз тогда, когда надо, — и потопал за мной в зал ожидания.

Итак, с кем же я имею дело? Петков, проводник, сыгравший роль курьера между вагонами, два «хвоста». Многовато для скромной персоны Слави.

Судя по тому, с какой тщательностью обставлено наблюдение в дороге, в ДС не импровизировали, а имели время подготовиться. Следовательно, Петков успел дать знать кому следует, что я покидаю Софию. Когда? Мы же не расставались с ним ни на минуту — в ресторане, в гостинице, где брали саквояж, на вокзале... А Искра? Нет, и она не отходила от нас. Что же получается? Чертовщина какая-то...

Вновь, как давеча, вспоминая о причине обморока, я сознаю, что столкнулся с задачкой, решить которую не могу. Какая-то мелочь, крохотная деталька упущена, ускользнула от меня, и, вероятнее всего, безвозвратно.

Я хлопаю по карманам, ища сигареты, и, не найдя, лезу в саквояж. На самом дне, под бельем, у меня лежит запас — сотня «Арды» в мягкой упаковке. «Тень» ненадолго высовывает нос из воротника, но тут же успокаивается: сигарета в моей руке ничем не походит на пистолет и, конечно же, нет смысла поднимать тревогу.

Я закуриваю и, сложив губы дудочкой, выпускаю

тоненькую струйку дыма. Разгоняю ее рукой. И странно, это движение — простое и привычное — возвращает мне душевное равновесие. «А ну, кончай курить!» — приказываю я себе.

Окурок, описав дугу, летит в урну, а я встаю. Не поворачивая головы, вижу, что агент беспокойно держится на своей скамье. Подхватив саквояж и сверившись с указателями, я иду в туалет — не спеша, но и не слишком медленно.

«Хвост», выдержав паузу, тянется следом. Невидимый шпагат по-прежнему связывает нас, поэтому, зайдя в кабинку, я прислушиваюсь и жду, когда хлопнет дверь соседней... Секунд пять прошло: очевидно, не новичок — не стал спешить... Э! А вот это зря! Залез на унитаз и подглядывает через перегородку.

Я стою, не поднимая головы, и тихо злюсь. Экий настырный! Придется справлять нужду под наблюдением. Неловко, но что поделать?.. Меньше всего мне хочется, чтобы агент догадался, что его засекли. Поэтому я держу очи долу и в десятый раз подряд читаю синюю надпись на унитазе: «Ниагара». Латинский шрифт... Американцы, что ли? И чей только след не сыщешь в суверенном государстве болгарском!

Думая об этом, я машинально запускаю руку в карман макинтоша и выуживаю из него плотную бумажку. Листок из блокнота в клеточку. Записка... Детским крупным почерком с наклоном влево. «Вам грозит опасность...» Вот так сюрприз! На миг я забываю о «тени», чей взгляд устремлен на меня поверх перегородки, и перечитываю послание. «Вам грозит опасность...».

Шляпа, плотно сидящая на голове, мешает мне поскрести макушку. Откуда она взялась, эта бумажка? Как попала ко мне в карман? За день я трижды снимал макинтош: в сладкарнице, давая хозяину почистить, в гостях у Петкова и в ресторане. Впрочем, нет. Четырежды. Вечером мы снова заезжали в ресторан... Ну же, Слави, вспомни, когда ты в последний раз лазил в карман! Все так же машинально и не думая о наружнике, я прячу записку и с силой тяну фаянсовую ручку сливного бачка. «Ниагара» издает урчание и извергает водопад. Уверен, на вокзале записки не было в кармане: я доставал билет и обязательно наткнулся бы на нее. Значит, бумажку подложили либо перед самой посадкой, либо в поезде. Кто и зачем?

Когда тебе страшно, самое разумное — плюнуть на все и бежать без оглядки. Но иногда лучше словно бы поглупеть и идти себе, как шел, точно происходящее не имеет к тебе отношения. Так я и поступаю.

Ступив на грязноватый перрон софийского вокзала, я медленно бреду по перрону, давая агенту возможность «зацепиться». Потом направляюсь в камеру хранения. Сдаю саквояж и получаю квиғанцию. Несколько раз пересчитываю сдачу. Агент терпеливо ошивается у щита с расписанием и чрезвычайно усердно изучает его. Вид у него усталый. Мешки под глазами набрякли и побурели. Шутка ли, протащиться за здорово живешь из Софии в Плевен и назад в Софию! Наверное, он проклинает меня за непоседливость и еще за то, что я не поехал в Тырговиште. Здесь скорее всего его должны были сменить.

Не позвонить ли Искре? Дома у нее нет телефона, зато он есть у подруги, и мне дано разрешение воспользоваться им, когда вернусь в Софию.

В киоске на площади я покупаю «Зору» и, не разворачивая, сую в карман — так, чтобы газета торчала для всеобщего обозрения. Надо же дать агенту пищу для ума. Сейчас каждый мой поступок кажется ему исполненным глубокого смысла, и пусть себе гадает — просто так я это сделал или подаю кому-нибудь знак. Впереди у меня два дела — визит к храму Александра Невского и звонок приятельнице Искры. После этого я двину свои стопы на бульвар Дондукова и постараюсь завалиться спать.

В трамвае агент и я ненадолго теряем друг друга. Я еду в моторном вагоне, а он в прицепном, и это делает честь его опыту. Новичок обязательно прилепился бы ко мне вплотную, раздражая своим присутствием. Хороший же наружник не позволит себе назойливости. Он скромен, аккуратен и тактичен. У моего есть все необходимые филеру качества, и он далеко пойдет, если, разумеется, его когда-нибудь не пристукнут в подворотне.

У храма, как всегда, многолюдно; я ныряю в толпу, смешиваясь с ней. Пожилые богомолки — а их здесь немало — питают слабость к скромным молодым людям, и я напускаю на лицо постное выражение. Оно дейст-

вует безотказно: никто не толкает Слави, не преграждает ему пути к стоечке, за которой седовласый служитель церкви торгует свечками и бумажными образками.

— Будьте добры, потолще...

— Пять левов.

— Мерси. Не скажете ли, кто из святых покровительствует путешествующим и страждущим?

— Помолитесь пресвятой деве, она защитит вас и утолит печали ваши. И поставьте свечку святому Георгию.

Седые волосы — белые снега — ниспадают к узким в черных сукнах плечам. Нemoшь тела, но голос тверд:

— Славянин да помолится за славян! И укрепит господь их сердца и дарует победу праведному оружию.

Я отхожу, и две свечи согреваются у меня в ладони. Ай да святой отец! Ты славный агитатор, и дай бог тебе всяческих удач! Хотя чему удивляться? Мало найдется в Болгарии людей, питающих симпатии к Гитлеру. Здесь думают о России, как о старшем в семье; и лучшие улицы Софии носят имена русских — Игнатиева, Гурко, Скобелева, Аксакова...

Выйдя из храма, я задерживаюсь у колонны и принимаюсь разглядывать поминания — маленькие афишки, отпечатанные в церковной типографии. Их несколько десятков. С фотографиями и без. Дань скорби об усопших — матерях, отцах, детях, родственниках... «Ровно год, как нет с нами дорогого Митко — Димитра Илиева Недялкова. Молитесь за него». На фото — мальчик лет восемнадцати, не больше; худенькое лицо, огромные глаза. Что унесло тебя? Болезнь? Или, быть может, ты был ремсистом *, и в подвалах Дирекции полиции Гармидол по прозвищу Страшный бил тебя по почкам? Бил, пока не убил...

Я вглядываюсь в поминания, ища среди них нужное. Вот оно — в самом низу, мокрое от клея и с надорванным уголком. «24 февраля 1943 года тихо почил Никола Гешев. Помяните его, люди, кто как может». Я прикусываю губу и отворачиваюсь. «Помяните его кто как может» — это еще куда ни шло. Но «Никола Гешев»!

* Ремсист — член РМС, болгарского комсомола, действовавшего в подполье.

Прочел бы афишку начальник отделения А службы ДС! Увы, он пока, насколько я знаю, вполне здоров, и автор поминания несколько опередил события. Кроме того, хочу надеяться, что тихо почтить Николе Гешеву не удастся. Самое малое, что он заслужил, — пеньковая петля.

Подумав об этом и перечитав афишку, я уйду. Агент, подождав немного, устремляется следом. Соблюдая дистанцию, мы добираемся до почты, где я отыскиваю телефон и, отделив себя от агента невидимой стеной, набираю номер приятельницы Искры. Стена оказывается нужной мне потому, что «хвост» — от усталости, что ли? — совершает ошибку — приманивается возле ближайшего окошечка, чуть ли не в двух шагах! Ну это уж чересчур!

Телефон Искриной товарки занят. Подождав, звоню еще раз.

— Могу я попросить Милку?

— Милка слушает...

— Это Слави, приятель Искры. Искра дала мне ваш телефон и сказала, что с ней можно связаться через вас. Тысяча извинений...

Почтительность действует безотказно.

— Ах, Слави! Да, Искра говорила мне о вас. Вы хотите ей что-нибудь передать? Впрочем, перезвоните мне через полчаса — и поговорите с ней самой. Она живет рядом, я сбегая за ней.

— Вы так любезны... Знаете что — скажите-ка ей, что я еду сейчас на бульвар Дондукова. Если может, пусть едет туда же... А может быть, вы составите нам компанию? Я буду там минут через сорок.

Пауза. Легкий вздох.

— Сожалею, Слави, но не смогу. Я передам Искре. Значит, через сорок минут? Она, наверно, успеет. Счастливо!

— Тысячу раз мерси, — говорю я и вешаю трубку.

Все получается превосходно, за исключением двух частных. Откуда Милке известно, что Искра сейчас дома? И почему она уверена, что та по первому зову согласится ехать на бульвар Дондукова?

Задав себе эти вопросы и не получив ответа, я покидаю почту и сажусь в трамвай. Меланхоличная «двойка», покряхтывая на поворотах, везет меня вдоль тротуаров, обсаженных голыми липами, барочных порти-

ков, бельведера, рококо и ренессанса. Деловые кварталы. Европа, точнее, фасадная ее часть.

Агент, дисциплинированный, как овчарка, уныло трясется на площадке соседнего вагона. Я отгораживаюсь от него развернутой «Зорой» и даже не даю себе труда проделать в ней дырочку. Век бы его не видел! Уже четырнадцать часов мы с агентом являем миру образец единодушия. Как сямские близнецы. Или как Каин и Авель...

И когда все это кончится — поездки, «тень» за спиной, ожидание? Меня тихо мутит от голода и усталости, и дом на бульваре Дондукова представляется мне желанной пристанью. Успеть бы только поговорить с Искрой до появления Атанаса. Третий в нашей с ней беседе будет лишним, при нем язык Слави не повернется произнести некую фразу — довольно нелепую, но в то же время, как ни странно, наполненную глубоким смыслом. Я очень рассчитываю на нее и уверен, что она позволит Слави отыскать щелку в завесе, за которой скрывается будущее.

Мысль об этом придает мне силы, и в подъезд дома — ничем, кстати, не примечательного — я вхожу бодро, словно и не мотался перед тем четырнадцать часов без сна.

В прихожей темно, дверь в холл открыта, и проем слабо освещен светом, падающим из другой двери, тоже открытой, — в кабинет. Не раздеваясь, я прохожу туда и сажусь в кресло. Искра должна подъехать с минуты на минуту. С чего я начну разговор?

Впрочем, решить эту проблему я не успеваю. Звонок поднимает меня с кресла и тащит к двери.

Выгадывая время, чтобы сосредоточиться, долго вожусь с замком.

Искра улыбается мне с порога.

— Привет, бай-Слави!

— Привет, красавица!

Захлопываю дверь и, подцепив Искру под руку, веду ее в кабинет.

— Садись. Надо поговорить.

Искра вздергивает брови и округляет рот.

— Может быть, ты предложишь мне раздеться? Ты что — только что вошел? Почему ты в макинтоше, бай-Слави?

— Спроси меня о здоровье, — подсказываю я.

— Да, кстати, как ты себя чувствуешь?

— Превосходно! Дорога и заботы — лучший лекарь... Ну а теперь хватит молоть чепуху! Говори: зачем ты подсунула мне это?

Быстрым движением подношу к лицу Искры записку, найденную мною в Плевене. «Вам угрожает опасность».

— Твоя работа?

— Ты о чем, бай-Слави? Что здесь написано?

Так. Дорога порядком измотала меня, но только сейчас я понимаю, как сильно устал. Ноги у меня слабеют. «А ты, собственно, на что надеялся. На чудо?» В чудеса я не верю и все же задаю Искре новый вопрос, содержащий глуповатую фразочку, запрятанную среди других. Сам не знаю, зачем задаю, так, на всякий случай.

Брови Искры медленно ползут вверх, собирая морщины на лбу.

— Ты о чем, бай-Слави? — повторяет Искра. — Никак не разберу, что это ты несешь!

— Не разобрала? Тем лучше. Это я так, пошутил... Слушай, Искра, поедem вечером в ресторан? Ты любишь кофе по-варшавски с тмином и сливками?

— С тмином? А разве в кофе кладут тмин?

Не знаю. Наверное, нет. Во всяком случае, теперь это не имеет значения: Ответ Искры даже отдаленно не напоминает тот, которого я жду, хотел бы услышать. Значит, ошибся!

Всю дорогу от Плевена до Софии я гадал, кто и когда подложил мне записку. Метод исключения привел к Искре, и хотя ее дружба с Петковым, казалось бы, сводила на нет шанс, что Слави сумасшедше повезло и он случайно встретился с кем надо, не стоило отбрасывать этот шанс. Один на миллион. Что ж, на нет и суда нет.

— Раздевайся, Искра. Подождем Атанаса и поедem.

Искра нехотя стягивает пальто. Она все еще недоумевает и потому сердита.

— Что за записка, бай-Слави? Почему ты решил, что я ее писала? Не молчи, пожалуйста! Я успела прочесть. Там сказано, что тебе угрожает опасность. В чем дело?

Я перевешиваю пальто через руку и глажу Искру по волосам.

— Успокойся. Все очень просто. В Плевене я нашел в кармане бумажку. И решил вернуться. Поняла? Может, кто-то подшутил, а может, нет. Коммерция — дело хитрое, подвох на подвохе. Конкуренты как один норовят ободрать тебя. Но бывает — найдется человек и подскажет вовремя: не лезь, мол, в то или се, прогодишь. За это «смажешь» его потом. Поняла?

Искра с притворным гневом бьет меня по руке.

— Скверный! Ты меня напугал... Ладно, я тебя прощаю. Что мы будем делать?

— Ждать Атанаса... Слушай, Искра. Не стоит рассказывать ему ни о чем. Договорились?

— Как хочешь, бай-Слави.

Не женщина — сама покладистость. Не слишком ли? Впрочем, думать об этом мне не хочется. Гораздо больше заботит меня грядущая встреча с Атанасом.

— Ну и кавалер! — капризно говорит Искра. — Позвал, а не развлекает. Ску-учно, бай-Слави.

— Скучно, — говорю я серьезно. — У Атанаса есть второй ключ?

— Конечно, есть...

«Значит, могу и не услышать», — соображаю я.

7

Нет, что ни говори, а ясность в делах не всегда приносит радость.

Я вытираю разбитую губу и вслушиваюсь в звон браслетов на руках. Петков, тяжело дыша, стаскивает с пальцев кастет и прячет его в карман. Разминает правую руку, похрустывая суставами. Вид у него далеко не парадный. Я быстренько прикидываю, во что обойдутся ему новые пиджак и рубашка, и испытываю маленькое удовольствие. Маленькое, ибо сотня левов и даже пять сотен ничто в сравнении с убытками Слави Багрянова.

— Ну как, успокоились? — говорит Петков довольно мирно.

— Вполне, — говорю я и пробую потереть висок.

Хорошо, что кастет только скользнул, содрав кожу. Хуже было бы, если бы шипы проломили кость. Висок саднит, но терпеть можно.

Петков назидательно поднимает палец.

— Сами виноваты. На кой дьявол вам понадобилось меня душить?

— И вы еще спрашиваете?

— Ох, Багрянов! Кажется, мы договорились: без эмоций. Я был склонен вам верить. И надо же!

— Теперь не поверите?

Петков пожимает плечами. Боком присаживается в кресло, покачивает ногой. Черный ботинок притягивает к себе взгляд; в его равномерных движениях есть что-то завораживающее.

Час назад, начиная разговор, Петков вот так же, забываясь, качал ногой, и я подумал, что спокойствие дается ему нелегко. Люди с тонкими губами обычно легковозбудимы, а у Петкова губы словно ниточки. Отметив это, я вел себя тихо, стараясь его не раздражать.

Двое парней, пришедших с Петковым, сидели в холле и не подавали признаков жизни. Активность они проявили лишь вначале, когда Петков приказал меня обыскать. Один из парней, похожий на елисаветинский комод, словно с цепи сорвался: кулак его врезался в мой живот с такой силой, что я явственно ощутил, как сердце уперлось в гортань и застряло там, тяжелое и горячее.

— Эй, эй, полегче! — сказал Петков. — С ума спятил!

Парень с сожалением опустил руки. Помигал. Лицо у него было нежное, с румянцем, как у девушки.

— Э-э... да это я так... на всякий случай. Уж больно здоровый.

— Ничего, — сказал Петков. — Он у нас смирный. Оружие есть?

— Нет... Бумажничек и часики...

— Положи на стол и убирайся. И ты, Марко, иди.

Второй из парней, постарше, выудил из моего кармана портмоне, пошарил в макинтоше и достал записку. Вид у него был озабоченный. Петков молча разглядел смятую бумажку, прочел, кивнул.

— Ладно, Марко. Я сказал — иди. Побудьте в холле, я позову.

Сердце вернулось на место, и я получил возможность дышать. Сил у меня не было. Все произошло слишком быстро и до обидного глупо. Я дремал на диване, укрывшись макинтошем, а Искра караулила мой сон. Что мне снилось? Что-то хорошее. Потом сквозь

дремоту я услышал шаги и голос Петкова. Он о чем-то спросил Искру, та ответила; голоса их вплелись в сон, и, почувствовав руку на плече, я все еще досматривал его: стоял по пояс в траве и примеривал новенькие, с иголочки, крылья. Кажется, я собирался взлететь, но правое крыло было не впору, давило, и я стряхнул его с плеча. И проснулся.

Петков стоял надо мной.

— Атанас? — сказал я. — Извини, я тут прилег...

— Ничего, — сказал Петков. — Искра, оставь-ка нас. Да побыстрее, тебе говорят!

— Извини, — повторил я, собираясь подняться.

Петков равнодушно помахал рукой, сказал:

— Не вставай, Багрянов. Не надо. И не устраивай скандала, иначе я пристрелю тебя. Понял?

Ногой придвинул к себе стул. Сел.

— Ордер показать? Или поверишь на слово?

Я смотрел на него во все глаза и делал вид, что не понимаю. А как прикажете себя вести? Это только так считается, что разведчик, провалившись, обязан кинуться на агентов и устроить свалку. Удар направо, удар налево! Бах, бах! И что? Шумовые и пиротехнические эффекты хороши, если ты не рассчитываешь в конце концов схлопотать дырку в животе. В любом случае разумнее подчиниться и проделать известное гимнастическое упражнение по Мюллеру: руки вверх и за голову. Это дает тебе хоть какие-то шансы...

— О чем ты, Атанас? — сказал я.

— О том, что тебе каюк, — сказал Петков в тон и довольно любезно. — А ты как думал? Впрочем, я тебя не тороплю, Багрянов, поиграй в дурачка, если хочешь.

— Зачем же... Можно вопрос?

— Валяй, — сказал Петков.

— Почему не вчера?

— А смысл? Ты и сегодня бы топал куда заблагорассудится, если б не наделал глупостей.

— Я или твой наружник?

— Оба вы хороши! Где ты его засек? В церкви?

— В клозете, — сказал я со вздохом. — В вокзальном клозете в Плевене. Это так важно?

— Для него — да, но не для тебя.

Я спустил ноги с дивана и сел. Петков явно темнил, вел себя так, словно я дитя без ума-разума. Насколько я помню, «хвост» по меньшей мере трижды подставил

себя: в Плевене, в камере хранения и на почте. Кроме того, Петков при знакомстве мог бы поменять шляпу, а трючок с запиской вообще не лез ни в какие ворота. И после этого он хочет внушить мне мысль, что я сам ускорил свой арест?

— Так, — сказал я и потянулся к столу за сигаретами. — Выходит, на многая лета рассчитывать не приходится?

Петков порылся в карманах, протянул спички:

— Закуривай... А как бы ты хотел?

— У нас в роду все были долгожителями.

— Все в твоих руках.

Хорошая вещь — сигарета. Будь моя воля, я бы памятник поставил тому, кто ввел ее в обиход. Каждая затяжка не просто глоток дыма, но и пауза, более или менее продолжительная; паузы же, как известно, дают возможность преодолеть колебания.

— Ну и?.. — спросил я.

— Для начала — все о задании.

— Это просто.

— Подробно о руководстве, структуре, методах.

— Я сидел не наверху, на нижнем этаже.

— На такое никто не рассчитывал. Однако кое-что ты должен знать.

— Естественно! Еще?

— К кому шел, зачем и так далее. Надеюсь, я не слишком требователен?

Я попробовал выпустить кольцо, но дым выскочил комочком. Петков поморщился, постучал ногтем о стеклышко часов.

— Долго думаешь, Багрянов.

— Соображаю. По этому пункту — сложнее.

— Разве? А я-то думал, ты всерьез! Выходит, не сторговались? Тогда валяй выкладывай легенду. Я послушаю, а потом постараюсь получить правду. Но уже бесплатно.

— Ерунда, — сказал я как мог спокойно и сделал новую затяжку: меня знобило. — Рассказать можно лишь то, что знаешь.

— Выходит, мало знаешь?

— Петков, — сказал я. — В торговле лучше иметь дело с хозяином. Перспективнее. Поедем к нему, и, как знать, не сочтет ли он мой товар первоклассным?

— Кто, по-твоему, хозяин?

— Никола Гешев, на худой конец — Праматоров из отделения В.

— Заместитель не годится?

— Сойдет...

Петков опять подбросил коробок. Поймал. Достал спичку, аккуратно положил ее на диванный валик. Сказал:

— Тогда говори со мной. После Праматорова я второй. Не знал?

— Нет, — сказал я искренне. — А чем докажешь? Может, ты от Гешева!

Петков пожал плечами:

— Было бы так, ты сейчас не сидел бы, а катался по полу и выл. У Гешева не так интеллигентно.

Здесь он был прав. Гешев — контрразведка; там не принято галантное обхождение. Сначала — Гармидол, потом — полигон... Праматоров — из политической разведки. Другие процедуры — потоньше и разнообразнее. И полигон далеко не сразу... Крохотная, но все-таки выгода.

Петков достал новую спичку, положил рядом с первой. Сказал без тени иронии:

— Может, все же прочитаете ордер? Там проставлена должность. Или поверите на слово?

Неправильно думать, что торговля — простое дело. Спросите сведущих людей, и они приведут тьму примеров, когда лавка прогорает, хотя и товар хорош, и цены вроде бы без запроса. А все почему? Или у приказчика физиономия Джека-Потрошителя, или хозяин «тыкает» покупателям без разбора. «Вы» было именно тем нюансом, которого я ждал и без коего Петкову практически не на что было рассчитывать.

— Хорошо, — сказал я и в упор посмотрел на него. — Хотите, чтобы я представился?

— Это от нас не уйдет.

— Куда вы отвезете меня?

— Спешите?

— Не очень.

— Понимаю... И тем не менее поехать придется. Здесь, как вы сами догадываетесь, не та обстановка.

— Знакомые слова! С них вы начали в сладкарнице.

— С чего б ни начать! Важно было другое — вы поверили.

Момент был удобный, и я спросил:

— А вы?

Петков легко, как мяч, поймал на лету мою мысль.

— Тогда или сейчас?

— Сейчас, разумеется.

— Хотел бы, да не могу.

Вот тут-то я и разыграл истерику... Попади я Петкову ребром ладони пониже уха, и в следующий раз моим собеседником был бы кто-нибудь другой. Возможно, Гармидол. Но я приказал себе не попасть, и Петков успел ткнуть меня кастетом. Все произошло быстро, даже Марко не прибежал на шум. Петков придавил мою грудь коленом; защелкнул на запястьях наручники. Пока он проделывал все это, я барахтался и успел порвать ему рубашку и пиджак.

Созерцание лохмотьев доставляет мне в данный момент маленькое удовольствие. Приятно, знаете ли, сознавать, что кое-какие реплики и ремарки в спектакле ДС пойдут по твоим собственным наметкам.

Кроме того, мне понравилось, что Петков не позвал Марко. Мелочишка, конечно, пустячок, но в нем есть своя прелесть. Как говорится, умеющий понимать да поймет! К одной мелочишке я, пользуясь заминкой в разговоре, наскоро приплюсовываю несколько других: отсутствие интереса к Лулчеву, странные промахи шпика, поведение Искры.

Петков качает и качает ногой в медленном гипнотическом ритме. Я перевожу взгляд с ботинка на окно и бездумно всматриваюсь в белесые сумерки. Зимой в Софии темнеет довольно рано. А это что за полосы? Снег?

Память моя — зыбучие пески пустыни. Все в ней тонет. Стоит только захотеть. Я слежу за снегом и перебираю анналы. На самое дно укладываются чемоданчик из крокодиловой кожи, поминание и модный магазин. Колеблюсь, не спровадить ли следом открытку, но, вспомнив, что адресована она безликому предъявителю газеты «Днес» от 16 апреля 1935 года, оставляю ее на поверхности. Там же нахожу местечко и моей старой конторе. Что еще? Господин Любомир Лулчев! Это уже не песчинка — глыба!

— Начнем снова? — говорит Петков, прерывая затянувшееся молчание. — Или поедем?

— Как угодно.

Странный дом. Дурацкий дом. С нелепой планировкой. Он вполне мог быть построен английским архитектором Нэшем в период увлечения абстракционизмом. Я слоняюсь по нему, убивая время, и Марко с недовольной миной бродит за мной по пятам. Два этажа и подвал, поделенный на клетушки. Не надо быть Пинкертоном, чтобы смекнуть, для чего они предназначены.

Петков привез меня сюда прямо с бульвара Дондукова, минуя Дирекцию с ее одиночками. Это было моим условием. В сущности, не так-то и важно, где дотянуть остаток дней, но мне хотелось проявить хоть какую инициативу.

— А если я не соглашусь? — сказал Петков, выслушав меня. — Не слишком ли рано вы выдвигаете условия?

— Нисколько! — заверил я. — Умные люди утверждают, что на каждое дерево найдется свой садовник. Лишь бы в перспективе виделись плоды.

Петков достал из коробка спичку. Погрыз.

— Садовник — это Праматоров?

— Лавры любят все, — сказал я неопределенно. — Праматоров не исключение. И вот еще что. Надеюсь, вы не думаете, что я верю в святость гостеприимства?

— Вы о чем?

— О Гармидоле и побоях. Собираясь в вояж, я заранее брал их в расчет...

Петков закусил зубами спичку, пощелкал по ней ногтем, сказал:

— Ради бога, не делайте вид, что лишь от вас зависит дать или не дать плоды. Суть в ином: что именно вы дадите?

— Праматорову?

— Мне.

— Лично вам — достаточно много.

Он был очень нужен мне — этот разговор. Втягивая Петкова в него, я все пытался понять, насколько он зависит от Праматорова. Если у Петкова нет власти единолично принимать решения, то дело плохо. Хуже некуда.

Петков размолил зубами спичку.

— Хорошо, Багрянов. Пусть будет по-вашему. Мы поедем туда, где нет ни решеток, ни Гармидола, но —

святой праматерью клянусь! — и то и другое появится, если попробуете финтить.

Я кивнул, соглашаясь. Кивок вышел вялый, как раз такой, какой надо, хотя на этот раз я не играл и жест полностью соответствовал моему настроению.

...Остаток дня и большая часть вечера ушли на переезд и писанину. Стилист из меня никудышный, но трехстраничное сочинение на тему «Зачем я здесь?», написанное мной, Петков прочел не отрываясь. Лицо у него при этом было отрешенное, словно исповедь, вышедшая из-под пера Багрянова, потрясала совершенством формы и глубиной содержания.

Я следил за ним с видом первого ученика.

Петков достал авторучку, подчеркнул несколько строк. Разбросал на полях вопросительные знаки.

— Что-нибудь неясно? — сказал я. — Могу уточнить.

— Да нет, на сегодня хватит.

— А пометки?

Петков нехотя улыбнулся. Почесал щеку кончиком ручки.

— Не валяйте дурака, Багрянов. Ваши шуточки и подковырки были хороши за выпивкой, но не здесь.

— Что вам не нравится?

— Все. Тон. Манера. Побольше простоты!

Я и сам понимал, что веду себя не так, как следовало бы, но ничего не мог с собой поделать. «Раз начавши...»

Петков сложил листок пополам.

— Марко! Принеси портфель.

Оба охранника, пока я писал, торчали у двери. После стычки на бульваре Дондукова Петков не отпускал их от себя. Он явно не верил в мою искренность, а у меня не было доказательств чистосердечия. Сочинение, родившееся с немалым трудом и испещренное пометками и вставками, знаменовало самый первый, робкий еще шаг к нашему с Петковым сближению. Я писал его медленно, куда медленнее, нежели мог бы при желании, стремясь, чтобы каждая строчка с фотографической точностью запала в память. За этими тремя страницами должны были со всей очевидностью последовать новые и новые, и горе мне, если хоть в одном единственном случае я буду пойман на разночтении!

— До завтра, — сказал Петков и щелкнул замочком

портфеля. — Марко останется при вас, Багрянов, и покажет вам, где тут спальня. Ты слышал, Марко?

— Точно так.

— Если захотите есть, позвоните — Марко знает куда, — вам привезут. Есть вопросы?

— Нет, — сказал я и прибавил невинным тоном: — Спасибо, Атанас.

Петков стремительно повернулся ко мне. Глаза его стали хрустальными.

— Скотина! — голос его сорвался. — Если ты... если еще раз... то я знаешь что сделаю? — Марко выдвинулся из-за его плеча, но приказа не последовало: Петков, как видно, умел быстро брать себя в руки. — Ладно. До завтра!

...Всю ночь Марко, как собака, пролежал у двери, вдоль порога. Он ни разу ни о чем не спросил у меня, и я, в свою очередь, попытался обойтись без его услуг. Спальня оказалась на втором этаже; я разобрал постель и проспал до утра как убитый.

Петков приехал около полудня и был спокоен и свеж, точно роза. Сравнение напрашивалось само собой, поскольку заместитель начальника отделения В был облачен в свитер чайных тонов, каждая складка которого была совершенна, как лепесток. Марко вытянулся у двери по стойке «смирно» и ел глазами начальство.

— Вольно! — сказал я ему голосом Петкова, и Марко вздрогнул.

Петков посмотрел на меня с интересом.

— Иди, Марко. — Он бросил шляпу на стол. — Не дразните его, Багрянов! Можете доиграться. — Он сел. — Впрочем, дело ваше. — Отодвинул шляпу. — У меня мало времени, Багрянов, и я попрошу вас ответить быстро, коротко и точно. Три вопроса...

Я сел напротив.

— Какие вопросы?

— Первый: номер газеты?

— «Днес» от шестнадцатого апреля тридцать пятого.

— Текст поминания?

— Он не имел значения. Что открытка получена, я узнал по надорванному левому уголку. Это означает: через три дня здесь же.

— А если не придут? Или что-нибудь помешает?

— Тогда каждый вторник с десяти до десяти тридцати на улице Царя Калояна.

— Вас знают в лицо?

Я растопырил ладонь и демонстративно пересчитал пальцы. Загнул четыре.

— Сдается мне, что вопросов должно быть три?

Петков засмеялся, принимая шутку.

— Не скаредничайте.

— Да нет, валяйте, вы здесь хозяин. О чем вы спросили?

— Знают ли вас в лицо?

— Не думаю...

— Предполагаете или уверены?

Он говорил с таким напором, что меня разобрало зло.

— Я не господь бог!

Петков приподнял бровь, но промолчал.

— Пусть так. Сейчас я уеду, а вам принесут завтрак. А потом мы снова встретимся, и, как знать, не удивлю ли я вас кое-чем...

Он сделал паузу, улыбнулся — ни дать ни взять прежний Атанас Петков, хорошо знакомый мне по застолью.

— Не гадайте, Багрянов. Не нужно. Потерпите часок — и все узнаете. А пока — приятного аппетита!

...Час уже истек, а Петкова все нет и нет. Соответственно нет и обещанного им сюрприза. Я сижу в одиночестве и думаю об этом, и еще о том, что или я полный профан, или же сюрприз, обещанный Петковым, не такой уж секрет для Слави Багрянова, каким представляется заместителю начальника отделения В. Впрочем, гадать нет смысла: рано или поздно все в этом мире становится на свои места.

9

Завтра истекает срок.

Завтра кто-то, кого я не знаю, войдет в условленное время в модный магазин на улице Царя Калояна и, не найдя там человека в макинтоше из серой английской шерсти и с «Зорой», торчащей из левого кармана, постоит у прилавка в глубине, купит галстук или коробку носовых платков и удалится, чтобы никогда больше не прийти сюда, ибо мое отсутствие в переводе

с-языка символов на болгарский скажет кому надо, что человек в макинтоше провалился.

Голова... У меня ужасно болит голова. И губы — не мои губы. Они вспухли, стали огромными; я пытаюсь облизнуть их, но не могу. Марко и тот второй — его зовут Цыпленок — на славу отделали меня в подвале. Им помогал неуклюжий детина со сплюснутыми ушами боксера. Для начала они завели мне руки назад, стянув их колодкой, а затем без долгих разговоров пустили в ход дубинки. Я корчился на бетонном полу, и вонь — одуряющая вонь свежевывищенных ботинок — душила меня. Дубинки врезались в спину, почки, полосовали шею и крестец. Все трое били размеренно, сменяя друг друга, а когда Марко — старший — сказал: «Хватит», — сели возле стены на корточки и закурили. Покурив, Цыпленок встал и нехотя, без особой силы, раза три ткнул меня лицом об пол.

— Эй, — негромко сказал Марко. — Нашел забаву.

Я с трудом повернул голову и увидел лицо детины с примятыми ушами. Он упирался подбородком в колени и смотрел на меня как на вещь. Или как на покойника.

Сейчас я вспоминаю все это и радуюсь, что жив. Я лежу на спине, прихлестнутый двумя парами наручников к железной кровати. Ноги привязаны к спинке. Матрас и подушка убраны, и круглые пружины впи-ваются в ребра.

Я лежу и жду. Чего?

Судя по шагам и шорохам, доносящимся сверху, Петков и его люди собрались в угловой гостиной первого этажа. Я недаром потратил полтора часа на осмотр дома и помню наизусть каждый закоулок. Признаться, я немало этим горжусь, ибо архитектор, строивший виллу, по-моему, задался целью доказать, что смысл и искусство несовместимы. Ход в ванную он устроил из оранжереи, а на втором этаже — между кухней и залом с антресолями — разместил две треугольные комнаты без окон. Любопытно, зачем он все-таки соорудил этот хаос? Впрочем, бог с ним, с домом! Гораздо больше меня волнует другое: чем занят Петков и не готовит ли он очередной — третий по счету — сюрприз?

Говоря по совести, я сыт первыми двумя.

Даже более чем сыт...

...Петков — вопреки обещанию быть через час — приехал на виллу с опозданием. И не один, а в сопровождении короткопалого субъекта с фонендоскопом в кармане пиджака и саквояжем в руке.

--- Заждались? — спросил Петков и подтолкнул меня к окну. — Раздевайтесь... Осмотри его, Фотий.

Я разделся, и эскулап выстукал мою грудную клетку, пощупал пульс. Пальцы у него были холодные и толстые, как каротель. «Дыши!» — буркнул врач и, игнорируя фонендоскоп, припал ухом к моей груди. «Не дыши!» Пока я послушно выполнял команды, Петков скучал в кресле и курил, стряхивая пепел куда попало. «Садись!» — сказал врач и достал коробку с прибором, похожим на градусник. Давление, слава богу, мне измеряли и раньше, но сейчас — не знаю почему — мне стало не по себе... «Сто двадцать на семьдесят...» Врач сложил фонендоскоп, захлопнул крышку коробки. Затолкал их в саквояж.

— Одевайся! Он здоров, здоровее не бывает.

— Минутку, — сказал Петков. — Ты помнишь, Фотий, о чем я говорил? Обморок, высокая температура.

— У него? Позавчера?

— Не у меня же! — сказал Петков с подавленным раздражением.

— Он ничем не болел, даже насморком.

— Ладно, Фотий. Я понял... Спасибо за консультацию.

Петков оттянул ворот своего роскошного свитера, словно расслабляя петлю. Проводил глазами врача. Подождал, пока за тем захлопнулась дверь, и только тогда обратился ко мне с вопросом, бывшим, пожалуй, лишним при этих обстоятельствах:

— Слышали?

— Да, — сказал я, понимая, что здесь к чему.

— Диагноз верен?

Я пожал плечами.

— Врачи ошибаются. Даже профессора.

— Наш Фотий — нет. Правда, ему больше везет на переломы и вывихи, чем на ангины, зато практика у него обширная, и распознать симуляцию ему ничего не стоит.

Петков вынырнул из кресла и встал передо мной.

— Багрянов! Я предупреждал: простота и откровенность! — Он оттянул и отпустил ворот свитера. —

Так вот, вы многое выиграете, если скажете, зачем вам понадобилось терять сознание на улице Царя Калояна, а перед тем подсовывать нам в номера градусник с несбитой ртутью. А заодно — поняли, за-од-но! — объясните, и без вранья, где и на чем вы засекли моих наружников? Не того, что ездил с вами в Добрич, а других, пораньше.

— Велик секрет!

— Не велик? Так где? Где вы их срисовали? Возле гостиницы?

— Рассказать сейчас?

— Лучше напишите. Можете не сейчас, к вечеру. Кстати, какой препарат вы проглотили, когда шли в аптеку? Фармацевт клянется, что пульс у вас был бешеный.

Я вспомнил печального пройдоху, выманнвшего у меня пятнадцать левов, и подумал, что люди Петкова наверняка выудили из него все.

— Ваш Фотий неуч, — сказал я с тупым упрямством. — Я действительно был болен. Слышите: бо-лен! Или вам нужна ложь? Целая гора лжи?

Петков посмотрел на меня в упор.

— Не так пылко, Багрянов! Отрицая, вы даете лишнее доказательство, что обморок не был случайностью. Так сказать, импульсивной реакцией на нечто конкретное. Соображаете?

— Признаться, с трудом.

— А между тем все просто. Вы установили, что вас ведут, и все-таки поперлись на явку. Почему? Надеялись стряхнуть наружников и выйти на randevu? Пожалуй... При этом, однако, вы допустили варианты. В частности, такой: наружники опыты, и оторваться не удастся. На этот случай вы заготовили свой «обморок». Сознаюсь: удачная находка, и забазировано все было по высшему классу. Термометр, визит в аптеку, неровная походка. Вы правильно рассчитали, что любые мелочи, касающиеся вас и, в частности, вашего драгоценного для ДС здоровья немедленно будут доведены до сведения тех, кто принимает решения, и после этого им придется поломать голову над вопросом: как поступить? Начни вы без зазрения совести мотать наружников по городу, обходя явку, мы б разобрались в ситуации и вынуждены были бы вас взять. Какой смысл давать вам бегать по воле, если наблюдение расшифровано? Но

вот как быть, ежели чистая случайность, этот вот самый обморок, вдруг останавливает вас и лишает возможности дойти до цели? Вы следите за моей мыслью? Так вот, что должны предпринять в ДС при подобном раскладе? Очевидно, оставить вам свободу и ждать, пока вы снова выйдете на randevu. Не так ли?

Идея была изложена длинновато и не совсем точно, но суть, к сожалению, совпадала с моими собственными соображениями на этот счет, и я сделал печальное открытие, что Слави и Петков мыслят одинаково.

— И вам, конечно, известна явка? — спросил я, изо всех сил стараясь быть ироничным.

— Пожалуй. Модный магазин?

— Почему он?

— Два визита за двое суток, и мелкие, ненужные вам покупки. Перечислить? Расческа, перочинный нож, портмоне.

— Ну и что? Их вы нашли у меня при обыске. Выходит, они были мне нужны. В обиходе.

Петков раздвинул губы в вежливой улыбке.

— Нашли. Но вам, если хотите, покажут урны, куда вы спровадили другие ножик и расческу — те, которыми пользовались раньше.

Что ж, приходится признать, что наблюдение велось прилично. Я действительно дважды заглядывал в модный магазин, разведывая обстановку, но наряду с ним заходил и в другие. От ножика же и расчески я избавился в разных концах города и, как мне казалось, с достаточными предосторожностями.

— Это все? — сказал я довольно спокойно. — Не вижу связи.

Петков предупреждающе поднял руки.

— Я устал повторять: не спешите! Мне не нужны ваши экспромты. Вечером и письменно! И в такой последовательности: все о причинах обморока, все о модном магазине и все о том, как засекли наружников. Кроме того, я хочу получить еще один отчет о задании.

Обстоятельность, с которой Петков добирался до цели, внушала уважение. Он не пренебрегал мелочами и не лез напролом, и это в какой-то степени соответствовало моим собственным желаниям. На сбор мелочей уходило время — часы и часы, складывающиеся в сутки. В положении же Слави Багрянова лишние сут-

ки были резервом, ценность которого ничто не могло приуменьшить.

— Я ждал сюрприза, — сказал я и сел. — Доктор и светлое озарение, посетившее вас по поводу явки, — это все или у вас есть еще что-нибудь про запас?

Петков нехотя улыбнулся. Сделал несколько шагов к двери, приоткрыл ее и поманил кого-то пальцем. Я сидел и ждал, что увижу Искру, и готовился сказать ей: «Привет!» Почему-то мне казалось, что Петков даст нам очную ставку и попытается выяснить, с чего я вздумал назвать ей давно проваленный пароль. Однако вместо Искры в комнате появился молодец в макинтоше и шляпе, точь-в-точь таких, как мои собственные.

— Проходи, — сказал Петков парню. — Стань-ка поближе к свету. Вот так. Ну как он, на ваш взгляд?

— Довольно похож.

— Пройдись-ка, дружок! Вы что, недовольны, Багрянов?

— Да нет, ничего, — сказал я без энтузиазма.

Если Петков рассчитывал меня поразить, то мог бы приготовить что-нибудь поэффектней. Подобрать среди агентов того, кто фигурой и манерой держаться походил бы на Слави Багрянова, не составляло труда. Банальный трюк с подменой, старый как мир. И это все? Выходит, я переоценил Петкова?

— Ничего, — повторил я, стараясь не выдать разочарования. — Газету пусть положит в левый карман, так, чтобы заголовок был хорошо виден.

— Еще что-нибудь?

— Да нет, вроде бы все..

— Иди, — сказал Петков парню. — Посиди внизу. Чего вы морщитесь, Багрянов?

— Что же мне — «браво» кричать?

Петков позволил себе улыбнуться.

— Верно. На вашем месте я бы тоже не ликовал, зная, что вместо меня на явку пойдет подменный. Думали, я повезу вас на улицу Царя Калояна? И дам шанс бежать?

— А был бы шанс?

— Вряд ли, — сказал Петков уже без улыбки. — Ладно, до вечера!

Мы расстались, и до самых сумерек я трудился не покладая рук. Отчет получился чистеньким, без пома-

рок, и Петков, приехавший вечером, мог быть доволен Слави Багряновым — все было подробно, последовательно и удобочитаемо. Но он и не глянул на творение рук моих. Сел, отодвинул бумаги в сторону, молча закачал ногой.

— Что-нибудь стряслось? — спросил я, предвидя ответ: вид у Петкова был такой, что вопрос был чистой воды риторикой.

— Для вас — да! — сказал Петков и оттянул ворот свитера. — Багрянов, когда вы познакомились с Искрой? Быстро!

— Вы же знаете, позавчера.

— Кто дал вам записку?

— Понятия не имею. Я и сам был бы не прочь узнать, кто!

Я сказал правду, и Петков, очевидно, понял это. Тон его стал спокойнее, и палец перестал терзать ворот.

— Вот что, постарайтесь не напутать. Вспомните: была ли Искра на улице Царя Калояна до того, как вы соорудили свой обморок? Видели вы ее?

— Нет, — сказал я, подумав. — По-моему, нет.

— Вы сами набились на знакомство или она проявила инициативу?

— Все вышло спонтанно, само собой.

— Спонтанно? Багрянов! Слушайте и будьте предельно внимательны. Напрягите ум и призовите на помощь логику. Не сложилось ли у вас впечатление, что Искра подсунула вам записку?

— Бред! — сказал я быстро.

Петков стиснул зубы, скулы его напряглись.

— Без эмоций, Багрянов. Да или нет?

— Но она же ваш работник!

— Не совсем... Ваша подружка — человек Гешева.

— Тем более.

Петков с силой потер висок ладонью. Сказал, словно размышляя вслух и адресуясь скорее к себе, чем ко мне:

— Гешев не поручал ей быть на улице Царя Калояна и вступать с вами в контакт. Совпадение или умысел?.. А записка?

Он замолчал, давая время по достоинству оценить откровенность. Минуты, отпущенной им, хватило на то, чтобы прикинуть разные разности и вспомнить, что

мысль о причастности Искры к записке мелькала у меня самого.

— Ну уж нет! — сказал я сердито. — Послушайте, Петков, когда речь идет обо мне и задании, я готов идти до конца. Но в ваши с Гешевым семейные делишки меня не путайте! Понимаю, у вас появилась возможность подставить ему ножку, припутав Искру к записке и делу Багрянова. Однако, согласитесь, участвовать в вашей склоке мне не с руки. Гешева вы не свалите, а с меня Гармидол или кто-нибудь другой спустит шкуру... Нет, нет. Я пасую.

Странное выражение лица Петкова остановило меня, и последнее слово я выговорил уже по инерции.

Петков встал. Помедлил.

— Марко! Цыпленок! Божидар!

Трое шагнули через порог и остановились у меня за спиной.

— Багрянов, — сказал Петков тихо. — Мне очень жаль, но я не вижу другого выхода. Мне нужна правда, Багрянов...

Он говорил еще что-то, но здесь в памяти Слави Багрянова зияет пустота. Я лежу и пытаюсь вспомнить. Тщетно.

Воздух в комнате уплотнился до такой степени, что его легче откусить, чем вдохнуть. Придет кто-нибудь наконец или я задохнусь? Я закрываю глаза, и мир плывет, плывет...

10

Сколько я пробыл в подвале? Судя по всему, до глубокой ночи. Где-то под утро Петков спустился вниз, критически осмотрел меня и, не произнеся ни слова, удалился, после чего Марко и Цыпленок выволокли меня за шиворот и втащили наверх — в угловую столовую второго этажа. Здесь они и бросили свою поклажу, то есть меня, присовокупив к ней тощий тюфячок и не менее тощее одеяльце.

Холод, темнота, тишина. И боль. Все тело — сплошная боль. Она и ее союзник холод терзают меня, и я не могу заснуть, хотя утро, судя по всему, предстоит невеселое и мне еще понадобятся силы... Много сил...

Я, стараясь не стонать, с головой накрываюсь одеялом и, организовав себе подобие норы, нагреваю ее ды-

ханием. Ладно, не так уж все плохо, как могло быть. В моем положении есть по меньшей мере один плюс: никто не мешает думать. А это немало!

Утром в 10.30 сотрудник Петкова направится в модный магазин. До этой поры мне в известной степени гарантированы покой и относительная безопасность. Однако не берусь предсказать, что выкинет заместитель начальника отделения В, получив вместо победной ре-ляции каллиграфически выведенный ноль. «Зора» в левом кармане лишний раз предупредит того, кто должен встретиться со Слави, что курьер Центра провалился и надо брать ноги в руки. Не сомневаюсь, что, подстраховываясь, Петков будет держать возле магазина агентов и по истечении контрольного срока организует что-нибудь оригинальное — вроде проверки документов у покупателей. Но и тут ноль не превратится в единицу. Каюсь: исповедуясь перед Петковым, я упустил из виду одну чисто техническую подробность. Суть ее в том, что явка в модном магазине — чистейшей воды вымысел! Я изобрел ее тогда, когда засек наружников из ДС. Один из них слишком плотно приклеился ко мне в день въезда в гостиницу, и я, проверяясь, сварганил на скорую руку «маячок» — дальний прилавок в магазине, где было поменьше покупателей и где Слави мог отсортировать чистых от нечистых. Их оказалось двое: пожилой, в коричневом пальто из драпа, и помоложе, худощавый, быстрый, с родимым пятнышком повыше губы.

Что же касается встречи, то она в соответствии с шифрованным текстом открытки должна была состояться позавчера непосредственно на улице Царя Калояна. Мое отсутствие само по себе не означало, что Багрянов засветился, и обладателю старомодного «Патекка» пришлось бы приходить еще трижды с перерывами в сорок восемь часов, поэтому я вынужден был отправиться туда и — ах-ах! — натуральным образом шлепнуться у него под носом, успев при сем переложить обе перчатки в правую руку. Фразы, которыми мы обменялись относительно времени, внесли ясность в ситуацию, и теперь седоусый — или кто-нибудь другой вместо него — должен появиться на противоположном от магазина тротуаре с единственной задачей — удостовериться, из какого кармана торчит «Зора».

Я лежу в согревшейся норе и более или менее бес-

пристрастно оцениваю дело рук своих. Право же, история с модным магазином сочинена недурно! Два визита, бесполезные покупки. Масса характерных предосторожностей, которыми я обставил избавление от ножичка и расчески... Двое суток творил я свою легенду, пока — видит небо! — сам не уверовал в нее настолько, что могу, ни разу не сбившись, рассказать ее и во сне.

Итак, седоусый, если и придет, гарантирован от осложнений с ДС. Будем надеяться, что Искра не запомнила его в лицо и, уж во всяком случае, не придавала значения диалогу о «Патеке» и грандиозных свойствах, ему присущих. В противном случае, как ни печально, ей может взбрести в голову мысль сопоставить вопрос Слави о времени с наличием на его руке новенького «лонжина».

Искра... С ней все запуталось донельзя. Петков утверждает, что на улице Царя Калояна она оказалась случайно. Возможно. Хотя в принципе это не вяжется с избранной ею ролью. Или Гешев держит в отделении А проституток, не запрещая им совмещать два древнейших ремесла?

Искра... Искра и пароль. Пока одно ясно: к числу тех, кому доступен пароль, она не принадлежит. Иначе Петкову было бы доложено, что Слави интересовался кофе с тмином, а заместитель начальника В не дал бы такой информации пропасть.

Итак, Искра и пароль. Нет, что-то здесь не то. Но что?

В нормальном состоянии я соображаю не хуже других — в меру быстро и правильно. Сейчас, однако, голова у меня не в порядке. Она моя и не моя. Чертов Цыпленок перестарался в стремлении проверить прочность моего черепа. Поэтому я медленно — гораздо медленнее, чем хотелось бы, — продираюсь сквозь чашу фактов и фактиков к выводам. «Начни с простого, — говорю я себе. — Твоя приятельница появилась на улице Царя Калояна примерно в одно время с седоусым. Это что-нибудь значит или простое совпадение?»

Я укладываю поудобнее левую руку и загибаю мизинец. Улица Царя Калояна — раз. Легкое знакомство — два. Седоусый — три. Есть между всем этим какая-нибудь связь? Оттопыренные пальцы — большой и указательный — упираются в одеяло, напоминая мне, что не все вопросы исчерпаны. Их не пять и даже не двад-

цать пять, но пока я ограничиваюсь тремя. Каждый из них, взятый в отдельности, не стоит ничего, но в сумме они наталкивают меня на вывод. Он вырисовывается достаточно четко — замкнутый круг, безнадежно правильный и унылый.

Значит, так: Искра и седуусый появились одновременно, и оба — каждый по своей причине — задержались возле лежащего Слави. В маленькой толпе, сгрудившейся на тротуаре, я заметил наружника, топавшего за мной от самой гостиницы. Не могло бы случиться, что он и Искра поменялись ролями? То есть наружник перенял у нее седуусого, а взамен передал меня? Или нет?

Пальцы правой руки служат мне для подсчета возражений. Один, два, три... Тоже три. Школьная арифметика.

Во-первых, Искра, вместо того чтобы издали наблюдать за Слави, с места в карьер набилась на знакомство и в известном смысле расшифровала себя. Во-вторых, при чем тут появление Петкова в сладкарнице? И, наконец, мой «хвост» был приставлен отделением В, тогда как Искра работает на Гешева. При такой расстановке сил замена объектов невозможна.

И все-таки, как ни горько признать, но сдается мне, что Искра шла за седуусым. Они оказались возле упавшего Слави одновременно, и это больше, чем простое совпадение. Кому она передала седуусого? Очевидно, кому-то из людей Гешева, не замеченному мной в толпе... Из этого следует, что делом Багрянова занят не один Петков. Гешев — до поры нейтральный — сидит себе в кабинете у Львова моста, выжидая того благословенного часа, когда соседи сделают всю черную работу. При этом вполне понятно, что Искра не торопится сообщать конкуренту о пароле.

Холод врывается под одеяло и окатывает меня с ног до головы. Что же получается? Полный провал? Засвечен не только я, но и седуусый и, вполне возможно, те, кем он послан на связь?

Круг, замкнут, и выхода нет. Мысль моя мечется в нем, натываясь на черную черту, и, отброшенная, возвращается к исходному раз, два, три — школьной арифметике и повторению пройденного.

Ладно, давай еще раз. И спокойнее, пожалуйста. Искра, седуусый, Петков. Опять три? Везет же тебе на

тройку... А если все-таки исключить седоусого и замкнуть все на себе? Могло же быть и так: оба отделения — каждое само по себе — вышли на Багрянова, но Петков перехватил инициативу и обставил Гешева. В таком случае объяснимым становится, почему Петков клюнул на модный магазин и не прибрал к рукам седоусого.

Так... Три плюс три и минус три. Что в итоге? Все та же злополучная тройка, но на сей раз в иной комбинации единиц: делом Багрянова заняты оба отделения; седоусый вне подозрений контрразведки; пора наконец вспомнить о чемоданчике.

Тепло понемногу возвращается ко мне, убаюкивает, провоцируя Слави предаться идиллическим грезам. Сейчас, когда все как будто бы стало на места, можно и помечтать. О чем? Ну, скажем, о такой утопической возможности, как причастность Искры к подполью. Почему бы и нет? Разве Соппротивление не могло внедрить товарищей в ДС? В этом случае финал злоключений Слави должен выглядеть донельзя оптимистичным. Ну, скажем, таким: на заре дверь камеры распахивается и Искра с дымящимся пистолетом в руке бросается мне на шею. «Ты свободен!» — кричит она, и глаза ее сияют. «А Петков?» — «Смотри!» Ба, что это? Заместитель начальника отделения В стоит на коленях и молит о пощаде...

Я с трудом размыкаю веки, и сон, едва начавшись, рассеивается как розовый дым. Ну и чушь! Искра и подполье... Искра и Гешев — вот что есть наяву. Или нет? Почему бы не допустить, что Соппротивление, внедрившее Искру в ДС, поручило ей подстраховать явку на улице Царя Калояна?

Три версии. Опять три. Похоже, что мне вовек не избавиться от набившей оскомину тройки. Сущее наваждение!

Я лежу один в полной темноте и думаю о всякой всячине.

Память работает безотказно, и нет больше ни ям, ни провалов. Я всегда считал ее чем-то вроде моего личного перпетуум-мобиле и, был, признаться, удивлен, когда она внезапно забастовала. К счастью, простой был краткий, и теперь я, восполняя убытки, то и дело запускаю руку в хранилище и черпаю оттуда щедрыми пригоршнями. Петков, вопрошающий об Искре и за-

писке... Телефон Лулчева... Сценка на Плевенском вокзале... А это кто? Худое, энергичное лицо с чуть прищуренными глазами. Антон Иванов. Таким я увидел его впервые — на афише Дирекции полиции. «Разыскивается... Приметы... 50000 левов награды тому, кто...» Антон Иванов — человек из героической легенды, партизанский командир. Его бригада отбивается от карателей в Родопях. Рабочая Болгария боготворит его, и портрет, вырезанный из афиши, при обысках находят рядом с иконами.

Война... Опа, а не страсть к вояжам привела меня сюда. И она же заставляет хитрить, ловчить, притворяться — делать все то, что, казалось бы, противно человеческому естеству.

...Утро приходит ко мне с ослепительным электрическим светом и голосом Петкова:

— Багрянов!

Я приподнимаю голову и тут же, не сдержав стона, роняю ее на тюфячок. Боль, поутихшая было за ночь, возвращается удесятеренной и не дает мне встать.

— Лежите, — говорит Петков и пальцем оттягивает ворот свитера. — Цыпленок, дай-ка нам кофе. Будете пить?

— Нет, — говорю я.

— Все равно две чашки, Цыпленок.

— Знаете, — говорю я хрипло, с трудом подбирая слова. — Забавные у вас методы, Петков. Сначала — дубинка, потом — кофе.

— Первое не исключает второго. Поставь его чашку на стол, Цыпленок. Захочет — возьмет.

— Не захочу.

— Ну как знаете...

Петков отпивает глоток и, наклонившись, водружает чашку возле моего лица. Вытирает платком губы. Платочек бел и свеж, и крепкий кофе оставляет на нем кровавистого цвета пятна.

— Багрянов, — говорит Петков и, сложив по сгибам платок, прячет его в нагрудный карманчик, — окончим дискуссию. В последний раз: вы ничего не напутали? Время от десяти пятнадцати до десяти тридцати и «Зора» в левом кармане? Так?

— Так.

— Тогда — до новой встречи. Цыпленок! Марко! По-

будьте с ним и дайте поест, если попросит. Туалет внизу, Багрянов. В случае чего вас проводят.

Дверь захлопывается, а я отодвигаю голову от края тюфячка. Горячий пар бьет в лицо, дразнит ароматом. Похоже, настоящий колумбийский. Или бразильский? Для господ из ДС нет ни войны, ни затруднительных таможенных режимов.

Через полчаса-час подменный Петкова отправится на randevu. Знал бы заместитель начальника отделения В, какую услугу он оказывает Багрянову! Не найди он человека на мое место, пришлось бы вывозить в модный магазин меня самого. После этого трудно было бы объяснить, что помешало Багрянову встретиться с интересующим Петкова лицом. А так — я надеюсь! — неудачу удастся свалить на агента: не там стоял или не так держал перчатки...

11

Шикарные сигареты «Арда». Лучший в мире сорт! Вместо табака в них закладывают гремучую смесь, и первая же затяжка разрывает легкие в клочки. Глотнув дыма, я судорожно кашляю и буквально купаюсь в собственных слезах. За неимением платка утираю их ладонью и тут же, давась и постанывая от удовольствия, всасываю новую дозу газообразного динамита. Понять мои муки и счастье может только завзятый курильщик, прошедший, как и я, через двухсуточное вынужденное воздержание.

Райский миг. Неслыханное блаженство.

— Спа...о, черт!.. Спасибо, Искра!

— Не стоит, бай-Слави. Бедняга, тебе не давали курить?

Я киваю и делаю новую затяжку.

— Тебе бы побриться, бай-Слави.

— Распорядись.

— Я сказала глупость?

— Нет, что ты! Все в порядке.

Словно сговорившись, мы несем чепуху, избегая возвращаться к разговору о кофе и погоде, состоявшемуся несколько минут назад. «Бай-Слави, — сказала Искра и выразительно сдвинула выщипанные бровки. — Помнишь, ты как-то спрашивал, люблю ли я кофе по-варшавски со сливками и тмином?» — Перед этим мы го-

ворили о вещах отвлеченных, и я едва не поперхнулась. — «О чем?» — «О кофе. Ты знаешь, я попробовала — и оказалось вкусно. Только при варке надо прибавлять чуточку соли». — «Сколько?» — «Четверть чайной ложки примерно. И не кипятить». Пароль и отзыв были названы правильно, и я открыл было рот для нового вопроса, однако Искра скосила глаза в сторону Цыпленка, восседавшего на табуретке у двери, и рот мой захлопнулся сам собой.

— Ты в претензии на меня? — сказала Искра.

— За что, собственно?

— За сладкарницу и бульвар Дондукова.

— Нет, конечно. Ты делала свое дело, я — свое.

Цыпленок, наостривший было уши, сник на табурете; я тоже успел опомниться, и хладнокровие возвращалось ко мне капля за каплей, умиряя пульс и дыхание. И вовремя! Ибо полминуты спустя Искра невинным тоном прирожденной лгуни произнесла новую фразу — о снеге и дожде.

— Что? — сказал я, отказываясь верить ушам.

— Я говорю, сыро сегодня. То снег с дождем, то дождь со снегом.

— А тумана нет? — сказал я механически.

— Не обратила внимания.

До этой секунды стул мой стоял на прочном паркетном полу. И вдруг оказалось, что все не так: и стул не стул, и пол не пол — подо мной, подброшенная волнами, закачалась утлая лодочка и поплыла неведомо куда без руля и без ветрил.

Искра смотрела мимо меня, и лицо у нее было серьезное.

...В полдень, когда Петков предупредил меня о встрече с Искрой, я не слишком удивился. Не поразило меня и то, что к отсутствию контакта в модном магазине заместитель начальника отделения В отнесся без особого гнева. В сложной партитуре, создаваемой нами совместно, тональность каждого инструмента была расписана заранее и с такой определенностью, что, к примеру, партию скрипки-альта не смогла бы вести виолончель. Сейчас была очередь тромбона, и Петков блестяще исполнил соло.

Я полулежал на тюфячке, а он мерил шагами комнату. Пять туда, пять обратно, и все по диагонали.

Остановился. Оттянул по привычке ворот свитера. Сказал, будто размышляя вслух:

— Допустим, вы правы, и произошла обычная задержка. Когда контрольные randevu? Каждый вторник с десяти пятнадцати до десяти тридцати?

— Да, но не в магазине, а на самой улице.

— Выйди-ка, Цыпленок, — сказал Петков и опять оттянул ворот. — Багрянов, мне важно, чтобы вы правильно поняли меня... Ты все еще здесь?

— Ухожу, начальник...

— Вас прервали, — сказал я. — Что следует понять?

— Не то... Речь пойдет не о магазине. С ним более или менее ясно, и я склонен вам верить. По крайней мере, до будущего вторника.

— Какой мне смысл врать? Нет ничего хуже, чем идти до половины.

— Демагогия, Багрянов! Знаете, слушая вас, я иногда ловлю себя на мысли, что это вы, а не я работаете в ДС. Уж до того вы лояльны, что просто страшно дается...

Петков сощурился и поскреб пальцем подбородок.

— Мы ушли в сторону... Записка!.. Не считайте наш разговор о записке окончательным. Она существует и, образно говоря, буквально вопиет о том, что не хочет кануть в Лету. Кто дал ее вам, когда и где?

— Не в курсе. Не представляю. Не знаю.

— Хорошо! Тогда другой вопрос: вы убеждены, что Искра непричастна к записке? Вы что, онемели, Багрянов?

— Нисколько, — сказал я и присел. — Просто тема старая и, на мой взгляд, исчерпала себя. Неужели вы не поймете, что я не брат вашей Искре, не сват и так далее? И именно поэтому могу взять грех на душу и сказать: «Да, это она!» У меня нет оснований быть благодарным Искре за ловушку на бульваре Дондукова, и посему, если она, а не я, попадет в оборот к Цыпленку, то меня это вполне устроит. Хотите услышать «да»?

— В придачу к доказательствам!

— Чего нет, того нет. О доказательствах заботьтесь сами.

— Следовательно, нет?

— Вот именно. И не ходите вокруг да около. Что я должен сделать?

— Забыть о подвале.

— Еще?

— И о нашем разговоре по поводу Искры и Гешева.

— А об этом?

Я не рассчитал и слишком энергично ткнул пальцем в шишку. Боль раскаленной железкой ожгла висок и проткнула барабанную перепонку. На мгновение я оглох.

— ...все пройдет, — сказал Петков. — Допустим, ничего не было. Несчастный случай: вы упали с лестницы. Договорились?

Я кивнул и отвел руку от уха.

— А смысл?

— Мне позвонил директор полиции. Могу предположить, что ваша приятельница насплетничала Гешеву, а тот нажал на начальство. Мне приказано разрешить ей подключиться к работе.

— Так... — сказал я и с видимым усилием потер лоб. — Ну а я?..

Петков не дал мне закончить. Положил руку на плечо, легонько надавил.

— Искра скоро будет здесь и, возможно, захочет с вами говорить. На всякий случай Цыпленок или Марко останутся в комнате и помогут вам не проболтаться о подвале. Во всем остальном я полагаюсь на присущий вам здравый смысл.

— Значит, делиться не станете?

— Не грубите, Багрянов. Речь идет не о дележе между мной и Гешевым, а о вашей собственной судьбе. Помнится, я предупреждал вас, что в отделении А другие методы. Так будьте же благоразумны и не дайте Гешеву повода отобрать дело у нас.

...Искра приехала после обеда и сейчас сидит передо мной как ни в чем не бывало — недовольно шурится и отмахивается от табачного дыма.

Я провожу рукой по щеке, ощупывая выступившую за двое суток щетину.

— Порядком оброс?

— Тебе не идет, — говорит Искра и улыбается. — Раньше ты мне больше нравился. Учти, молодым женщинам импонируют гладко выбритые лица. Здоровье и сила... Хорошие сигареты?

— «Арда»? Лучше не бывает.

— Кури на здоровье. Завтра я принесу еще.

Ничего не понимаю! Утлую лодчонку, в которой я плыву, мотает волнами из конца в конец океана, не давая пристать к берегу... Старый пароль — это куда ни шло. Я был готов его услышать и подозревал, что Петков постарается обеспечить предлог для нашей с Искрой встречи. Но новый! Кто знает его? Я, тот, к кому я шел, и, возможно, седоусый. Неужели он провалился? Или я схожу с ума и Искра имеет отношение к организации? В диалоге о снеге с дождем нет ни одной не точности.

— Ты уходишь?

— Пора. Пóближе к ночи встретимся еще. Петков предупредил тебя, что мне разрешено задавать вопросы?

— Да уж, просветил! — бормочу я, изображая недовольство: чертов Цыпленок излишне внимательно пялится на нас от двери. — Спасибо за «Арду», барышня.

Я заставляю себя согнуться в поклоне и не распрямляюсь до тех пор, пока Искра не скрывается за дверью. Поясница моя тихо взывает от боли, вынуждая почти рухнуть на тюфячок. Скрестив ноги, я массирую спину, и именно за этим занятием меня застает Петков, поразительно быстро появившийся на смену Искре.

— Цыпленок, выйди!

— Он мне не мешает, — говорю я довольно нахально.

Вмешательство Искры в дело наряду со всем прочим означает, что Петков перестал быть единоличным хозяином и у Слави нет причин, чтобы не дать ему это почувствовать.

— Я сказал: выйди! Не зарывайтесь, Багрянов!

— Знаете... — начинаю я небрежно и достаю из пачки сигарету, — сдается мне, что Гешеву будет интересно узнать, кого вы прочите в авторы записки.

— Это шантаж?

— Ну что вы! Просто сделка. Не надо только на меня кричать, да и угрожать не надо. И все будет отлично.

— Вы правы. Я погорячился, Багрянов. — Он привычно оттягивает ворот и придерживает его пальцем. — О чем вы говорили?

— Представьте, ни о чем, что бы имело для вас хоть какое-нибудь значение. О погоде и моем виде.

О том, что мне не к лицу борода.

— Сигареты от нее?

— Разумеется.

— Дайте сюда. Вам принесут другие. Только «Арда» или сойдет что-либо еще?

— «Картел» тоже годится. Вы и своим не доверяете?

— Береженого бог бережет, — говорит Петков и пощелкивает ногтем по пачке. — Значит, речь шла о погоде?

— И о кофе.

— Напишите мне обо всем. Как можно подробнее.

— Цыпленок был здесь и все слышал.

— Он тоже напишет. Что же касается бороды, то Искра права. Вас надо побрить.

12

«Жребий брошен!» — произнес Цезарь и с этой фразой вошел в историю. Слави Багрянов много веков спустя сказал то же самое, но уже не для истории, для себя.

Искра только что ушла из особняка, унося в памяти дату «аварийного» randevu и текст объявления для «Вечера». Всего несколько часов было дано мне, чтобы взвесить степень риска и прийти к выводу, что иначе поступить нельзя.

Петков, уезжавший куда-то, вернулся к ужину и застал меня в состоянии покоя и умиротворенности. Он привез сотню «Картел № 2» — мягкую коробку с бандеролью из пакетной бумаги. Я распечатал ее, закурил; после «Арды» дым показался мне горьким, и я поморщился.

— Опять недовольны? — спросил Петков, разрушая молчание. — Вы же сами просили «Картел». Не цените вы доброты...

Петков разглагольствовал о доброте, а я вспоминал седуосого и невесело соображал, арестован он или нет. Все сходилось на том, что в организации провал. Но где? В каком звене? Пароль о снеге знаем мы трое — представитель Центра, я и связной.

Перед поездкой меня ознакомили с тем, что относилось к работе группы. В пределах допустимого, разумеется. Имен и подробностей чисто технического свойства мне не сообщали, и это было правильно, однако,

что группа несколько недель находится под ударом, не стали скрывать. Началось с того, что ДС арестовала двух информаторов, и один из них, очевидно, назвал человека, выходявшего к нему на связь. Связного с большим трудом удалось вывести из-под наблюдения и укрыть на запасной квартире, но этим дело не кончилось: армейские пеленгаторы из РО-2* полковника Костова нащупали рацию, и перед самым Новым годом контрразведка произвела налет на дом, из которого работал радист. В операции помимо людей Гешева и Праматорова участвовали два отделения жандармов и агенты полковника Костова. Товарищи, прикрывавшие «пианиста» с улицы, даже не успели вмешаться — так быстро все произошло. Да и был ли смысл? Что они могли поделать — двое против сорока со своими семизарядными хлопушками? Радист держался сколько мог; дверь его комнаты была изнутри обшита листовым железом и запиралась амбарным засовом; передатчик был настроен для радиообмена с Центром, и операторы отчетливо слышали аварийный сигнал, трижды повторенный, прежде чем рация замолчала. Навсегда. Последнюю фразу радист передал клером**: «Обстановка такая, что вынужден самоликвидироваться. Прощайте...» Товарищи из группы прикрытия, засевшие на чердаке напротив, видели, как труп радиста вынесли агенты в штатском и бросили в военный грузовик.

Две недели спустя Центр получил шифровку, пришедшую кружным путем. Наш представитель сообщал, что новых провалов нет, но положение сложное. Запасной передатчик хранился в комнате связного, и вывезти его не удалось; «пианист» сидит без дела, а собрать на месте новый «инструмент» не представляется возможным. В заключение шли обычные фразы о том, что товарищи спокойны и полны готовности выполнить долг, и я, читая их, почувствовал, как в сердце вонзается длинная острая спица. «Полны готовности...»

Чемоданчик из крокодиловой кожи да скромная персона Багрянова, приложенная к нему, — это было все, чем Центр мог помочь товарищам в настоящее время. По крайней мере, на первых порах.

* РО-2 — контрразведывательный отдел военного министерства.

** К л е р (радиожаргон) — незашифрованный текст.

И вот еще один провал. Седоусый. Или нет? Или, может быть, обошлось? Очень хочется верить, что все в порядке и Искра получила пароль от наших, а не из рук ДС.

...Цыпленок завозился у двери и вернул меня из прошлого в настоящее. Я надорвал бандероль на «Картеле», выудил сигарету. Петков присел в ногах, подтолкнул щелчком коробок со спичками.

— Все хорошо, Багрянов, — сказал он. — Но не пора ли заняться делом? Как чувствуете себя?

— Прилично.

— Тем лучше. Может быть, еще разок освежим вопрос о том, зачем, почему и с какой целью?

— Не понимаю, — сказал я, гася сигарету. — Какой толк тратить время на перепевы старой мелодии? Ничего нового я не прибавлю, и не потому, что не хочу, а просто где его взять, новое? Меня перебросили вслепую, дали пароль, часы randevu и снабдили словесным портретом того, под чьим началом я должен был работать. Вы же профессионал, Петков, и понимаете, что в моем деле лишние знания — минус, а не плюс.

— Багрянов, — сказал Петков очень тихо и пригнулся ко мне. — А как быть с улицей Графа Игнатиева, Багрянов?

Конец? Лсвое веко дергалось, и мне никак не удавалось привести его в порядок. Петков ждал; спичечный коробок в его руке совершал прыжки и кульбиты, становился на ребро. Вид у Петкова был скучающий; он даже не давал себе труда торжествовать, хотя имел на это основания.

— Что вы о ней знаете? — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал достаточно спокойно.

— О конторе и вашей роли в ней — все.

В голосе Петкова не было издевки, даже простого упрека не было. Он говорил о моем поражении как о чем-то отвлеченном, не имеющем существенного значения. В принципе я ждал, что ДС когда-нибудь нащупает старую контору на улице Игнатиева, но не предполагал, что так быстро, — чиновникам Дирекции пришлось перевернуть тонны архивных бумаг, связанных с сотнями Багряновых.

— Поздравляю, — сказал я сухими губами. — Чистая работа.

— Нормальная, — сказал Петков и подбросил коро-

бок, поймал, поставил на ребро. — Теперь вам будет легче перейти к правде, не так ли?

Я кивнул и облизнул губы. Они просто лопались от сухости.

— Надо написать? — сказал я.

— Пока расскажите. Не торопясь, по порядку.

...Два часа прошли на грани прострации. Очевидно, порой я терял нить рассказа, ибо Петков перебивал меня, возвращая на нужные круги. Семь кругов ада, доставшихся на мою долю. Пачка «Картела» опустела едва ли не на треть, а под потолком комнаты грозowymi тучами плавал слоистый черный дым.

— Любопытно, — сказал Петков, подводя итог. — Значит, контора использовалась как почтовый ящик? И вы всерьез хотите меня в этом убедить?

— Но это именно так!

— Ваш Центр столь расточителен, что способен ухлопать десятки тысяч для того, чтобы вы били баклуши, тратя два часа в неделю на игру в «дайте мне — я передам»? Басни, Багрянов!

Лицевые мускулы не слушались меня, и я догадывался, что Петкову нетрудно прочесть на моей физиономии одно-единственное, над всем превалирующее чувство — отчаяние.

— Как хотите, — сказал я устало. — Откровенно говоря, мне на все плевать. Доказательств у меня нет, и предложить мне нечего. Контора действительно служила почтовым ящиком; потом кто-то наверху счел, что расходы слишком велики, и меня отозвали.

— Кто выходил на связь?

— Всегда один и тот же. Толстенский, круглая лысина, голубые глаза. Письма приходили по почте; он являлся за ними каждый нечетный день недели и забирал. Допросите Марию, она работала у меня и может все подтвердить.

Петков выронил коробок; глаза его выцвели с быстротой картинки, попавшей в раствор кислоты.

— Багрянов! Я не склонен шутить. Да и вам не советую. Не прикидывайтесь, что не знаете ничего о вашей домоправительнице. Она умерла, Багрянов. Полгода назад. В селе Малково. Когда вас посылали сюда сейчас, ничего об этом не говорили?

— Клянусь, нет.

— Выходит, у вас не Центр, а благотвори-

тельное общество. Сначала тратят сотни тысяч для содержания простой «перевалки», а затем, отправляя человека, забывают предупредить, что единственный свидетель, способный повредить ему, почил и так далее. Быстро: кто приходил на связь?

— Я же говорил. Лысый, лет пятьдесят семь — шестьдесят. Короткий нос. Верхняя губа толще нижней.

Я морщил лоб, перечисляя точно известные мне приметы. Они принадлежали моему соседу по лестничной площадке — там, дома, и я не боялся сбиться.

— Кто резидент?

— Понятия не имею. Да клянусь же, это так!

— Хватит клятв! Сейчас мы прервемся до ночи, а затем поговорим еще. Освежите память, Багрянов, если хотите уцелеть.

— Я был исполнителем, не больше.

— Договорились: до ночи! И предупреждаю: упаси вас бог хоть намекнуть Искре, о чем мы тут беседовали. Можете лежать: пусть думает, что вам нездоровится.

Искра — последний шанс. Другого не будет. Я не вправе плохо думать о седоусом — он старый работник и скорее перережет вены, чем заговорит. Остается одно — верить и надеяться... Я лежал, натянув одеяло до подбородка, и никак не мог согреть ноги. Из соседней комнаты доносились голоса — Марко спорил с Цыпленком, чья очередь нести дежурство. Спор был мелкий и нудный и не кончился даже тогда, когда пришла Искра — вся в черном, быстрая и деловитая. Свидетелей не было, и я, отпустив долгий комплимент платью и выслушав вопрос о своем самочувствии, успел шепотом сказать о главном — randevu и объявлении. Искра кивнула, достала блокнот. Сделала знак «пиши текст», громко — с расчетом на стражей — сообщив мне при этом, что отделение А хочет знать — с моей помощью, разумеется! — какие меры предосторожности принял Центр в связи с усилением в Болгарии полицейского режима. Слушай Петков за дверью наш диалог, он вряд ли что-нибудь заподозрил бы... И все же... И все же я отчаянно волновался, торопливо вписывая в блокнот текст, гласящий, что некий Лев Галкин будет рад получить весточки от соратников по Галлиполийскому лагерю и ждет ответа до востребования. Дописав, я волноваться не перестал. Скорее напротив — именно в этот миг мне стало страшно при мысли, чем я рискую,

доверяя Искре единственную соломинку. Передай она объявление Петкову, а не в контору «Вечера» для публикации, — и Слави Багрянову ничего другого не останется, как сложить руки по швам и без бульканья и барахтанья тихонечко пойти ко дну.

Седоусый — провал — третья степень — пароль — Искра. Цепочка выпирала на первый план, вытесняя, казалось бы, другие версии. Дважды два... Школьный пример... Но в том-то все и дело, что в нашей работе чаще, чем хочется, присутствует известного рода алогизм, опровергающий школьные правила.

— Хорошо, я запомню, — сказала Искра и спрятала блокнот. — Документ нам нужен завтра, бай-Слави.

...Беспечное лицо отнюдь не свидетельство покоя. И классическая фраза о жребии не способна придать Слави Багрянову душевное равновесие. «Лев Галкин разыскивает...» Кто он такой, придуманный Центром Галкин? Белоэмигрант и, следовательно, сукин сын. Поможет ли он, бестелесный, Слави Николову Багрянову — очень симпатичному мне человеку? Объявление появится в «Вечере» послезавтра. В любом, пожалуй, случае. Если допустить худшее и признать, что за Искрой стоит не представитель Центра, а ДС, то и тогда Лев Галкин получит возможность воззвать к соратникам. Петков, насколько я его изучил, не из робких и пойдет до конца, ва-банк.

Ну что ж, Галкин, валяй разыскивай. После твоего призыва у меня останется в запасе не больше семи дней. Захочет ли Петков ждать столько, ничего не предпринимая, или спохватится и вспомнит о Лулчеве?

Завтра Искра пойдет на randevу к мечети Бююк-Джами.

Завтра. Ну а сегодня? Разве все уже позади?

13

Два дня — и ничего! Ровным счетом ничего, за исключением маленького происшествия, не имеющего отношения к личным делам и планам Слави Багрянова. Цыпленок попал в опалу и удален с виллы. Случилось это вчера, сразу же после завтрака.

Петков против обыкновения не уехал утром в Дирекцию, а остался, и в доме началась небольшая суматоха. Марко и Божидар сновали из кухни в кладовую и об-

ратно, а Цыпленок, несший дежурство, пытался им помогать и лез под ноги. Кончилось тем, что поднос с кофейным прибором, плывший на растопыренной пятерне Божидара, наскочил на гранитное плечо Цыпленка. Я поднял уцелевший бутерброд с джемом и скромно положил его на край стола.

— Болван! — сказал Петков брезгливо и потер ушибленную руку. — Вон отсюда, скотина!

Новый завтрак нам принесли минут через десять, и все это время Петков молчал, разминая пальцы правой руки. Я делал вид, что происходящее меня не касается, — рисовал на скатерти узоры черенком ложки и качал ногой.

— Перестаньте! — сказал Петков и отобрал у меня ложку. — Извините, Багрянов, но мне очень неприятно. Этот осел вывел меня из себя.

— Ничего, — сказал я. — С кем не бывает...

Петков медленно, осторожным движением положил ложку.

— Вы где учились, Багрянов? В закрытом пансионе для благородных девиц? В Сорбонне? Может быть, в Оксфорде? Валяйте, не стесняйтесь, учите меня, темного, хорошим манерам и светскому тону.

— Боюсь...

— А вы не бойтесь! Ну да, у меня не было ни нянек, ни гувернанток, и рос я в доме без электричества и с сортиром во дворе, а не в Лозенце *. Что?

— Нет, ничего...

— Значит, показалось. Вы коммунист, Багрянов? Можете не отвечать, это так, и мне, честно говоря, плевать на ваши убеждения. Чем вы отличаетесь от Павла Павлова? Ну скажите: чем? Если отшелушить демагогию и лозунги и оставить вас обоих голенькими, то и не различишь, пожалуй, где красный шпион, а где господин директор полиции. Интеллигенты! Кто вы — соль земли, каста? Почему вы презираете нас, вышедших из вонючей грязи и сотворивших самих себя, как господь бог Еву из ребра Адама?

— Ну и?.. — сказал я с иронией. — По-вашему, разницы нет? Здесь вы расходитесь с человечеством — оно думает иначе.

Петков поморщился.

* Фешенебельный район тогдашней Софии.

— Оставьте этот тон, Багрянов! Не в такой уж вы безопасности, как вам это представляется. У Цыпенка сейчас подходящее настроение, и он, моргни я только, изувечит вас, как бог черепаху. Поняли? Вы — ничто, прах, мразь; я — сила, власть, действие. Хотите помериться?

— Не очень, — сказал я покладисто.

— А как же гордость? Или у вас, господ интеллигентов, она атрофируется при виде кулака? Скажите — нет. Соврите, умоляю вас, и хоть в этом проявите мужество! Не желаете? Вам страшно даже тогда, когда еще не бьют, а только говорят о боли. У вас развитое воображение, и, уверен, подвал рисуется вам во всех подробностях — Марко, дубинки, жуткое унижение от бессилия. Вы были отвратительны тогда — ползали и выли. Слышите: выли!

— Я знаю...

— Смотри-ка: «знаю»! А что еще вам известно? Догадываетесь ли вы, что я тоже ненавижу боль? Но совсем другую — боль от оскорбительной вежливости, презрительного допущения меня — червя! — в круг небожителей. Мои костюмы не хуже ваших, и сорочки я меняю чаще, чем вы, и все-таки я грязный, а вы чистые.

— Кто — мы? — вставил я осторожно.

— Чистоплюи, интеллигенты по рождению. Я сказал, что не боюсь физической боли. Это так! В детстве меня лупцевали все, кому не лень. Даже мой собственный отец, конторская крыса, лебезивший перед любой тварью с классным чином повыше, и тот ежедневно порол меня — так, ни за что. Я научился терпеть, и теперь у меня шкура как у бегемота. Ее не пробить...

— По-вашему, — сказал я, — страдания закаляют? Чем ниже был, тем выше поднимаешься?

Брови Петкова округлились.

— Слова, Багрянов, сплошные слова! А колупни — что под ними? Вам приходилось пытаться? Нет? Еще бы, это же противно вашему естеству. А я что, по-вашему, замираю от восторга, что ли, когда при мне ломают кости, выворачивают суставы или агенты — очередью! — насилюют девчонок, а потом вырезают им женские места? Нет-нет, Багрянов, я не упырь и не выродок. Но я подготовил себя к этому и после подвала способен быть самим собой — читать стихи и шептать интимные

слова любовнице... Мне трудно, но я могу... Что же вы не спорите?

— А надо ли? — сказал я просто.

Мы закончили завтрак, и Петков уехал, увезя с собой Цыпленка. Полчаса спустя место Цыпленка занял кривобокий субъект с игривым именем Бисер. Он с места в карьер покорила меня тем, что узаконенное фонетикой «а» стремился по возможности заменять на сложный звук, средний между «я» и «у», и поэтому даже простое «дурак», обращенное ко мне, звучало в его устах печально и чуть загадочно: «дуряук».

— Ты новый охранник? — спросил я.

— Дуряук! — сказал Бисер и сел у двери.

Я люблю людей необычных. Кривой бок в сочетании с редкостным прононсом делали Бисера неотразимым, и, признаюсь, я испытал нечто вроде разочарования, установив вскоре, что с фигурой у Бисера все благополучно, а иллюзию асимметрии создает полуавтоматический пистолет, засунутый в кобуре под мышкой.

— Он тебе не мешает? — спросил я доброжелательно.

— Дуряук! — сказал Бисер.

...Сорок восемь часов. За этот срок Везувий раз пять мог бы засыпать пеплом Помпею и Мировой океан по меньшей мере трижды поглотить Атлантиду. В мире же Багрянова, слава богу, двое суток минули без потрясений и катастроф. Все странным образом притихло, и даже Петков не предъявляет претензий к не слишком пространному моим рассказам о деятельности конторы на улице Графа Игнатиева. Он словно бы ждет чего-то и потому тянет время, хотя старается при этом, чтобы все выглядело как обычно. Допросы сменяются отчетами, отчеты — допросами, я говорю и пишу, а Петков слушает или читает, не уставая и не нервничая. Сегодня подставной вторично навестил модный магазин и вернулся ни с чем. Петков сообщил мне об этом и с ровной, ничем не нарушенной угрюмостью выслушал ответ. Сказал:

— Мы попробуем еще раз. — И, помедлив, попросил меня снова написать о явке и технике связи.

И все же где меня засекли? В гостинице, очевидно. Больше нигде. Скорее всего подвел старый паспорт, и я должен признаться, что был не прав, убеждая Центр в его надежности. Петков зря ломал комедию с конто-

рой — он с самого начала знал, что Слави, сидящий с ним в сладкарнице и якобы прибывший из Добрича, и софийский коммерсант Слави Николов Багрянов, без вести пропавший более года назад, — одно лицо. Знал он и то, что границу я пересек нелегально, ибо в паспорте не было виз и таможенных штампов; и, наконец, он обязан понимать, что ожидать от меня правды — все равно что пытаться печь пирожные из снега.

Так в чем же соль? Почему он возится со мной, не применяя крайних мер и полагаясь на психологию и нелогичные ходы? Ставит на перезербовку?

Звонок в парадное возвещает, что доставили вечернюю почту. Только почтальон пользуется электрическим сигналом; остальные либо стучат трижды, с неравными перерывами, либо имеют свои ключи. Письма при мне не приходили, одни газеты — скучные, как плохой анекдот. «Утро», «Зора», «Вечер», «Днес». Полный набор прессы, доносящей до читателя высокое слово, угодное двору и Берлину, слепым шрифтом и на дешевой бумаге. Обычно я их не читаю, но сегодня при звуках звонка сердце мое вдруг подпрыгивает к горлу, торопя Багрянова навстречу Марко с пачкой газет в руках.

Я на ходу перелистываю «Слово», складываю ее по сгибам. Подождет. Сначала «Вечер». Не эта страница, последняя. Та, где печатают объявления. Есть или нет?

Рамочки. Виньетки. Рекламные шрифты. А в углу — между призывом вернуть за приличное вознаграждение пропавшего спаниеля и извещением о распродаже в магазине Дирана Барояна — три строчки курсива: «Лев Галкин разыскивает старых соратников по Галлиполийскому лагерю. Соблаговолите откликнуться — София, почта, до востребования. Буду рад получить весточки».

14

Человека можно запугивать до известного предела. После чего наступают апатия и безразличие. Я перешел рубеж страха, и теперь мне все равно. Угрозы Петкова попросту не доходят до меня; я пропускаю их мимо ушей и всматриваюсь в темное пятнышко на

стене — след от выпавшего гвоздя. Когда оно исчезнет, все на какое-то время кончится. Так уже было — три или четыре раза, — и всегда исчезновение следа предшествовало потере сознания.

— Воды, Бисер! Живо!

Ледяные струйки льются мне на голову, попадают за шиворот. Рубашка давно уже мокра и липнет к телу. Я перевожу взгляд с пятна на свои колени, низ живота; красные полосы и потеки на белом полотне бледнеют, смываемые водой, и розовые капли ползут по коже.

— Багрянов, — раздельно произносит Петков. — Прекратите упрямиться! Вы слышите меня, Багрянов?

Я слышу, но не хочу говорить. Петков сидит на перевернутом стуле — подбородок на спинке — и, не мигая, смотрит поверх моего плеча. Я точно знаю, что за моей спиной нет ничего интересного и значительного: там Марко и Бисер, они возятся с удавкой. В последний раз петля из сыромятной кожи, опоясавшая голову и закрученная до предела, едва не раздавила мне височные кости, и пятнышко исчезло надолго, возможно, на целый час.

— Багрянов, — повторяет Петков. — Не упрямьтесь! Умереть я вам не дам, а то, что было, — всего лишь начало. Если понадобится, Марко сточит вам зубы — здоровые, один за другим; Марко изувечит вас, Багрянов. И кому вы будете тогда нужны?

Марко выдвигается из-за моей спины, наклоняется к Петкову, бурчит что-то, почтительно отгораживаясь ладошкой.

— Хорошо, прервемся, — говорит Петков. — Сколько, по-твоему?

— Минут двадцать.

— Хорошо! Бисер, можешь пойти перекусить.

Углубление в стене невелико. Когда-то здесь, наверное, висела картинка. Потом сняли. Или упала. Я думаю об этом, совсем не радуясь, что сохранил способность соображать. Лучше бы я сошел с ума... Лучше бы... Ведь пройдет всего-навсего двадцать минут, и все начнется сначала. И как знать, не захочу ли я говорить? Внизу, в подвале, должна находиться Искра. Если, конечно, еще жива. Ее привезли под утро, и я тогда не знал, что это она. Просто проснулся, услышав сначала звук автомобильного мотора и тормозов, а по-

том хлопанье дверей, возню и сдавленный женский крик. Ночная пустота удесят�еряла звуки, делала их гулкими и вибрирующими. Я сел в постели, вслушался. Где-то залаяла собака и умолкла. Автомобильный мотор работал, и снег скрипел под тяжелыми шагами. Все продолжалось недолго, несколько мгновений, но рубашка моя успела намокнуть под мышками. Божидар, несший дежурство, встал и вытянулся у двери. Пробормотал:

— Спи, чего вскочил? Это господин начальник приехали...

Он, как и я, не слышал голосов, только шаги, и я подумал, что Божидар, точно пес, по походке узнает хозяина.

Звуки — шаги, кашель, скрип дверей — переместились из прихожей куда-то вниз. Я затаил дыхание, пытаясь разобраться, в чем дело, но больше ничего не происходило — домом распоряжались не люди, а предутренняя тишина. Тяжелая, гнетущая — такая же, как сейчас...

— Багрянов! Слушайте меня, Багрянов!

Я отвожу взгляд от пятнышка на стене и гляжу на Петкова.

— Не понимаю вас, — говорит Петков с досадой. — Поймите же наконец, черт дери, что Искру взяли с личным. Объявление в «Вечер» сдала она; заведующий редакцией, конторщица и кассир ее опознали. Знакомые вашей приятельницы нам известны наперечет, и Галкина среди них нет.

Петков подкладывает под подбородок ладонь. Скашивает глаза на наручные часы, высовывающиеся из-под манжета.

— Прошло пять минут. В запасе у вас пятнадцать. Ничто вам не поможет, Багрянов, кроме признания. Поверьте на слово. Вы слышите меня? Так вот, я уважаю вас именно за трезвый ум. Это редкий дар в наши дни, и дай вам господь возможность пользоваться им подольше. Ну чего вы, собственно, добиваетесь? Быстрой смерти? Ее не будет. Спасения Искры? Поздно... Какой смысл молчать? Не думаете ли вы, что вас обманывают, заверяя, что с Искры не спускали глаз ни на минуту? Каждый ее шаг известен, и я могу хоть сейчас пригласить сюда Гешева. Да-да, пригласить и сунуть носом в дерьмо! Не знаю пока, как она там его обошла, но что обошла — это точно. Гешев по ее милости

сидит сейчас в выгребной яме и не скоро из нее выберется. Так что — слово чести! — Искру из подвала не выручит и господь бог! Разве что вы поможете ей? Слышите: ее жизнь в ваших руках. Я не шучу.

Да, Искра окончательно провалилась, и будь он проклят, этот Петков, подловивший ее! А я-то... я-то хорош! Радовался, прочитав объявление. Выходит, седоусый уцелел, и я был кругом не прав, подозревая Искру в двойной игре. Что будет с ней?

— Пятнадцать минут, — лениво говорит Петков и поправляет манжет. — У вас осталось пять. Я передумал, Багрянов. Вас больше и пальцем не тронут. Сейчас придут Марко и Бисер, и мы отправимся в подвал. Там вас привяжут хорошенько, а Марко возьмется за девочку. Все, что стоило бы проделать с вами, он проделает с ней... Вы согласны, Багрянов?

Язык у меня распух и еле ворочается:

— Нич...о...ест...о!

Петков вцепляется пальцами в спинку стула. Косточки на руке белеют, а голос все так же тих.

— Ничтожество, сказали вы? О нет! Я полицейский и моему царю слуга. А ты — мразь! Марко! Божидар! Бисер!

Трое вошли, а мне не страшно. Совершенно не страшно. Будь что будет. Я единственный, кто знает Багрянова до конца. До самого сокровенного. Рубеж перейден еще в самом начале, и теперь Петков ничего не получит. Ты уж прости меня, Искра...

Марко тащит меня, почти волочет за конец веревки, привязанной к скрученным за спиной рукам. Петков идет впереди, чуть отступясь — Божидар.

— Гы! — говорит Бисер и награждает меня таким пинком, что я лечу головой вперед; Божидар еле успевает прервать мой полет.

Новый пинок, и ноги мои цепляются за порожек, скользят по ступенькам; плечо, которым я защищаю голову от соприкосновения с камнем, уже не плечо — мышцы без кожи, сплошной кровоподтек.

Петков отодвигает засов и распахивает дверь. Марко коротким толчком вбрасывает меня в комнату, а Бисер и Божидар держат за локти, мешая упасть.

— Смотри! Тебе говорят, сволочь? Ну! Марко, открой ему фары, пусть видит!

Ручища Марко раздирает мне веки. Пальцы давят

сильнее и сильнее, впиваясь в углы глазниц у висков.

— Ну как она вам, Багрянов? Нравится?

Комок окровавленного тряпья в углу — это Искра?.. Ноги мои подгибаются, но я не могу отвести глаз от красных полос на плечах и груди девушки. Бурая маска заменяет ей лицо. Из коричневой впадины в маске несется крик — жалкий, бессильный.

— Бисер, успокой ее, — говорит Петков.

Я скользну, обвисаю в руках Божидара и не успеваю подставить ножку Бисеру, ринувшемуся выполнять приказ. Петков подходит ко мне, загораживая Искру.

— Тебе не жаль ее, Багрянов?

Что-то сломалось во мне. Я перестал быть тем, кем был. Страха нет, но и воли нет. Петков прав: чужая боль не для меня... Я слабый человек... Дрянь я, ничтожество... Но иначе не могу...

— Не надо, — говорю я. — Не надо ее трогать.

Петков двумя пальцами берет меня за подбородок.

— А взамен? Искра — женщина не дешевая!

— Да... — говорю я.

— Что — да? Я правильно понял: выдаете все?

— Да...

— Ладно, пошли. Бисер! Останешься здесь и вызовешь к ней Фотия. Пошли, Багрянов.

Ничего не соображая, я ковыляю из подвала на второй этаж. Куда-то вхожу, на что-то сажусь. Пью. Воду или вино? Все туманится, пляшет перед глазами, и только коричневая маска не желает пропадать.

— Начинайте, Багрянов, — говорит Петков.

— Да... — говорю я. — Сейчас...

Каждый слог дается мне с трудом.

— Адресат? — спрашивает Петков. — Кому адресовано объявление?

— Нельзя... Не при них...

— Мои люди мешают? Хотите, чтобы вышли?

Все равно. Какое мне дело? Выйдут — не выйдут. Нет, пусть выйдут. Это же важно. Разве нет? Сейчас скажу — и все кончится. Больше не будут бить...

— Багрянов! Вы слышите меня? Мы одни. Говорите же. Кто адресат?

Я открываю рот:

— Лул...чев... Это Лулчев... Да...

Человек слаб, а я человек...

Допрос идет уже третий час, и ровно столько же я жарюсь под палящим лучом переносной ривальты. Ослепленный, почти испеченный заживо, я все-таки не теряю сознания, и Петков, сидящий в прохладной тени, не торопясь вытягивает из меня имена, подробности, факты.

Сколько я еще выдержу? Час? Два? Бесконечность?..

— Итак, — говорит. Петков и поправляет ривальту. — С Лулчевым мы разобрались. С объявлением тоже. Очередь за randevu — кто и когда придет?

— Не знаю, — говорю я, пытаюсь облизнуть губы.

— Знаете! — Пауза. — Багрянов! Еще немного — и я верну вас вниз и переломая все кости! Мало вам было?

— Достаточно...

— За чем же остановка? Сказав «а», переходите к «б». Вы продали нам Лулчева...

— Я не продавал.

Петков присвистывает из своей прохладной тени.

— Не в термине суть! Факт остается фактом, и Лулчеву один черт: продали ли вы его ДС, выкупая жизнь, или назвали по соображениям альтруизма... Откуда вам известно, что он работает на англичан?

— На немцев тоже.

— Оставьте немцев в покое. Мне нужны англичане! Что вы знаете об этом и из каких источников?

Три часа! Три долгих-предолгих часа ривальта выжигает мне кожу на лице, а Петков долбит одно и то же. Лулчев и англичане. Англичане и Лулчев. Кто, что и когда?

— Выключите свет, — прошу я. — Я же сдохну... На кой черт вам покойник?

— Сначала ответ. Просьбы потом. Что вы знаете о связях Лулчева и СИС?

— Ничего. Только то, что работает на нее. Давно.

— Общие слова: «знаю», «давно»... На чем же вы собирались его подловить? На этой болтовне?

— Мне должны переправить документы. Со связником.

— Кто связник?

— Не знаю.

Петков снова коротко и выразительно присвистывает.

— Багрянов! Мы же вроде бы договорились? Ну же, Багрянов! Раскошеливайтесь! Адрес резидента СИС, пароли и все такое прочее!

— Не знаю... Связник...

— Опять легендарный связник? Где он? Когда придет? Где randevу?

— В храме Александра Невского, в воскресенье. Во время службы. Он должен подойти и сказать...

— Слышал! Почему вы решили, что связник знает вас в лицо?

— Предупредили. В Центре. Сказали: он сам подойдет.

— Есть опознавательный знак?

— Нет. Только маяк... если провален... перчатки в правой руке... Дайте же воды, Петков. Умоляю вас!

Глоток. Еще один. Господи, хорошо-то как!

— Спасибо, — говорю я с надеждой получить новую порцию воды. — Я не обманываю вас, Петков. Лулчев связан с англичанами и немцами. Документы, компрометирующие Лулчева, должен переправить связник после того, как объявление появится в «Вечере». Я надеялся через Искру передать тем, кто с ней связан, чтобы они доделали дело. Искра получила бы документы...

Где-то в глубине, в недоступной мне прохладе скрипит кресло. Тоненько звенит, сталкиваясь с графином, стакан. И так же тихо, почти неслышно, смеется Петков.

— Искра? Связник нацелен исключительно на вас, а документы передаст ей?

Все это и называется — загнать в угол. Теперь надеяться не на кого. Все дело в одном — выдержу ли? Побой, ривальта, отсутствие воды... Что еще придумает Петков?

Я собираюсь с силами и выпрямляюсь, насколько могу.

— Налейте воды, Петков. И выключите свет! Клянусь, это сейчас важнее для вас, чем для меня. Да, я знаю связника! Знаю! Знаю! Только что толку для вас? Его я вам не дам; не дам — и точка. Делайте что хотите, но без меня вам не обойтись. Думаете, не понимаю, зачем вы бьете в одну мишень? Я вам связника, а вы

мне — пулю в затылок. Так? Колотите себя в грудь или рвите волосы, но с Искрой вы поспешили и упустили шанс обойтись без Багрянова. Теперь извольте сами считаться с фактами. Я один знаю связника, и одному мне удастся получить компроматы на Лулчева...

Минута тишины — и тьма кромешная. Так всегда бывает, когда переходишь от ослепительного света к мягкому полумраку.

— Так, — говорит Петков, и я слышу звук воды, льющийся в стакан. — Допустим, все так. Полагаете, перенграли?

— Кое в чем.

— Не будьте самонадеянны, Багрянов.

— Разве похоже? — Я смотрю на стакан и мысленно пью. — Хотите предложение?

— Разумеется, да.

— Разумно. — Мысленно я пью еще один стакан. — Я даю вам Лулчева; вы мне — свободу. На такой базе мы договоримся. Нет — делайте что хотите, но я умру немym. Не считайте это громкой фразой. Так будет.

Я долго шел к этой минуте, и вот она настала. Все произнесено, добавить больше нечего, и не мне решать, как пойдет дальше...

Скрип, треск половицы под ногой Петкова, и край стакана упирается в мои губы. Я запрокидываю голову и пью...

— Ладно, — говорит Петков. — Вам повезло, что здесь сижу я, а не Гешев. Так вот, час я вам дам. Не вы мне, а я вам, ровно час.

— Зачем?

— Соберитесь с мыслями и поточнее обрисуйте связника. Полный словесный портрет, характеристика физических и моральных данных. Особенности.

Стакан все еще висит в воздухе где-то возле моих губ, не отдаляясь и не приближаясь.

— Нет, — говорю я. — Так не пойдет...

— Подумайте... И — через час!

Конец? Или удастся еще потянуть? Мне нужно пять суток. Ровно пять, ибо через сто двадцать часов — в случае, если Слави не появится в храме Александра Невского, — Центр получит сообщение, что Багрянов провалился.

Пять суток, Любая цена мала, чтобы получить их!

Час — срок короткий, однако его хватает, чтобы с Петковым успела произойти разительная, а потому загадочная для меня перемена. Он сидит передо мной спокойный, благожелательный — ни дать ни взять тот давний Атанас, который возник перед бай-Слави в самом начале знакомства.

Один час. И, судя по всему, за это время что-то произошло. Но что?

Усевшись, Петков поправляет брюки, придвигает к себе графин, наливает стакан — щедро, до самых краев.

— Пейте, Багрянов. Еще? Или лучше кофе? Марко! Сходи приготовь кофе. Вам, конечно, с тмином, Багрянов?

Ах вот оно в чем дело! А я-то гадал...

— По-варшавски, — отвечаю я. — Раскололи Искру?

— До самого конца!

Петков улыбается, и на щеках у него проступают ямочки. Если бы не щетина, то заместитель начальника отделения В запросто сошел бы за моложавого ангела, спустившегося с небес.

— Хватит, — говорит Петков, видя, что я собираюсь допить воду. — Заболеете. После ривальты врачи не рекомендуют. Слышали об обезвоживании организма?

— Так, кое-что.

— Ну что, полегче? — Платок исчезает в кармане. — Между прочим, странная погода: то снег с дождем, то дождь со снегом...

— Источник тот же? — говорю я.

— Разумеется.

— Вы преуспеваете.

Сказав это, я окончательно успокаиваюсь. «Опоздал ты, Петков...» Показания Искры уже ничего не могут изменить, поскольку один Багрянов знает связника... Багрянов. То есть я.

Тень колебания — едва заметная — проскальзывает по лицу Петкова.

— Гляньте-ка сюда, Багрянов.

Серый бумажный прямоугольник, плохо заглянцованный и словно бы выцветший, — позитив мгновенной фотографии, сделанной, судя по качеству, портативным аппаратом и в невыгодных условиях. Я всматриваюсь в него: улица, в панораме — дома; слева — вполоборо-

та — человек. Все снято мелко, но не настолько, чтобы в человеке нельзя было признать седуосого, обладателя «Патека».

— А вот и связник, Багрянов!

— Этот? — Я качаю головой. — Чушь собачья!

Так... Выходит, седуосый арестован и, очевидно, погиб. Скорее всего под пыткой. Он начал было говорить, но дальше пароля не пошел.. Что-то помешало... Прощай, товарищ! Имя твое мне неизвестно, и все, что мне когда-то сказали про тебя, уложилось в два слова: «Надежный работник». Это была высшая аттестация, и ты оправдал ее. Больше того, даже погибнув, ты помогаешь мне, и помощь твоя неоценима — Петков представления не имеет, как много говорит фотография, которую я держу в руке. Дом, на чьем фоне ты снят, стоит на углу, рядом с особняком миллионера Бурева — у него один из лучших в Софии частных садов. Да-да, я уверен: это на улице Царя Калояна! А следовательно, тебя сфотографировали до связи со мной. В противном случае наружник постарался бы поймать в кадр и бай-Слави, и Петков сейчас предъявил бы фотографию совсем не для того, чтобы проследить мою реакцию, а как точную улику. Прощай, товарищ! И еще раз — спасибо. Ты помог мне в главном сейчас — до конца разобраться с Искрой... Прощай, друг!

Я прекращаю мысленный разговор и кладу на стол фотографию.

— Это не связник.

Марко, старательно балансируя подносом, вносит две дымящиеся чашки и все, что к ним полагается. Сахарница, поджаренные хлебцы, джем на блюдечке.

— Валяйте, Багрянов, — поощрительно говорит Петков и подает мне пример — тонким слоем намазывает джем на хрустящий тост. — Поговорим как друзья. Без оскорблений и сведения счетов. Дело ваше долгое, и отступать вам некуда.

— Это почему же?

— А потому, что ваши связи, ваши легенды, все, что имеет хоть малейшее касательство к Багрянову, отработано до конца. Если вы заметили, любой ваш шаг, начиная с приезда в гостиницу, был просвечен.

Я отставляю чашку и киваю.

— Мерси за сообщение. Значит, вы засекли меня в день въезда в номера, не раньше.

— Не ломайте комедию! — Петков отрывается от чашки, смотрит на меня в упор. — Можно подумать, что вы это только сейчас сообразили.

— Нет, конечно. Но вы подтвердили факт...

— А какой смысл скрывать? — говорит Петков просто. — Опыта у вас хватает, вы это доказали.

Петков надкусывает хлебец и аппетитно хрустит крошкой. Челюсти его работают равномерно, и глаза чисты.

— Три легенды, — говорит он.

— Почему три, а не сто три?

— Считать умеете? Первая — модный магазин и все к нему относящееся... Вторая...

В нашем разговоре довольно много пауз; они позволяют мне отвлекаться и, больше того, вооружиться кое-какими догадками относительно перемен, происшедших за истекший час с заместителем начальника отделения В.

— Вы остановились на легендах, — говорю я и, колебавшись, беру сигарету из пачки Петкова. — Первую вы назвали. Вторая?

— Не торопитесь, Багрянов, — говорит Петков терпеливо. — У вас скверная привычка забегать вперед. — Он вытирает губы салфеткой и на миг прикрывает глаза. — Не так уж важно, сколько было легенд. Существеннее другое — уровень вашего профессионализма при их использовании и умение перестраиваться на ходу. Проанализировав эти и кое-какие иные компоненты, можно прийти к выводу...

— Какому? — не удерживаюсь я.

— Вы пришли не на связь с разовым заданием... Это — с одной стороны. С другой же — Багрянов не годится на роль резидента, ибо резидент с «подмоченным» паспортом — это, извините, нонсенс! Что такое резидент? Своего рода посол. С его внедрением нет смысла спешить и уж совсем ни к чему задействовать его сразу. А связь у вас была. Да, была. На вторые сутки. На улице Царя Калояна, не так ли?

— Вы спрашиваете или утверждаете?

— Утверждаю. Я бы не показал вам фотографию, если б не был уверен. Никола Бояджиев — так звали вашего связника. Пароль: фраза о снеге и дожде, отзыв — любой набор слов со вставленным в него «ту-

маном». Аварийный сигнал: перчатки в одной руке, Я не ошибся?

— Вам виднее.

— Бояджиев — паспортное имя. Вам известно настоящее?

Прежнее состояние — вялость и апатия — подбирается ко мне. Я теряю нить разговора, тогда как Петков свеж и бодр.

— Его знал только он, — говорю я, следя за тем, чтобы голос был ровен. — А он не скажет... Он же умер, Петков! Умер час или полчаса назад. Потому вы и принесли фото. Пока он жил, было бы невыгодно. Вы ждали: а вдруг заговорит. Он что, был без сознания, да? — Хлеб ложится на стол — есть я не могу. — Короче: Бояджиев умер, и расстановка сил изменилась. У вас больше нет ничего в запасе, Петков. Один я. Один! И, кроме меня, никто не даст вам правды о явке в церкви. Вот так. Вы теперь и пальцем меня не тронете, Петков!

— Ой ли?

— Не тронете. Наоборот, будете холить и лелеять. Легенд было три, вы правы. Правы и в том, что я не курьер. Я пришел из-за Лулчева, и только я могу дать вам его... Лулчев работает на немцев и англичан. Немцы, конечно же, вас не волнуют — про них в ДС известно без меня. Зато связь советника царя с СИС для вас дар божий. На таком деле любой сделает карьеру. Верно? Не отвечайте, Петков. Будем считать, что я просто размышляю вслух. Так вот, сдается мне: вы и раньше подозревали, что Лулчев работает не только на Берлин, но и на Лондон. Однако доказательств у вас пока нет. Если Делиус * платит Лулчеву в своем бюро на бульваре Евтимия и не бог весть как маскирует это, то англичане действуют с максимумом предосторожностей. Делиус в Софии почти бог; резидент СИС — нелегал, разыскиваемый вами. Отсюда и разница во всем, что связано с ними, отсюда же и другая разница — в их отношении к Лулчеву. Попадись он на сделке с Делиусом, это не вызовет даже семейной сцены у царя, тогда как работа на англичан может стоить ему головы... Берегите меня, Петков. Я для вас — курочка, несущая золотые яйца. Пока жил Бояджиев, вы надея-

* Делиус (майор Отто Вагнер) — резидент гитлеровской разведки в Софии.

лись получить явку в церкви от него — бесплатно, в подарок. Теперь Бояджиева нет... Слушайте, Петков! Хотите разочарую вас? Бояджиев ничего не мог бы вам рассказать о храме и встрече в нем. Он не был об этом осведомлен. — Я преодолел вялость; она ушла, и я спокоен. — Сейчас я кончу, Петков, потерпите. Остался пустяк, и он сбивает вас с толку. Вы ломаете голову над вопросом: если Багрянов шел сюда, чтобы прибрать к рукам советника царя, какого черта он стал звонить во дворец с бульвара Дондукова? Так?

— Продолжайте.

— Хорошо. Второй вопрос — почему я доверился Искре?

— Почему же?

— Начнем с телефона. Крайне просто и сводится к глупому просчету. Я недооценил вас, Петков. Ваша шляпа, дурацкое знакомство. Я потащил вас к телефону, полагая, что вы рядовой агент и имя Лулчева нагонит на вас страху. Сознаюсь, неумно. Особенно если вспомнить, как я хватал вас за шею и подсовывал трубку.

— Сцена была захватывающая!

— Не язвите: вы тоже выглядели не лучше. Я слишком поздно раскусил, зачем вы приставили ко мне демаскированных «хвостов» и всячески старались показать, что я провален. Однако и я, в свою очередь, испортил вам крови, сунувшись на бульвар Дондукова и не дав довести до конца идиллическую линию Искра — Багрянов. Насколько я понял, вы очень на нее надеялись?

— Более или менее.

— Ну что ж, она принесла вам, что могла: текст объявления и явку у Бююк-Джами.

— Фальшивую явку!

— А вы как хотели? Надо ж хоть в чем-то подстраховаться! Вы совершили только две ошибки.

— Просветите?

— Маленькая — не стоило давать объявления, не выйдя к Бююк-Джами вторично. Покрупнее — слишком трогательно все было в подвале. Эти полосы на плечах, обнаженная грудь... Никогда не передоверяйте исполнителям черновую работу. Марко все же не ас, а вы поздно стали исправлять ошибку. Помните? Попытались встать между мной и Искрой, отгородили ее, когда догадались, что я могу распознать инсценировку.

— Распознали?

— Увы! Только сейчас сообразил.

Да, с Петковым надо держать ухо востро. Ответь я по инерции, что заметил в подвале неладное, — и все полетело бы вверх дном. Ибо и в этом случае история с Лулчевым начала бы рисоваться в новом свете... Рубашка под мышками намокает — так бывает со мной всегда, когда удастся не сверзиться в яму, но картина возможного падения еще слишком свежа, чтобы ее можно было отнести к безвозвратному прошлому. Отвлекаясь, я заставляю себя переключиться с дня нынешнего на день минувший и вспомнить то утро, когда фыркание автомобильного мотора разбудило меня. Что меня тогда поразило? Шаги и сдавленный женский крик. Точнее, несоответствие крика, в котором угадывался страх, со спокойной отчетливостью шагов. Тук-тук-тук. Равномерно и звонко. Женщина кричала и в то же время беззаботно шла к подъезду...

— Поздно, — говорю я с видимым огорчением. — К сожалению, поздно удастся разобраться в мелочах. Ничего не исправишь.. Ладно, черт с ним! Перейдем к сути или же хотите еще о чем-нибудь спросить?

— Предпочту послушать.

— Тогда об условиях? — спрашиваю я осторожно, готовый в любой миг затрубить отбой. — Первое — свобода.

— Помню. Еще что?

— Чистый паспорт. Без имени. Я его сам впишу.

— Допустим... Еще?

— Двести пятьдесят тысяч левов. Можно предъявить чек.

— Все? — Голос Петкова звучит ровно.

— Не совсем. Нужен еще пропуск. Наверняка в ДС есть такие пропуска или удостоверения. Нет? Ключок бумажки либо жетон, гарантирующий свободный проход, проезд и все такое прочее.

— Не знаю. Надо навести справки...

— Вы — и не осведомлены? Ни за что не поверю!

— Хорошо. Когда вы хотите получить вашу галантерею?

— Утром перед визитом в храм.

— После визита.

Я развожу руками, и сигаретный пепел сыплется мне на брюки.

— До! Гарантии так уж гарантии!

— Чистый паспорт. А фото? Не прикажете ли вас здесь сфотографировать?

— Переснимите со старого.

— Я подумаю, — холодно говорит Петков.

17

Петков уехал вместе с Фотием и с тех пор не появляется на вилле. Исчез куда-то и Божидар, и Бисеру с Марко приходится туговато. Они по очереди стряпают, подметают этажи, смахивают тряпкой пыль с мебели, дежурят у дверей комнаты — словом, совмещают обязанности тюремщиков с хлопотным ремеслом прислуги.

Завтра воскресенье. Следовательно, завтра и поход в храм. Правильно ли я поступил, дав Петкову Лулчева? Да или нет?

Тихо ковыляя по комнате, я вновь и вновь — в который раз! — восстанавливаю в памяти ход событий и склоняюсь к мысли, что иного выхода, пожалуй, не было. С чего началось? С того, что, выходя из номеров на бульваре Евтимия, я заметил наружника, потом другого и понял, что оторваться не удастся. Для порядка я помотал их по городу, но они висели у меня на пятках с упорством бульдогов. В течение суток число филеров удвоилось, и я потихоньку терял остатки спокойствия при мысли, что randevu на улице Царя Калояна назначено и отменить его нет никакой возможности. Положение утяжелялось тем, что, таская наружников по Софии, я рано или поздно мог наткнуться на людей, знавших меня по конторе на улице Графа Игнатиева, и, хотя правила предписывали нам не заметить друг друга, никто не поручился бы, что в каком-то случае из правила не будет сделано исключение. Выходило так, что поднадзорная свобода, дарованная мне ДС, становилась опасной не для одного Багрянова.

Будь я всего лишь курьером, выход оставался один — самоликвидация. Но я не был им, и мысль о чемоданчике останавливала меня. Рация и деньги лежали в нем. Бесценный груз! Он был крайне нужен, его ждали, и, следовательно, я обязан был вручить его адресату.

Все, что мог сделать Центр, снаряжая меня в вояж, — подстраховать запасной явкой в храме. Шиф-

ровка, трижды повторенная в часы радиоприема, ушла в Софию еще до моего отъезда... Рискнуть или нет? Времени для колебаний у меня почти не было, и я решил, что игра стоит свеч.

Вот так и вышло, что я «подставился», и Петков, бросив текущие дела, примчался на бульвар Дондукова. Судя по всему, ему весьма не хотелось этого делать. Интимная дружба Искры и Слави в ближайшем будущем обещала принести плоды, но я — грубо, в лоб! — сунулся с запиской и паролем и, наломав, таким образом, дров, вдобавок преспокойно завалился спать. Я спал, а Искра названивала в ДС, и Петков, надо понимать, не сиял от радости, слушая ее. Еще бы! Ведь все шло так мило и благородно: агент ДС в роли подруги Слави, из любовных соображений предупреждающая его о том о сем; сам Слави, обязанный, судя по всему, прибегнуть к ее содействию; совместная их работа под контролем ДС, разумеется. Идиллия! А вместо этого?

Я ковыляю по комнате и не без удовольствия представляю, как Петков в кабинете у Львова моста потел, решая задачу. До звонка Искры все развивалось по его сценарию. Агенты топали за мной, беспрепятственно позволяя дешифровать себя: напуганный слезкой, я, как и надлежало, суматошно мотался туда-сюда; записка вела меня к Искре и просьбе оказать ту или иную услугу; и вот на тебе! А фронт, суший фронт, как говаривали наши деды. Старый пароль! Что сие означает? Беспредельную глупость Слави или провал Искры? Если первое, то пора кончать игру: туповатый объект того и гляди полезет не в мышеловку, а под колеса трамвая, и тогда — прости прощай. тонкие замыслы! Если второе, то и тут не легче. Надо срочно страховать Искру и попытаться сберечь ее для новых комбинаций. А Багрянова брать; брать в любом случае.

Словом, мы оба — Петков и я — разными тропинками шли к одному, и встреча на бульваре Дондукова состоялась. Вспоминая всякую всячину, я — без особой радости! — признаю, что Петков и там и позже оказался на высоте. Легенду, обосновавшую метаморфозу Искры, он разработал почти безупречно. Зная о распрях между Гешевым и Праматоровым, я обязан был поверить, что Петкову — нож острый появление Искры в особняке. А трюк с паролем?

Небо свидетель — Петков мастак на выдумки. Накладки с сигаретами и шагами в ночи, в конце концов, не имели значения, ибо я в полной мере оценил их лишь после того, как текст объявления попал к Искре. Лев Галкин проник на четвертую полосу «Вечера», и Слави Багрянов мог сколько угодно кусать локти и посыпать пеплом седеющую голову, упрекая себя в доверчивости и иных смертных грехах. Помнится, я так и делал, и хочу надеяться, что выглядело это достаточно убедительно.

Я останавливаюсь и, припав щекой к холодной стене, устраиваю привал. Семнадцать тысяч шагов — примерно девять километров. Еще тысячи три — и на сегодня хватит. Сердце кувалдой молотит в ребра, не хочет успокаиваться, и стена под щекой теплеет, начиная согреваться. Я касаюсь ее рукой и скашиваю глаза в сторону стола. Там поверх пепельницы лежит конверт из плотной коричневой бумаги. Моя индульгенция и подорожная в будущем. Вручая мне его вчера, Петков не изображал колебаний.

— Берите, Багрянов, — сказал он серьезно. — Проверьте: паспорт, пропуск, чек. Все на месте...

Я взял конверт, полистал паспорт — все было в порядке.

— Теперь, когда товар у вас, позвольте дать совет. Играйте по-крупному и постарайтесь разумно им распорядиться. — Он помолчал. — На вашем месте я не стал бы терять с нами дружбы. Как знать, не пригодится ли вам ДС!

— Это совет или угроза?

— В Болгарии, знаете ли, беспокойно. И... и не поручусь, что вас не возьмут на прицел партизаны или боевики подполья.

— Или ваши люди? — спросил я в тон.

Петков помедлил, усмехнулся.

— И это возможно. Сдается мне, что Дирекция не проявит рвения при поисках убийц. Так вы подумайте.

— Подумаю, — сказал я угрюмо и положил пакет на пепельницу.

«Ладно, — говорю я себе. — Не вешай носа, Слави!» Надежды... Всяк волен не терять оптимизма, даже когда судьба готовится произнести скорбное «аминь». Вот и Слави — ему совсем не улыбается сложить ручки на груди в предвиденье краха, и он готов цепляться за

любую отсрочку. Если бы Искра не подыграла ему в свое время с объявлением, пришлось бы поломать голову и изобрести иной способ добраться до «Вечера». Какой? Ну, здесь так сразу не ответишь. Может быть, я напрямую предложил бы Петкову сделку в отношении Лулчева, а, может быть, нашел другой ход. Все дело в том, что Петков ничем не рискует, делая вид, будто тащится у Слави на поводу. Даже если связь Лулчева с СИС — очередной миф изобретательного Багрянова и объявление в газете означает не вызов на randevу, а набат тревоги, адресованный кому следует, то и тогда все складывается для ДС сравнительно неплохо. «Кто дает яд, тому известно противоядие» — гласит пословица. Следуя ей, Петков превосходно соображает, что у Багрянова помимо сигнала «Беги!» должен быть в запасе другой — означающий «Приходи на встречу».

Кроме того, по-моему, Петков уверен, что с Лулчевым я не лгу. И не зря. Его превосходительство Любомир Лулчев действительно работает на англичан. Я установил это еще тогда, когда процветал в конторе на улице Графа Игнатиева. Мои люди наткнулись на агентурщиков СИС случайно, а со временем добыли доказательства, что Лулчев ведет двойную игру. Деньги, получаемые им от британской короны, нисколько не мешали верой и правдой служить немцам, и информация для резидента СИС составлялась в бюро Делиуса. Этот господин, носивший в списках абвера имя Отто Вагнера и чин майора, завербовал советника еще в сороковом, и он же, нащупав резидента Интеллидженс сервис, стал подкармливать Лондон первоклассной «бронзой».

Все это я и выложил Петкову, скрыв от него, разумеется, кое-какие детали. У любой откровенности должны быть разумные пределы, и ДС совсем не следовало знать, кто и когда рассказал Багрянову о Лулчеве. Другое дело — технические подробности, всякие там справки о суммах, полученных советником от англичан. Попроси их Петков от меня и прояви настойчивость, я бы, пожалуй, выложил все, что помнил, но заместитель начальника отделения В, очевидно, располагал какой-то своей информацией о проделках Лулчева, и дело ограничилось констатацией факта.

На сей раз заместитель начальника отделения В дважды не прогадал: в отношении явки в храм и связей его превосходительства. И то и другое — сущая правда. Зато Петков, в свой черед, поступил в высшей степени некорректно, мороча голову бедняге Слави. Ах, Петков, Петков! Я готов держать пари, что действует он не на свой страх и риск! Да, директор полиции Павел Павлов шею тебе свернет, как цыпленку, дружище Атанас, дай лишь ему пронюхать о нашей с тобой частной договоренности... Кто стоит за тобой? Кто вручил тебе конверт для передачи мне? Кто позволил держать Багрянова столько дней на вилле, не прибегнув ни к одному из методов регистрации — фотометрической, дактилоскопической, арестантской? И наконец, кому перепродал ты дело Лулчева, выхлопотав себе вознаграждение? Павлу Павлову? Начальнику военной разведки полковнику Недеву? Министру внутренних дел?..

Двадцать тысяч шагов. Все.

Марко — унылый Санчо Панса — бочком протискивается в дверь и становится у порога. За его плечом молчит Бисер.

— Извольте побриться, господин, — говорит Марко тоном слуги из хорошего дома. — Господин Петков приказал вас постричь и побрить.

18

...Я волнуюсь.

Не за себя волнуюсь, за дело. Наверное, так чувствует себя командир, посылая людей в атаку — вперед, в неизвестность, к притихшей до поры черной линии чужих окопов.

Нервничает и Петков.

Мы стоим на трамвайной остановке недалеко от школы запасных офицеров. Идет тихий крупный снег и тут же тает; в углублениях рельсов скапливается темная подвижная вода. Снег пошел где-то с полуночи, сопровождаемый каплейю. Она звенела под окнами, обваливала сосульки и с трудолюбием дятла клевала жестяные подоконники. Петков, незадолго до того прибывший на виллу, в мокром плаще сидел в углу и безостановочно, одну за другой, истреблял сигареты. Пепел, похожий на цилиндрики артиллерийского пороха,

был рассыпан где попало — на столе, на полу, в складках брюк. Мы обговорили все, глаза у меня слипались, но Петкову было мало — он раз за разом возвращался к одному и тому же, не уставая и не повышая голоса. В конце концов мне надоело, и я запротестовал.

— Сколько можно? Я все понял — и о вас и о себе. Надо ли повторяться?

— Считаете, не надо? — сказал Петков. — Как знать! От повторения вреда не будет; зато, если что-нибудь напутаете, пеняйте на себя... Главное, ведите себя смирно.

До этого Петков битый час объяснял мне, чем все кончится, если я попытаюсь отступить от инструкций. Я слушал его вполуха и радовался, что все скоро кончится. Капель обрабатывала подоконники, и сосульки ухали, мягко взрываясь в сугробах; для ощущения благополучия не хватало мурлыкающей кошки.

Волнение пришло ко мне только сейчас, на остановке. Мы добрались сюда на двух автомобилях — в головном ехали агенты, в другом — мы с Петковым.

Ноги у меня мерзнут, и я тихонько постукиваю каблуками, украшая брюки стоящего рядом Петкова серыми точками грязи. Агенты — их четверо — зябнут поодаль, одинаковые, в плащах с поднятыми воротниками. Им еще предстоит померзнуть, околачиваясь возле храма. Заутрениа протянется не менее часа, и я, думая об этом, испытываю некоторое удовольствие.

Трамвая все нет и нет. Я выплясываю ритмический танец и рассматриваю забеленный снегом склон напротив. Трамвайная линия проложена у подошвы невысокого холма, за которым — если взять вправо — лежит Лозенец, самый что ни на есть респектабельный квартал Софнии. О том, что за моей спиной расположен стрелковый полигон, я стараюсь не думать. На полигоне расстреливают.

Петков вплотную придвигается ко мне, берет под руку. Он неестественно оживлен; губы растянуты в улыбке.

— Замерз, бай-Слави?

— Опоздаем к заутрене, — говорю я и пристукиваю каблуками.

— Не о том беспокоишься, — говорит Петков, — Моли бога, чтобы он пришел.

— Трамвай?

— Твой человек.

— Придет. Послушай, надо ехать в машине. Ручаюсь, нас некому засекают.

Остановка пуста — только мы шестеро, и я говорю громко. Агенты поворачиваются на голос, а Петков изо всей силы сжимает мой локоть.

— Потерпим. Христос и тот терпел.

Один из агентов длинно, с присвистом зевает. На лице у него скука и томление. Он мелко крестит рот и, не отнимая пальцев от губ, дует на них. Глядя на него, зеваю и я, и как раз в эту минуту с воем раздавленной собаки возникает трамвай — желто-красный вагончик, не спеша скатывающийся вниз, под уклон. Пальцы Петкова впиваются в мой локоть, и по мышце до плеча молнией проскакивает судорога. Я невольно вырываю руку, заставив агентов встрепенуться. Тот, что зевал, делает шаг ко мне и лезет в карман.

— Ты чего? — окликает его Петков. — А ну на место! И чтобы не лезть к нам в вагоне. Держитесь поодаль, поняли? А ты не дергайся, бай-Слави. Они могут не понять, в чем дело... Ну с богом!

Я сжимаю зубы и карабкаюсь на обледенелую подножку подошедшего трамвая. Петков подталкивает меня в спину, помогает не соскользнуть. Рука у него твердая.

В трамвае пусто. Лишь у будочки вожатого дремлет, кивая при толчках, пожилая крестьянка в шопском платке. Платок в нескольких местах заштопан; я успеваю заметить это, пока Петков, звеня стотинками, расплачивается и садится, притиснув меня к стенке.

Плечо Петкова наваливается на мое. Губы принимают к уху.

— Бай-Слави. Ты слышишь меня? Не вздумай глупить в храме. Уйти тебе не дадут. Ты понял?

— Угу, — говорю я, чувствуя на щеке капельки слюны.

— Ты узнаешь его?

— Откуда? Говорил же тебе: он сам меня узнает.

Петков отодвигается, чтобы через секунду вновь прижать меня к стенке. Шепот буравит перепонки.

— Наступишь мне на ногу, когда он подойдет. Два раза.

— Помню.

— Веди себя так, словно меня нет.

— Хватит, — говорю я сердито. — Сколько можно? Если ты в чем-то не уверен, давай вернемся.

Я вытираю со щеки слюну и раздраженно отстраняюсь. Я что ему — железный, каменный, бетонный, кирпичный? Египетская пирамида, что ли? И когда только настанет конец? Знал бы кто-нибудь, как я устал!

А Петкова все несет. Он не может или не хочет остановиться. Слова выскакивают из него, стертые, не имеющие смысла. О чем говорить, если все решено? Если все, до самой последней запятой, обговорено еще там, на вилле? Я выстраиваю глухую стену, отгораживаюсь ею и пытаюсь жить сам по себе — шевелю пальцами в ботинках, отогревая ноги, считаю штопки на платке крестьянки.

— Вставай, бай-Слави! Пересадка. Живее!

Стена, воздвигнутая с немалым трудом, рушится, и я, поднявшись, двигаюсь к выходу. Один из агентов прет за мной через весь трамвай и выскакивает уже на ходу. Прыгает он неловко, подворачивает ногу, и Петков, услышав вскрик за спиной, не оборачиваясь, рычит:

— Болван! — И ко мне: — Не отставай, бай-Слави.

Спотыкаясь, я перехожу пути; останавливаюсь, и почти сразу же подходит вагон — чередá светящихся квадратов, опущенных инеем. Желто-красные бока посеребрены. Дошагивая до подножки, я провожу по серебру растопыренной пятерней и оставляю на ней волнистую нотную строку. «Ля!» — вызванивает трамвай. «До!» — протягивают, сдвигаясь с места, колеса. «Соль!» — чистенько тренькает колокольчик в будке водителя. Не трамвай — музыкальная шкатулка.

Не хочу думать. Ни о чем.

— Бай-Слави! — толкает меня в бок Петков. — В храм войдем вместе. Не забудь снять шапку и перекреститься.

— Без креста нельзя?

— Хватит!

Рука Петкова, просунутая под мой локоть, сигналист, что пора подниматься. По зыбкому полу мы идем к задней площадке, и я рассматриваю темные от грязи планки настила. Между ними поблескивает монетка. Я нагибаюсь, поднимаю и, зажав в кулаке, кожей пытаюсь определить — орел или решка.

Мы выбираемся на улицу, и сырость темного, непрогретого утра заставляет меня задрожать. Площадь перед храмом полна народу, мы вклиниваемся в толпу, нас толкают, бранят; зубы у меня клацают, а Петков что-то говорит мне, но я не слышу, все еще стараясь понять, какой стороной лежала монетка — решкой или орлом.

Ступень. Еще ступень. До разверстой двери храма рукой подать. Оттуда тянет теплом, сладким воздухом хорошо протопленного жилья.

Служба еще не началась, огни приглашены, и лики святых — темные на темном — прячутся в полутьме. Сотни и тысячи маленьких свечек отражаются в золоте риз. Они горят ровно и спокойно, освещая самих себя, и люди — лица их, одежды, руки — тенями скользят, приникая друг к другу, благостно призрачные и отрешенные ото всего.

— Свечи, — нервно говорит Петков. — Возьми же свечи!

Две тонкие восковые тростинки покорно сгибаются у меня в руке. Воск податлив, пальцы сминают его; я смотрю на огоньки свечей и ничего не понимаю. Где я? Кто я? Зачем я здесь?

Призрак среди призраков.

Я резко встряхиваю головой, и тени превращаются в людей. Мужчин и женщин. Они окружают нас с Петковым — дышат, сопят, кашляют, сморкаются, что-то пришептывают — сотни богомольцев, братьев и сестер во Христе, словно бы приросшие к полу и отделяющие нас от аналоя и царских врат.

«Ну?» — спрашивает глазами Петков.

Я пожимаю плечами и взглядом указываю вперед. Петков кивает.

Плечи у него чугунные, и прихожане, уступая напору, без протестов очищают дорогу. Нам надо туда, в глубь храма — поближе к вызолоченным царским вратам. Я верчу головой, пытаюсь найти агентов, но толпа густа, и если они есть, то отличить и выделить их не удастся. Четверо охранников остались на улице; здесь должны быть другие, чьи лица мне незнакомы, и я, подумав об этом, воздаю Петкову должное. Он, как всегда, предусмотрителен — не зная никого, я должен бояться всех.

«Не отставай!» — сигналил Петков глазами.

«Иду!» — отвечаю я и двигаюсь к аналою.

Где-то здесь должна произойти встреча.

Золото, бархат, серебро лампад. Удлиненные лики на досках и тяжкий запах пота, идущий от людей. Я сжимаю незажженные свечи и кошусь в сторону одной из богомолков. Черный платок, черное пальто... Искра!

Петков больно толкает меня локтем. Шепчет сквозь зубы:

— Где?

На миг я отвлекаюсь и теряю женщину из виду. Искра или нет? Мало ли в мире черных пальто?

Мы останавливаемся на свободном пяточке — слева от огороженного квадрата, предназначенного для священника. Впрочем, может быть, не для священника, а для кого-то еще — я плохо разбираюсь в тонкостях богослужения и знаю только одно: стоим мы там, где надо.

Все должно начаться одновременно со службой.

Через несколько минут.

Теперь ничто уже не зависит от меня. Если шифровки Центра попали по назначению, если половина прихожан не является агентами ДС, если мне удастся превозмочь слабость, если тот, кого я знаю как Густава, окажется рядом и ответит на сигнал, то тогда я получу шанс — первый и последний реальный шанс! — превратить желаемое в сущее... Как много «если», а шанс — один...

Я оглядываюсь — аккуратно, не поводя головой. Рядом почти нет мужчин, а те, что есть, непохожи на агентов. Впрочем, черт их разберет, кто есть кто. Не проворонить бы Густава.

Дыхание мое пресекается. Горло перехвачено, и тугой комок у кадыка никак не хочет сглатываться. Три свечи в протянутой руке возникают из-за спин, и я поднимаю повыше две.

Густав!

— О! — говорит Петков и не успевает закончить.

Я вижу его округленный рот, нелепо вздернутые брови и что есть силы наотмашь рублю ребром ладони по ненавистной шее. По адамову яблоку. Изумление возникает на лице Петкова и исчезает — вместе с лицом, телом, самим Петковым, кулем оседающим к моим ногам.

Кто-то хватает меня за руку... Я вырываюсь... Крик...
— Сюда!

Опять кто-то хватает меня, но теперь я уже соображаю, что это Густав, и, не рассуждая, устремляюсь туда, куда он меня тащит, волочет, тянет, расшвыривая людей. Что-то выпадает из моего разжатого кулака. Что? Ах да, монетка. Пропави она пропадом!

Огромная икона возникает на пути, и я не успеваю удивиться, увидев на ней дверную ручку. Дверь? Чертовщина какая-то! Густав ногой пинает ее, вбрасывает меня в черный зияющий подвал; я едва успеваю пригнуться; попадаю в чьи-то руки и, безотчетно доверяясь им, бегу, увлекаемый невидимыми мне людьми, по неосвещенному коридору.

Чья-то рука, тяжелая, как глыба, рвет меня за плечо. Я не успеваю сбросить ее — Густав, вынырнувший откуда-то сбоку, разрубает воздух пистолетом, схваченным за ствол. Глухой стон и трель полицейского свистка — откуда-то из глубины храма — сливаются в единый странный звук, перекрываемый криком Густава:
— Скорее, черт дери!

Не оглядываясь, бегу, натываясь на спины и плечи; где-то позади остается яростный оклик «Стои!» и срывающаяся на вопль боли команда «Берите живым!».

Метры — как километры.

«Не вздумай глупить в храме...» Это Петков так говорил? Ну да, Петков! Здесь его люди... И боевики Густава... Уйду или нет?..

— Скорее! — задыхаясь, орет Густав.

Он огромен и тяжел, гораздо выше и тяжелее меня; я знаю, что у него астма, и, как о чем-то постороннем, думаю, что ему, должно быть, очень трудно бежать. А эти с ним — кто они? Двое.

Поворот... Снова поворот... Еще один... Меня разворачивают, подталкивают, направляют — и все это молча, тяжело дыша.

— Стой, — запаленно командует Густав. — Боян, проверь.

— Ты где? — говорю я, едва держась на ногах.

— Здесь. Тише. Ну что, Боян?

— Там женщина. Та самая...

— О черт!.. Вперед, ребята! Боян, прикроешь!

— Понял!

— Слави, за мной!

Мокрая от пота рука вцепляется в мою и тянет. Опять бежать? Не могу!..

— Слави. Да не упирайся, мать твою!..

Я бегу — нет, лечу! — из последних сил. Сиплое дыхание, мое собственное или чье-то, бьется в ушах.

— Не могу...

— Можешь!.. Давай сюда...

Неестественно беззвучно открытая дверь — и улица. Не развеянная рассветом темнота. Холод валится на меня, снежным кляпом забивает рот.

— Перебегай, — неожиданно спокойно говорит Густав из-за спины.

— Куда?

— На ту сторону. Боян прикроет.

Я ступаю на тротуар, пытаюсь оглядеться и оскальзываюсь. Балансирую на одной ноге, только бы не упасть!

— Берегись! — кричит Густав.

Темнота улицы, темнота одежд. Удержавшись на ногах, я на миг, на десятую секунды столбенею — черное пальто, белый овал... Искра! Значит, я не ошибся там, в церкви! Как она попала сюда?

— Стой, бай-Слави!

— Искра?! — говорю я и делаю шаг к ней.

— Назад! — ревет Густав.

Кто-то выпрыгивает из-за моей спины, а я стою, стыну на месте, глядя, как медленно — слева направо — рассекает нож сначала мрак, потом черное пальто, и женщина падает, совсем уже медленно, клонится ко мне, длинно всхлипывает и, отбросив телом мою руку, скорчившись, ложится в снег.

— Что? — говорю я. — Что?

Другие слова не идут на язык. Я забыл, как они произносятся.

— Что? — шепчу я на бегу, подхваченный Густавом и одним из боевиков. — Зачем? Куда?

Ничего не понимаю... Кажется, мы стоим во дворе. Или в подворотне. Или нет — в парадном. Стоим. Живем. Дышим.

— Слави! Ты как?

— Ничего.

— Сейчас, старина.

— Ничего, — твержу я и ощупываю рукав — мокрый, теплый.

Кровь? Чья? Искры? Ну да, не моя же. Я-то жив!
— Тише, — говорит Густав. — Ну и задал ты нам работы, старина.

Где-то далеко — в тридевятom царстве — начинают надрываться полицейские свистки. Поздно.

— Порядок, — говорю я. — Чего ждем?

— Сейчас. Помолчи, старина.

Густав треплет меня по плечу, и я закрываю глаза. Ничего нет — пустота. Темное тепло неосвещенного подъезда. Остров. Ну да, остров. А я островитянин и скоро поеду на материк. Вот только отдам чемоданчик и поеду...

— Где ты, Густав?

— Здесь, старина. Потерпи немного.

Старый товарищ, мы работали с ним. Иногда — не чаще раза в месяц — пили кофе в моей конторе на улице... на улице... Как она называлась, эта улица? Забыл.

— За что вы ее? Зачем?

— Она из ДС.

— Знаю.

— Ничего не поделаешь, старина.

Почему Искра? И как она оказалась здесь? Нелепое совпадение. Шла молиться или выполняла приказ Петкова? Мертва. И я никогда не узнаю правды. Никогда. Глупая, глупая Искра! Она была еще молода и могла начать жизнь иначе. Была... Я стою и не могу заставить себя открыть глаза. Я, взрослый несентиментальный мужчина, многое перевидевший на своем веку. Почему же мне так больно, хотя убит враг? Кто скажет почему?

— Пора, — говорит Густав обыденным голосом. — Прикроешь нас, Боян. Пошли!

— Пошли...

Все еще темно, и в небе — ни одной звезды. Зимой не видно звезд. Я стою на тротуаре, а в глубине переулка тигриными зрачками мерцают притемненные фары автомобиля.

Содержание

	Стр.
Идите с миром	3
Островитянин	89

Алексей Сергеевич Азаров

ОСТРОВИТЯНИН

П о в е с т и

Редактор *С. П. Бенке*

Рецензент *А. Ф. Полянский*

Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*

Художник *Н. А. Васильев*

Технический редактор *Т. Г. Пименова*

Корректор *Н. М. Опришко*

ИБ № 1721

Сдано в набор 23.10.80. Подписано в печать 23.04.81.
Г-42728. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обща-
новенная новая. Печать высокая. Печ. л. 5,5. Усл.
печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,76. Усл. кр.-отт. 9,35. Тираж
100 000 экз. Изд. № 4/7155. Зак. 7160. Цена 75 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160

252015, Киев-15, Январского восстания, 40, 4-я военная
типография.

Цена 75 к.

ЕЛЕКСЕЙ АЗАРОВ
ОСТРОВИТЯНИН

В
П